
НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

В.А. Шамахов, А.А. Ковалев

ВЛАСТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ЭПОХУ ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Монография

Москва
РИОР

УДК 321
ББК 66.0
Ш19

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Авторы:

Шамахов В.А. — д-р экон. наук, канд. ист. наук, профессор, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ковалев А.А. — канд. полит. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Рецензенты:

Бочарников И.В. — д-р полит. наук, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса (Москва);

Радилов И.В. — д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики Санкт-Петербургского государственного университета

Шамахов В.А., Ковалев А.А.

Ш19

Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации в эпоху противостояния цивилизаций : монография / В.А. Шамахов, А.А. Ковалев. — М. : РИОР, 2018. — 256 с. — (Научная мысль). — DOI: <https://doi.org/10.29039/0879-9>

ISBN 978-5-369-00879-9

В монографии исследуются властные механизмы обеспечения военной безопасности России в современную эпоху цивилизационного противостояния. Раскрываются актуальные теоретические и практические аспекты проблемы российской политики военной безопасности, рассмотрены социально-онтологическая суть и организационная структура обеспечивающих ее властных механизмов. Представлены концептуальные, доктринальные и правовые основания обеспечения военной безопасности России. Предложены пути совершенствования и модернизации властного регулирования сферой обеспечения военной безопасности.

Издание предназначено для научных и практических работников, занимающихся проблемами политического управления и обеспечения безопасности в военной сфере.

УДК 321
ББК 66.0

ISBN 978-5-369-00879-9

© Шамахов В.А.,
Ковалев А.А.

ВВЕДЕНИЕ

Военная безопасность традиционно рассматривается как важнейшая часть комплексной безопасности государства и социума. В современную эпоху она представляет собой сложную военно-политическую и социально-правовую систему со своими специфическими содержанием и структурой. Обеспечение военной безопасности исторически является важнейшей задачей государства, о чем свидетельствует вся мировая и отечественная история. История России, как никакой другой страны в мире, наполнена ярчайшими примерами посягательств на территориальную целостность нашей Родины со стороны враждебных сил как на западе, так и на востоке. И чаще всего речь шла не только о защите территории государства, но и о самом существовании народов, живших в нашей стране.

Видимо, великий философ Гегель прав: всемирная история развивается не линейно, а по спирали. А витки исторической спирали, как известно, обнаруживают некую тенденцию к повтору. Наша Родина на рубеже веков воевала всегда — это со всей определенностью доказывает отечественная история. И сегодня в политической атмосфере все сильнее ощущается приближение новых военных столкновений. Очаги новой мировой войны уже охватили зону Средиземноморья, перманентно тлеют на Кавказе, в Иране и Сирии. Более того, практически в самом центре Европы, вблизи от «матери городов русских», ведется гражданская война, а по улицам самого Киева с попустительством недалеких политиков-однодневок маршируют солдаты НАТО. Если война примет глобальный характер с необратимыми экзистенциальными последствиями, всеобъемлющими разрушениями и жертвами, то человечеству может прийти конец.

Чтобы избежать этого, необходимо создать новую систему международной безопасности. Но такая система закономерно включает целый ряд национальных систем комплексной, в том числе и военной, безопасности. В современной России подходы к решению проблемы военной безопасности весьма разнообразны. В идеале они предполагают учет множества параметров и соблюдение специфических норм и принципов. Одновременно необходимо задействовать особый механизм, с помощью которого должна решаться данная задача. В любом современном государстве таким механиз-

мом обеспечения военной безопасности служит особый сегмент государственного управления, обладающий соответствующим комплексом средств и методов и базирующийся на доступных властных ресурсах.

В своих предыдущих исследованиях мы предложили обозначать переживаемое человечеством историческое время эпохой противостояния цивилизаций¹. Ранее мы подробно объяснили актуальность данного понятия и в настоящей работе будем, по мере необходимости, дополнять и углублять наши мировоззренческие и геополитические представления и выводы применительно к теме настоящей работы. Пока же лишь подчеркнем, что в современных условиях постоянно усложняющегося и глобализирующегося мира неуклонно возрастают роль и значение институтов государственной власти в нашей стране. От эпохи управленческой анархии и олигархического беспредела, характерных для посткоммунистической России времен Ельцина, наша страна вновь вернулась к идее сильной авторитарной власти, которая особенно необходима в вопросах обеспечения военной безопасности государства. В интересах успешного решения проблем обеспечения военной безопасности сегодня чрезвычайно важно адаптировать структуру и деятельность властного механизма под постоянно изменяющуюся ситуацию как внутри страны, так и в отдаленной перспективе. Именно сильная государственная власть в современной России приобретает все большее значение в социальном бытии страны. Только сильная власть может успешно решать внешнеполитические задачи: успешная военная операция в Сирии, продемонстрировавшая силу российского оружия, отлично иллюстрирует данный тезис.

Это понимают и политические противники, и недруги России, обвиняя — порой чрезмерно — лидера нашей страны в усилении авторитарных и даже тоталитарных тенденций. Вот что пишет, например, Майкл Штюрмер в книге «Путин и взлет России»: «За годы нахождения у власти Путина вновь обострилась характерная для русских привычка создавать культ непогрешимой и мудрой личности, находящейся у руля страны, которая все может и в силах которой изменить лишь с помощью властных механизмов

¹ Ковалёв А.А. Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. — СПб.: Коновалов А.М., 2016.

внутреннее и внешнеполитическое положение страны»¹. Однако вся российская история свидетельствует о том, что сильная государственная власть являлась залогом существования страны. И если власть в России ослабевала, то само существование государства находилось под угрозой. Опровергать это бессмысленно. Поэтому важнейшим направлением обеспечения военной безопасности как главной части комплексной безопасности страны являются целенаправленное, последовательное и научно обоснованное развитие и эффективное использование ресурсов власти.

Для успешного решения задачи по совершенствованию системы обеспечения военной безопасности Российской Федерации и адаптации ее к современным условиям необходимо прежде всего уяснить направления совершенствования властного механизма как главного инструмента обеспечения военной безопасности. Назовем эти направления: 1) укрепление и совершенствование системы государственного управления России с помощью обеспечения военной безопасности; 2) модернизация и оптимизация структуры и функций организаций, призванных непосредственно участвовать в решении этой задачи; 3) повышение возможностей оборонно-промышленного комплекса нашей страны для обеспечения вооружением, военной и специальной техникой как вооруженных сил, так и других воинских формирований; 4) уравнивание с современными мировыми стандартами условий жизни и деятельности российских военнослужащих; 5) модернизация нормативно-правовой базы, относящейся к обеспечению военной безопасности, а также к правоотношениям государства и гражданского общества в решении этого вопроса; 6) устранение недостатков в финансировании и повышении эффективности военных расходов государства. На наш взгляд, успешная реализация данных направлений позволит решить задачу по повышению эффективности деятельности общества и государства в сфере обеспечения военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций.

Ранее мы в своей кандидатской диссертации исследовали властные механизмы обеспечения военной безопасности России². Поэтому в основу настоящей монографии частично положены текст и

¹ *Stuermer M.* Putin and the rise of Russia. — London: Phoenix, 2009. — P. 54.

² *Ковалёв А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. — СПб., 2015.

результаты предыдущего исследования. Однако геополитическая ситуация в мире, а с ней внутри- и внешнеполитическое положение России, изменяется сегодня с потрясающей быстротой. Как никогда прежде, человечеству впору вспомнить шекспировские слова о «вывихнувшем суставы времени» (*The time is out of joint*) и принять действенные меры по исправлению ситуации, иначе воистину кафкианский абсурд современной политической и социокультурной реальности может закончиться гибелью человечества. Успешная и действенная практическая политика невозможна без науки — без комплексного приложения усилий философов, политологов, юристов, экономистов, культурологов. В этой связи новое и дополненное анализом новых реалий исследование властных структур и механизмов, напрямую занимающихся проблемами военной безопасности России, будет актуальным и своевременным.

Позволим себе еще раз отметить следующее: «В современной России властные структуры забывают и не хотят вспоминать о роли общественных наук, в том числе и политологии, да и вообще о роли теории в развитии общества. Порой создается впечатление, что корабль современной российской государственности плывет не только без философского руля и политических ветрил, но и вообще без обществоведческого компаса. А в идеале теоретические исследования политических процессов, происходящих в современную эпоху, должны служить ориентиром для практического решения возникающих проблем»¹.

Поэтому наше новое обращение к исследованию властных механизмов обеспечения военной безопасности будет бесполезным, и продиктовано оно следующими обстоятельствами.

Во-первых, увеличиваются опасности и угрозы в отношении Российской Федерации. Действенные шаги российской власти по направлению восстановления исторической справедливости и целостности Русского мира (присоединение Крыма к России и военные действия на востоке Украины, где преобладает русскоязычное население) вызывают активную неприязнь Запада. За последние годы блок НАТО вплотную приблизился к границам нашей страны вследствие вхождения в его состав бывших советских республик, некогда являвшихся неотъемлемой частью исторической России.

¹ Ковалёв А.А. Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций. — С. 6.

На состоявшемся в сентябре 2014 г. саммите НАТО в Уэльсе было принято решение о создании сил быстрого реагирования и развертывании частей в странах, граничащих с Российской Федерацией, в частности в Польше и Прибалтийских государствах¹. В 2015 г. в Риге был создан Центр стратегических коммуникаций НАТО, главная цель которого состоит в идеологической борьбе с «российской пропагандой». С начала 2017 г. блок НАТО начал размещать своих военнослужащих в Польше и странах Прибалтики.

В Послании Президента России Федеральному Собранию 4 декабря 2014 г. было отмечено, что продолжается настойчивая работа по созданию глобальной системы ПРО США и это представляет собой угрозу не только безопасности России, но и всего мира. Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами заявил, что Россия надежно и гарантированно обеспечит обороноспособность страны в новых условиях². А уже в Послании Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г. Президент отметил: «Вызывает озабоченность и то, что в мире, причем даже в самых благополучных, казалось бы, странах и устойчивых регионах, возникает все больше новых разломов и конфликтов на политической, национальной, религиозной, социальной почве. В отличие от некоторых зарубежных коллег, которые видят в России противника, мы не ищем и никогда не искали врагов. Нам нужны друзья. Но мы не допустим ущемления своих интересов, пренебрежения ими»³.

По сути дела, в мире начата новая «холодная война», которая в ряде географических точек мира уже трансформировалась в пол-

¹ Пресс-конференция Генерального секретаря НАТО Андерса Фога Расмуссена после заседания Североатлантического совета на уровне глав государств и правительств во время встречи НАТО в верхах в Уэльсе 4 сентября 2014 // Организация Североатлантического договора [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_112871.htm (дата обращения: 08.07.2017).

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2014 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171774/ (дата обращения: 09.07.2017).

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2016 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (дата обращения: 09.07.2017).

ноценную войну. Подчиняясь напористому давлению администрации Барака Обамы, страны Евросоюза ввели в отношении нашего государства экономические санкции, которые выразились в ограничении сотрудничества с Российской Федерацией, в том числе и по вопросам военной безопасности. Инерция американской политической системы такова, что даже вновь избранный Президент США Дональд Трамп, в своей предвыборной риторике клявшийся наладить отношения с Россией, не может ничего изменить, ибо напрямую зависит от решения Конгресса. Поэтому он вынужден лишь подписывать инициированные Конгрессом законопроекты и выражать недовольство этим в прессе и в Интернете.

Принятый почти единогласно Конгрессом и крайне неохотно подписанный Трампом 2 августа 2017 г. закон о санкциях против России, по сути, является объявлением вне закона всего российского политического руководства. Финансовой разведке США было поручено в течение 180 дней выявить все активы, принадлежащие верхушке российской элиты, и сделать эти данные достоянием широкой общественности¹. После этого предполагается применение действующих в США законов по борьбе с отмыыванием капиталов, нажитых преступным путем. Это принципиально новый характер отношений США с российской властью. В тлеющей гибридной мировой войне наметился явный перелом. Отсюда проистекает необходимость ответных действий, которые должны, на наш взгляд, предприниматься с учетом современных концепций политологов, социальных философов и специалистов-международников.

Сопrotивление Дональду Трампу, который не скрывал своих симпатий к В.В. Путину, обозначилось в американских коридорах власти с самого начала президентства Трампа. Его отношение к Путину называли угодническим, а поведение Трампа на их первой встрече в Гамбурге, видимо, стало последней каплей для американского политического истеблишмента.

Власть Президента США в стране отнюдь не безгранична, и тень Ричарда Никсона до сих пор витает в Белом доме, а память о вынесенном ему в августе 1974 г. импичменте, видимо, не дает Трампу покоя. Конгресс США — весьма мощная и действенная политическая структура. Соединенные Штаты Америки — разви-

¹ Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 2017. — Der. 15. August.

тая демократия с многоуровневой системой сдержек и противовесов. Но порой политические страсти в США и ненависть определенных кругов политического истеблишмента так велики, что это мешает принимать здравые и выгодные для самих США решения. Так, Организация Североатлантического договора прекратила сотрудничество с Российской Федерацией, хотя дискомфорт от этих санкций испытывают страны НАТО, прежде всего в реализации своих целей в Афганистане.

Базисные и глобальные экономические интересы подчиняются интересам политическим — порой сиюминутным и преходящим. Европейский Союз включил в санкционный список российские оборонные концерны. Было приостановлено участие России в организации G8 («Большая восьмерка»). Не только страны англосаксонского содружества (США, Великобритания, Канада), но и европейские государства (Франция, Германия, Нидерланды, Норвегия, Швеция и др.) приостановили военное сотрудничество с Россией. Были введены ограничения на передвижение за рубежом некоторых должностных лиц, участвующих в обеспечении военной безопасности Российской Федерации. Таким образом, явно прослеживается очень опасная тенденция, выражающаяся в стремлении к международной изоляции нашей страны.

Во-вторых, войны эпохи противостояния цивилизаций качественно отличаются от войн предшествующей человеческой истории. Изменение характера и сущности войны диктуют необходимость переосмысления концептуальных оснований теории войны. Необходимо выработать новые подходы, которые учитывали бы возникновение новых военных опасностей и угроз. Как следствие, появились теории войн, которые именуют сетевыми, сетевыми, сетевыми, концентрическими, геофизическими. Совсем недавно военные политологи выделили еще одну разновидность войн — гибридную войну. Естественно, что само изменение характера войн влечет за собой и необходимость переосмысления принципов и механизмов обеспечения военной безопасности. Войны нового типа требуют безопасности соответствующего уровня.

В-третьих, продолжающееся изменение военных опасностей и угроз в эпоху противостояния цивилизаций требует радикального реформирования органов государственного управления, структура которых зачастую не соответствует задачам и вызовам сегодняш-

него дня. Необходимо создать действенный механизм взаимодействия между всеми ветвями власти, призванными обеспечивать военную безопасность государства для предотвращения возможной военной агрессии. Одним из шагов в этом направлении является создание в 2014 г. Национального центра управления обороной. Механизм этой организации призван осуществлять координацию и централизованное управление силами и средствами всех государственных органов, участвующих в обеспечении обороны государства. Необходимо и дальше продолжать деятельность по реформированию властного механизма обеспечения военной безопасности, и делать это на научной основе.

В-четвертых, принятые в Российской Федерации концептуальные документы, регламентирующие деятельность в области обеспечения военной безопасности (в том числе принятая в 2014 г. Военная доктрина¹), содержат ряд неточностей и пробелов в трактовке современных войн, выборе объектов и субъектов войн и обеспечения военной безопасности. Явственно видна низкая степень участия представителей фундаментальной науки в составлении этого важнейшего документа.

Военная доктрина любой страны — продолжение внутренней и внешней политики. Подобные документы в западных странах составляются очень подробно, чаще всего с упоминанием конкретных деталей, и имеют большое значение. Юридически Военная доктрина не является документом прямого действия. В Военной доктрине 2014 г. (в отличие от Военной доктрины 2010 г.²) учтены особенности современных войн, а также стратегии государств — членов НАТО и других военно-политических организаций в отношении России. И все же, на наш взгляд, в ней сохранены все недостатки методологического характера, присущие ее предшественнице. Используется тот же терминологический аппарат, а понимание войны по-прежнему сводится лишь к вооруженному конфликту. Это исключает из анализа стратегические проблемы обеспечения военной безопасности — ставка делается на силовые методы обеспечения военной безопасности.

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

² Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» (утратил силу).

С другой стороны, впервые в текст доктрины включены сугубо идеологические мотивы. Например, в числе внутренних военных опасностей в документе упоминается «деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества»¹.

И, наконец, обеспечение военной безопасности является составной частью общей политики государства, а не только связанной с созданием и развитием военной организации и ее подготовкой к применению средств насилия для защиты государства. В Военной доктрине указывается, что к военным угрозам для страны относятся: подрывная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств против России; комплексное применение информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций. На наш взгляд, в этой формулировке кроется опасная тенденция возможности применения вооруженных сил внутри собственной страны. Протестные действия населения рассматриваются как потенциальная военная угроза.

В целом, для создания эффективной системы обеспечения военной безопасности Российской Федерации следует проанализировать сложившийся в Российской Федерации механизм обеспечения военной безопасности. Необходимо уяснить роль федеральных и региональных властей в работе этого механизма в современную эпоху. Следует уточнить роль, функции и задачи общественных институтов. Лишь тогда, на базе конкретного фактического материала, можно выработать рекомендации как по корректировке самого властного механизма обеспечения военной безопасности России, так и механизмов взаимодействия тех институтов, которые участвуют в этом процессе.

Обратимся к небольшому экскурсу в степень исследования нашей проблематики. Некогда Збигнев Бжезинский был вынужден признать в интервью газете «Сегодня»: «Советский Союз был исторической Россией, называемой Советским Союзом»². Уровень обеспечения военной безопасности в СССР соответствовал уровню, приличествующему великой державе. После распада СССР

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

² «Сегодня», издание группы «Мост». — 1994. — № 7.

перед Российской Федерацией со всей остротой встал вопрос обеспечения собственной военной безопасности, а также безопасности сопредельных с ней регионов на всем постсоветском пространстве.

Но изменившаяся под влиянием проводимой по американским рецептам глобализации геополитическая картина мира не позволяла решать задачи обеспечения военной безопасности на базе прежних концептуальных и доктринальных положений и подходов. Россия утратила статус великой державы. Долгое время после распада СССР она руководствовалась при проведении своей внешней политики антипатриотической парадигмой бывшего Министра иностранных дел Андрея Козырева о том, что «нельзя одной рукой стучать по столу, а другой просить подаяние». Такая позиция не могла не привести как к количественным, так и к качественным негативным изменениям.

Разумеется, проблемы военной безопасности нельзя сегодня изучать без рассмотрения различных аспектов геополитики. Саму геополитику трактуют по-разному. Ниже приведем определение профессора В.А. Золотарёва, доктора исторических и доктора юридических наук: «Под геополитикой понимается система научно обоснованных и официально принятых взглядов руководства одного государства или коалиции государств на их географическое положение и роль в мировом сообществе в политическом, экономическом, военном и других отношениях, реализуемых в практической деятельности с целью удержания ведущего положения в мире или регионе и обеспечения национальных и государственных интересов»¹.

Но различные и многочисленные определения геополитики отнюдь не затемняют главного: большинство сильных в политическом и экономическом отношении государств земного шара стремятся контролировать как можно больше жизненного пространства планеты и влиять на более слабые государства в своих интересах. И в этом аспекте проблема военной безопасности и совершенствования механизмов по ее обеспечению приобретает важнейшее значение во времена набирающего силу цивилизационного противостояния.

¹ Золотарёв В.А. Военная безопасность Государства Российского. — М.: Кучково Поле, 2001. — С. 8.

В философско-политологическом осмыслении концептуальных основ властных механизмов обеспечения военной безопасности существуют определенные пробелы, устранение которых требует более глубокого изучения и анализа первоисточников и их переосмысления. К таким пробелам в первую очередь следует отнести отсутствие корректно сформулированных понятий *властный механизм* и *военная безопасность*, отставание научного анализа военной безопасности от быстро меняющихся геополитических условий; несистемное изучение внутренних причин возникновения военной опасности.

Исследование существующих властных механизмов обеспечения военной безопасности Российской Федерации и обоснование способов повышения их эффективности являются главной **целью** данной книги. Эта цель реализуется в решении определенных **задач**, среди которых важнейшими являются: 1) определение понятия *военная безопасность* с позиции авторской концепции противостояния цивилизаций в современную эпоху; 2) определение понятия *властный механизм обеспечения военной безопасности государства* исходя из современных политических и социокультурных реалий; 3) исследование сущности и структуры властных механизмов обеспечения военной безопасности Российской Федерации во времена цивилизационного противостояния; 4) изучение влияния институтов власти и институтов гражданского общества на эффективность работы властных механизмов обеспечения военной безопасности Российской Федерации; 5) выработка предложений по возможной реорганизации властного механизма обеспечения военной безопасности Российской Федерации для повышения его эффективности.

Обратимся теперь к методологии и методам нашего исследования. Любой научный метод — путь к достижению поставленной исследовательской цели. Таким образом, теоретико-методологическое исследование в политологии должно служить основой и интеллектуальной базой для решения реальных проблем конкретной политики. Недаром великий математик П.Л. Чебышев отмечал, что теория без практики мертва и бесплодна, а практика без теории бесполезна и пагубна.

Любое теоретико-методологическое исследование в политологии призвано осветить пути изучения конкретного явления политической реальности и основные политические технологии, используемые для конструирования этой реальности. Эмпирия, т.е.

опытные и конкретные данные в политологии, есть непосредственно наблюдаемые и анализируемые факты политической реальности. Именно эту быстро меняющуюся реальность призвана объяснить теория: найти общее в многообразном особенном и указать на возможные пути решения проблем социокультурной реальности. Разумеется, в данном исследовании применены как общенаучные методы исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и историко-логический и историко-сравнительный методы в совокупности с конкретно-политологической методологией (ситуационный анализ, ивент-анализ, метод экспертной оценки). Мы стремились исходить из диалектического понимания современного социального бытия, рассматривая политику как форму общественного сознания, непосредственным образом влияющую на экономику, науку, культуру общества. И ведущую роль политики в деле обеспечения безопасности страны, когда на первый план вновь выходит традиционный русский патриотизм в форме национальной идеи нашего государства, трудно переоценить.

Авторская концепция исследования обусловлена, во-первых, недостаточной разработанностью научно-теоретических положений, касающихся властных механизмов обеспечения военной безопасности в современных условиях, и, во-вторых, их объективной необходимостью для повышения эффективности системы обеспечения безопасности в сложнейших условиях современности. Одним из путей разрешения указанного противоречия является разработка новой парадигмы механизма обеспечения военной безопасности, которая учитывала бы современные реалии. Она может быть реализована в виде комплекса мероприятий по реорганизации структуры властного механизма обеспечения военной безопасности, в приведении его в соответствие с современными реалиями, а также в разработке новых и существенной корректировке действующих нормативных правовых актов Российской Федерации, включая документы концептуально-доктринального уровня.

Сама актуальность выбранной темы исследования для всех истинных патриотов России, кому небезразлична судьба страны, позволяет нам надеяться на заинтересованность, которую может вызвать эта монография. Настоящая работа носит дискуссионный характер, поэтому все замечания и предложения, которые будут высказаны по поводу этой книги, мы примем с большой благодарностью. Отзывы о книге просьба направлять по электронной почте: andrei.a.kovalev@mail.ru.

ГЛАВА 1. ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

1.1. ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В XXI В. И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Военная безопасность — устоявшееся понятие, которое во всех европейских языках возникло с момента зарождения государственности и самой цивилизации. Вопросы обеспечения военной безопасности государства находили свое отражение еще в работах древних мыслителей. О «*κρατικής ασφάλειας*» (государственной безопасности) рассуждали как первые представители любомудрия Фалес и Гераклит, так и столпы «высокой классики» Сократ, Платон и Аристотель.

Так, Платон отмечал в диалоге «Федон», что война разгорается из-за жадности телесных удовольствий и требуемых для реализации этой цели богатств¹. Как известно, к справедливым войнам Платон относил войны оборонительные или же направленные на восстановление справедливости. Он полагал, что ничто не должно отвлекать воинов от обеспечения военной безопасности. Основная цель воинов — сохранение мощи и целостности государства. Сущность безопасности, по его мнению, — это предотвращение вреда².

Аристотель в своих работах размышлял о том, что для защиты государства и его граждан необходимы специальные социальные институты, предназначенные для обеспечения мира³. Стагирит видел справедливость войны в защите от врагов и в установлении наилучшего правления над варварскими народами. Как Платон, так и Аристотель различают строгие нормы войны в отношении соседей-греков и более слабые в отношении варваров. А в отношении последних возможно многое. Как видим, политика двойных стандартов имеет очень давнюю историю в социокультурной и политической практике человечества.

Проблема военной безопасности зачастую решалась в зависимости от господствовавшей в ту или иную эпоху формы идеологии, зависевшей от определенных этических воззрений. Различное

¹ Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — С. 16.

² Платон. Диалоги. — М.: Мысль, 1986. — С. 275.

³ Аристотель. Политика Аристотеля. — СПб.: тип. М.А. Александрова, 1911. — С. 307.

понимание добра и зла, блага и вреда не могло не сказаться на трактовках проблем войны и мира — порой диаметрально противоположных у различных мыслителей. Онтология военной безопасности, т.е. сама ее бытийная суть, теснейшим образом была связана с этикой и аксиологией. Ценность самой безопасности имела человеческое, социальное и культурное значение, а безопасность рассматривалась как явление действительности, как нечто сущее.

Греки и римляне часто вели войны, а Римская республика создала не только мощное законодательство, но и крепчайшую, уникальную для своего времени систему военной безопасности, позволившую возникнуть великой империи, которая охватывала все побережье Средиземного моря, земли в Африке, Европе и Азии. Но круг истории замкнулся, и пресыщенность римской цивилизации привела к ее падению под ударами молодых варваров — предков современных европейских народов.

Гай Юлий Цезарь считал, что безопасность должна обеспечиваться вооруженной силой¹, хотя уже Геродот в своей «Истории» сообщает об античных формах информационной войны и своеобразных «идеологических диверсиях». В пятой книге великого труда рассказывается, как Аристагор Милетский искусным психологическим воздействием уговаривает персидского сатрапа склонить царя к захвату Наксоса, Пароса, Андроса и других Кикладских островов, а также города Евбеи².

Информационные войны — очень старое явление в военной и социокультурной истории человечества, ибо аналоги мировоззренческих и идеологических схваток можно найти еще в преданиях Ветхого Завета. Там же можно найти разнообразные идеологические предписания: о том, что необходимо учиться войне (Суд. 3:2), как выходить на войну (Числ. 10:9), что нужно предпринимать после окончания войны (Числ. 3:19; Втор. 31:19).

Изменение самой сущности войны приводит к изменению понимания военной безопасности. Совершенствование способов истребления себе подобных толкало людей на изучение разнообразных подходов к проблеме безопасности, в том числе и военной.

¹ Цезарь Г.Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне. — М.: АСТ; Ладомир, 2007. — С. 430–439.

² Геродот. История (в 9 книгах). Книга пятая. — Л.: Наука, 1972. — С. 31.

Длительные и суровые военные действия служили для любой цивилизации проверкой на прочность. Великая европейская цивилизация возникла в Греции, структурно и законодательно окрепла в Римской республике и впоследствии в Империи, а окончательно сформировалась в Европе. Новая и свежая кровь европейских народов влилась в жилы греко-римской цивилизации. Европейская цивилизация триумфально пошла по миру. Не погруженные в наркотический сон индусы с их верой в нирвану, а деятельные европейцы создали паровой котел, открыли Америку и создали «Илиаду», «Божественную комедию» и «Фауста».

Весь современный мир — продукт пассионарности европейской цивилизации, если использовать терминологию великого мыслителя Л.Н. Гумилева. Бывшие варвары распространяли свои ценности не только мирным путем, но преимущественно огнем и мечом. Благие цели достигались порой весьма спорными средствами, среди которых главенствующее место занимала война. Особо подчеркнем, что христианская западная цивилизация была создана сильными телом и духом, воинственными, гетеросексуальными и абсолютно неполиткорректными людьми, убежденными в превосходстве своего этноса, религии и культуры. Вообще, отстаивание своего превосходства несовместимо с толерантностью. С другой стороны, все негативные тенденции и кризисные явления современной эпохи (экологический кризис, аннигиляция нравственности, военные конфликты) также по большей части являются результатом развития западноевропейской цивилизации.

Сама война может быть понята как превышение меры здоровой агрессивности и неуживчивости, которая жизненно необходима для возникновения любой цивилизации. Желание доказать свою правоту, в том числе и военной силой, коренится в природе западного человека. В этом — диалектическая связь силы и слабости западной цивилизации, где ценность часто оборачивается антиценностью, а добро — злом.

Уже в Новое время Эразм Роттердамский был убежден, что обеспечение безопасности возможно не только военными средствами¹. Несколько ранее Уильям Оккам сказал Людвигу Баварско-

¹ *Эразм Роттердамский*. Воспитание христианского государя; Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного; Похвальное слово глупости. — М.: Мысль, 2001.

му, у которого с 1328 г. скрывался в Мюнхене от преследований Папы Римского: «Защищай меня мечом, а я буду защищать тебя пером». По сути, вся христианская цивилизация базируется на признании важности Слова, понимаемого как Дух, Логос, могущий убивать и воскресать: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн 1:1). Искусно сказанное и вовремя употребленное слово могло не только вызвать войну, но и предотвратить кровопролитие.

Эти мысли трансформировались в воззрения выдающихся политологов современности. Политология — довольно молодая наука, выросшая в своей теоретической области из философии политики, являющейся важнейшим разделом социально-философского знания. Многие сугубо практические методы политологии заимствовала из социологии. Такие исследователи, как Ю.В. Громыко, В.К. Потехин, В.И. Слипченко, подчеркивают, что применение вооруженного насилия отнюдь не всегда является определяющим признаком военного столкновения между государствами. Если придерживаться такой точки зрения, то Третья мировая война уже идет полным ходом. Ведь и в 30-е гг. XX в. военные действия велись в разных регионах земного шара до того, как разразился мировой военный пожар, а накал идеологической борьбы был обжигающе горяч.

Даже после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. никто из политиков того времени не говорил о том, что началась Вторая мировая война. Даже само слово «война» ими не употреблялось. Немецкая официальная пресса писала о военных действиях в Польше как о «борьбе за мир в Европе», советские пропагандисты после 17 сентября 1939 г. именовали раздел и уничтожение Польши «защитой братских народов» — правда, без уточнения, от кого эти народы защищаемы. Итальянская пресса трактовала вторжение Гитлера в Польшу как «выполнение миротворческой миссии».

Сегодня часто вспоминают о различных трактовках стратегии непрямых действий сэра Б. Лиделл Гардта, бывшего современником двух мировых войн и самых разнообразных кризисов, в том числе и Карибского¹. Традиционное понимание войны устарело и

¹ *Лиддел Гарт Б.Г.* Стратегия непрямых действий. — М., СПб: АСТ; Терра Фантастика, 2003.

не отвечает в полной мере среде безопасности в XXI в. Мысли Лиделл Гардта о том, что для достижения победы нужно любой ценой вывести противника из равновесия, активно используются для стратегии современной информационной войны. А создание действенной стратегии такой войны невозможно без мощной политико-философской базы.

Ныне уже нет идеологического противостояния двух общественно-политических систем, но налицо противостояние цивилизаций. Крепнущий Русский мир вызывает противодействие Запада. Идеологические схватки превращаются в борьбу геополитических концепций. Главное, чтобы при этом не страдала истина, ибо она вновь — и уже давно — в ряде научных исследований, как на Западе, так и — увы — в нашем Отечестве, в некоторых секторах общественно-политического знания запрещена. Господствует идеология в самых разнообразных формах и модификациях. И если истина противоречит идеологии, то эта истина объявляется преступной. Отсюда так важно не повторить ошибок советского времени. Лишенные теоретических знаний и недобросовестные политики в 70–80-е гг. привели советскую державу к духовному вакууму и экономическому краху. И важно не опуститься до уровня западных «прогрессивных» политологов, для многих из которых основным методом научной дискуссии является стройная и продуманная система оскорблений оппонентов, и ничего больше.

Томас Гоббс акцентировал внимание на том, что у «верховой власти есть право объявления войны и заключения мира»¹. Этот мыслитель много рассуждал о войнах, причины которых коренятся в человеческой природе, склонной к агрессии. В своем «Левиафане» Гоббс опровергал старую истину Аристотеля о том, что человек является по природе своей общественным существом. Но безопасности можно достичь лишь при отказе от состояния «войны всех против всех», от «права всех на все». Люди заключают общественный договор, суть которого заключается во взаимных обязательствах между подчиняющим и подчиняющимися. Именно государство — главный гарант всеобщей безопасности. Оно призвано соблюдать нерушимость общественного договора, который, по словам Гоббса, «без меча лишь слова, которые не в силах га-

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Соч. в 2-х т. Т. 2. — М.: Мысль, 1991. — С. 139–140.

рантировать человеку безопасность»¹. Ныне эти мысли кажутся трюизмом, но в эпоху зарождения капитализма и создания новых общественно-политических концепций идеи Гоббса были струей чистой воды в замутненном болоте средневековых предрассудков.

Собственно, именно Томас Гоббс и Джон Локк являются творцами теории безопасности, которая стала утверждаться в Новое время и оказала значительное влияние на идеологию и практику европейских государств, в том числе созданных на основе философских и правовых идей Локка Соединенных Штатов Америки. Именно доводы произведения Локка «Два трактата о государственном правлении» американские колонисты использовали в своей борьбе против королевской власти во время американской революции, а впоследствии применили базисные интенции его книги для создания Конституции США.

Война в современную эпоху непосредственно связана с политической и имеет политическое содержание. Так было всегда, но именно с возникновением капитализма в Европе политические интересы стали довлеть над прочими и определять состояние войны и мира. Разумеется, в современную эпоху цели войн не всегда являются политическими в традиционном смысле, ибо меняются сами представления о должном и сущем в политике. Эти цели не всегда эксплицитно связаны с идеологическим и геополитическим выражением национальных интересов, но имплицитно отражают эти интересы. Геополитика теснейшим — зачастую неявным — образом связана с целым комплексом этнических и религиозных аспектов целей и достижением территориальной или языковой идентичности. Разумеется, само право применять вооруженное насилие при ведении войн в нашу эпоху принадлежит не только заинтересованным государствам, но и союзам государств, и транснациональным корпорациям.

К началу XIX столетия, в бурную эпоху наполеоновских войн, определились основные контуры теории войны и военной безопасности. Здесь нельзя не вспомнить о классической книге Карла фон Клаузевица «О войне», созданной в 1832–1837 гг. и призванной осмыслить великую наполеоновскую эру, порожденную кровавой Французской революцией. По Клаузевицу, война является рационально организованным инструментом национальной поли-

¹ Антология мировой философии. Т. 2. — М.: Мысль, 1970. — С. 338.

тики. Здесь Клаузевиц идет в русле основных концепций немецкой классической философии, согласно которым разум довлеет над природой и рационально можно постичь все загадки мироздания. Клаузевиц вполне логично и рационально связал войну и политику. «...Война есть не что иное, как продолжение политических отношений с применением иных средств»¹.

Клаузевиц подчеркивал, что войны не возникают внезапно, они долго и тщательно подготавливаются национальными правительствами, проводящими определенную политику. Война, являясь частью единой системы, лишь продолжает в иной форме предшествующую политику государства. Политика порождает войну, а не наоборот. И если правительство начало войну, то оно лишь рационально продолжает ту политику, которую проводило до начала военных действий. Политика эта призвана удовлетворить собственные эгоистические интересы, и если она не дает желаемых результатов, то государственная власть переходит к другой форме политики — войне, главной целью которой является сокрушение вражеской политики военными средствами. Отсюда «война есть акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»².

В своих предшествующих работах мы рассматривали некоторые аспекты проблемы военной безопасности в условиях силового противостояния цивилизаций в логико-историческом аспекте³. Еще раз отметим, что отечественные мыслители часто обращались к проблемам войны и военной безопасности, ибо война была перманентным явлением русской истории. Гигантская территория нашей Родины с богатейшими людскими и природными ресурсами издревле манила к себе захватчиков.

Выдающийся историк М.Н. Покровский совершенно справедливо отмечал, что история — это политика, опрокинутая в прошлое. Многие тенденции и явления современной политической реальности берут свое начало в далеком прошлом. Война была неотъемлемой частью экзистенции. Поэтому вспомним некоторые факты из истории нашей страны, показывающие извечную акту-

¹ Клаузевиц К. О войне. — М.: Госвоениздат, 1933. — С. 101.

² Там же. С. 3.

³ Ковалев А.А. Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы.

альность проблемы сохранения и укрепления военной безопасности для России.

Например, печенеги пришли на Русь в 915 г. Этот тюркский народ, кочевавший в VIII–IX вв. между низовьями рек Волга и Урал, часто разорял богатые русские земли. После их разгрома в 1036 г. Ярославом Мудрым печенеги в XII в. частично слились с половцами, а в XIII столетии — с монголо-татарскими племенами.

С половцами русские дружины боролись с 1103 по 1111 г., а наступательная оборона южных границ существенно ослабила силу половецких полчищ. В 70–80-е гг. XII в. последовал новый натиск половцев на Южную Русь, но дикие и жестокие азиаты были отброшены совместными силами пограничных княжеств и «черных клобуков» — предков некоторых современных кавказских народов. Помимо перманентной опасности с Востока русским землям приходилось учитывать угрозы с Запада. Уже в 1209 г. немецкие рыцари захватили уделы полоцких князей в нижнем течении Западной Двины. Поэтому в 1212 г. новгородский князь Мстислав Удалой организовал поход против Ордена меченосцев.

Интересно, что предки современных прибалтийских народов, глуже ненавидящих Россию и считающих нашу Родину своим главным врагом, в 1216 г. слезно обратились к полоцкому князю Владимиру за помощью в борьбе против Ордена меченосцев. Владимир успел собрать войско, но поход не состоялся из-за смерти князя.

Отметим, что проблема враждебности прибалтийских народов к народу русскому стояла в истории всегда, и она в той или иной степени влияла на военную безопасность нашей страны. Н.М. Карамзин так пишет о событиях 1221–1222 гг.: «Латыши, послушные немцам, беспрестанно злодействовали в окрестностях Пскова и не могли насытиться кровию людей безоружных; оставив дома и работы сельские, жили в наших лесах, грабили, убивали путешественников, земледельцев, уводили женщин, лошадей и скот»¹. Ныне прибалты оскверняют памятники павшим советским воинам и преследуют оставшихся в живых советских ветеранов войны, боровшихся против SS-Waffen и «лесных братьев». Память нацист-

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 6 кн. / в 12 авт. томах Н.М. Карамзина, по 2 тома в одной книге / Книга 2. Т. 3–4. — М.: Книжный сад, 1993. — С. 110.

ских нелюдей всячески превозносятся в Прибалтике, хотя Schutzstaffeln были признаны на Нюрнбергском процессе преступной организацией. Воистину, все повторяется, и ничто не ново под луной.

В 1223 г. русские дружины пришли на помощь Волжской Булгарии, на которую напали татары. 31 мая произошло первое крупное столкновение с монголами на реке Калке, и эта битва закончилась поражением русских и половецких дружин. А в 1237–1238 гг. хан Батый пошел на Северо-Восточную Русь, Киев же пал в 1240 г. Поэтому традиционно период монгольского ига хронологически оценивают с 1240 по 1480 г.

Одновременно русским княжествам пришлось бороться с захватчиками, приходящими с Запада. Новгородский князь Александр Ярославич разбил шведов на реке Неве 15 июля 1240 г., а 5 апреля 1242 г. произошло Ледовое побоище, в результате которого наступление рыцарей на Русскую землю было остановлено.

Фактически на протяжении всей своей государственной истории России пришлось отражать удары завоевателей, мечтавших захватить ее богатые и обширные просторы. В начале XVII столетия Россия оказалась под угрозой потери государственности, которая была восстановлена не усилиями верховной власти, а инициативой снизу — народным ополчением, созванным в Нижнем Новгороде под руководством князя Дмитрия Пожарского и гражданина Кузьмы Минина.

Именно вечная необходимость отражать удары многочисленных внешних врагов нашла свое отражение в самой этимологии русского слова *безопасность*. Безопасность — состояние свободы от любой возможной опасности. Ведь свободу можно понимать как в положительном («свобода для»), так и в отрицательном («свобода от») аспектах. Безопасность как состояние свободы для мирного и творческого труда всегда была идеалом для подлинно русских людей.

Отечественные мыслители всячески подчеркивали вынужденный характер тех войн, которые Россия была принуждена вести лишь для защиты своих территорий или восстановления исторической справедливости, а не вследствие агрессивных намерений. Великий энциклопедист М.В. Ломоносов утверждал, что армия и флот необходимы для защиты Отечества, а не для войн с другими

народами¹. Декабрист П.И. Пестель видел в необходимости привлечь к обеспечению военной безопасности государства не только армию, но и участие в этом процессе гражданского общества². Пестель был боевым офицером Отечественной войны 1812 г. и видел в разгроме французов огромную роль народного ополчения — «дубины народной войны», по словам Л.Н. Толстого.

До 90-х гг. XX в. отечественная социально-политическая мысль вполне логично ассоциировала военную безопасность с понятием защиты социалистического государства и укреплением его обороноспособности. Огромную роль играл в этом социалистический патриотизм. В ельцинские годы над патриотизмом посмеивались разные общественно-политические деятели — от Александра Яковлева и Валерии Новодворской до Бориса Немцова и Николая Сванидзе. Эти обанкротившиеся деятели, люто ненавидевшие Россию, особенно любили вспоминать афоризм поэта Самуэля Джонсона: «Патриотизм — последнее прибежище негодяя» (*Patriotism is the last refuge of a scoundrel*).

С начала 2000-х гг. резкие комментарии и смешки по поводу патриотизма, патриотов и необходимости укреплять безопасность страны стали затихать, но окончательно утихли лишь в феврале 2016 г., когда В.В. Путин объявил патриотизм национальной идеей России. В Послании Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г. Президент подчеркнул: «Граждане объединились вокруг патриотических ценностей не потому, что всем довольны, что все их устраивает. Трудностей и проблем сейчас хватает. Но есть понимание их причин, а главное — уверенность, что вместе мы их обязательно преодолеем»³.

В 1994 г., в разгар ельцинского безвременья, лауреат Нобелевской премии мира и бывший Государственный секретарь США Генри Киссинджер изрек: «Любой, кто хоть сколько-нибудь обстоятельно изучал историю России, знает, что именно русский на-

¹ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 8. — М.; Л., 1954.

² Пестель П.И. О русской армии // Российский военный сборник. — М.: Гуманитарная академия Вооруженных Сил Российской Федерации, 1992. — С. 15.

³ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2016 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (дата обращения: 09.07.2017).

ционализм всегда обеспечивал целостность страны и ее способность справляться с многочисленными врагами и бедами»¹. На наш взгляд, этот экс-политик верно уловил основную философскую составляющую национальной идеи нашей страны, которой она была верна во всех государственно-политических формах на протяжении своей истории (Киевская Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз). Киссинджер считается не только выдающимся американским интеллектуалом, но также инициатором и главным проводником политики разрядки в отношениях США и Советского Союза. Он тщательно изучал русскую историю и литературу, поэтому резюмировал свои наблюдения пророчески: «А ныне русские потеряли созданную ими огромную империю. Можно ли рассчитывать на какую-то иную реакцию на это унижение, нежели взрыв национализма?»²

И пусть иностранцы именуя русский патриотизм национализмом! Из-за этого вовсе не стоит отрекаться от самих себя и великой истории своего государства лишь потому, что кому-то хочется называть наше Отечество последней империей в мире, а русский патриотизм именовать национализмом.

Из вышеизложенного очевидно, что само понимание термина *военная безопасность* в разных исторических эпохах у различных мыслителей варьировалось. Различается оно и у современных мыслителей — политологов, философов, юристов. Одни определяют военную безопасность «как состояние жизнедеятельности социума, его структур и институтов, гарантирующее их качественную определенность в параметрах надежности существования и устойчивости развития посредством исключения военного насилия»³.

Другие исследователи понимают военную безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, при котором вероятность развязывания боевых действий как извне, так и изнутри сводится к минимуму. Военная безопасность

¹ Цит. по: *Isaacson W. Kissinger: A Biography*. — N.Y.: Simon & Schuster, 2005. — P. 564.

² Цит. по: *Isaacson W. Kissinger: A Biography*. P. 435.

³ *Радиков И.В.* Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: дис. ... докт. полит. наук. — СПб., 2000. — С. 81–82.

при таком подходе реализуется путем выполнения комплекса мер, в который входит прежде всего исполнение гражданином конституционного долга: подготовка к несению воинской службы, поступление на военную службу по призыву и добровольно, овладение воинскими специальностями, поддержание военных навыков путем участия в сборах»¹.

Известнейший исследователь данной проблемы профессор В.А. Золотарев в труде «Военная безопасность Государства Российского» определяет военную безопасность как «поддержание оборонного потенциала Российской Федерации на уровне, достаточном для обеспечения безопасности страны в случае возникновения кризисных ситуаций в непосредственной близости от границ России, обеспечения эффективной обороны, а также, при необходимости, для участия в коллективных международных акциях по сдерживанию потенциальной агрессии в отношении других государств»².

Доктор технических наук О.К. Рогозин рассматривает военную безопасность как «важнейший элемент международной безопасности и безопасности государства, определяемый готовностью и способностью государства надежно обеспечивать свою независимость и суверенитет, защищать национальные интересы, отстаивать жизненно важные политические и экономические интересы, противостоять военной агрессии и любым другим формам давления с помощью военной силы, противостоять попыткам развязывания гражданской войны, пресекать ее в случае развязывания»³.

Известный теоретик в сфере обеспечения военной безопасности профессор М.Ф. Гацко в книге «Правовое обеспечение военной безопасности России» характеризует военную безопасность как «важную составную часть системы национальной безопасности, представляющую собой состояние достаточной защищенности жизненно важных интересов государства, общества и личности в

¹ *Кудашкин А.В.* Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — С. 34.

² *Золотарёв В.А.* Указ. соч. С. 203.

³ *Рогозин О.К.* Международная безопасность и обороноспособность государств (понятия, определения, термины). — М.: ТОО «Интерстамо», 1998.

оборонной сфере от внешних, внутренних и трансграничных угроз»¹.

Довольно часто военная безопасность рассматривается в качестве синонима к категории *оборонная безопасность*². Мы полагаем, что это не вполне корректно. Если определить оборонную безопасность как деятельность государства по защите от внешних угроз исключительно военными средствами, то содержание термина *военная безопасность* более объемно. Военная безопасность включает в себя также комплекс мер, охватывающих политические, экономические, военные и правовые меры по защите государства как от внутренних, так и от внешних угроз. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что оборонная безопасность является составным элементом военной безопасности государства.

Проблемы военной безопасности уже более полувека рассматриваются как важнейшая часть теории международных отношений. В современной теории международных отношений военная безопасность, как правило, отождествляется с *международной безопасностью*. В западной политической науке сложились несколько точек зрения на ее сущность. Так, представители школы *реалистов* представляли военную безопасность в качестве неизменной величины. Согласно их теории, увеличение военной безопасности одного государства приводит к уменьшению способности других государств к отражению потенциальной агрессии, т.е. к снижению уровня их военной безопасности³. Здесь есть свое рациональное зерно, но тем не менее перенос физических закономерностей на обществоведческую плоскость не всегда оправдан.

Сторонники *оборонительного реализма* в своих работах высказывают мысль о том, что создание оборонного превосходства,

¹ Гацко М.Ф. Правовое обеспечение военной безопасности России (теоретико-правовое исследование). — М.: изд-во МГУ, 2006. — С. 19.

² Грачев Н.Н. Абракадабра «защищенной защиты» // Независимое военное обозрение [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2003-03-28/4_safety.html (дата обращения: 07.07.2017).

³ Геополитика. Хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. — СПб.: Питер, 2007. — С. 15–36; Mackinder H.J. *Democratic Ideals and Reality*. — Washington, DC: National Defense University Press, 1996; Spykman N.J. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. — N.Y.: Transaction Publishers, 1942; Morgenthau H.J. *Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace*. — N.Y., 1973.

а также коалиция против государств, представляющих угрозу, смогут обеспечить военную безопасность¹. Вся история международных отношений подтверждает этот тезис, но реализация таких тенденций может привести к эскалации насилия и гонке вооружений, что не раз случалось в ушедшем XX столетии.

Теоретики *наступательного реализма* утверждают, что военная безопасность государства может быть обеспечена за счет гонки вооружений с другими странами, и в случае военной кампании расходы на оборону будут покрыты выгодами от ее результата². Не приходится особенно доказывать опасность такого рода теорий и пагубность их практической реализации. «Холодная война» и современная геополитическая ситуация, могущая привести к атомной катастрофе, делают это наилучшим образом.

Согласно идеям *неореализма*, военная безопасность основывается на экономическом, политическом и военном потенциале государства, а также на ресурсах его влияния в процессе выработки решений по наиболее актуальным международным вопросам³. Разумеется, слабое во всех отношениях государство имеет все шансы быть уничтоженным, ибо в мире, несмотря на все красивые слова о толерантности, уважают лишь силу.

Сторонники *либерализма* исходят из того, что военная безопасность должна быть рассмотрена как комплексное политико-правовое явление, представляющее собой набор юридических и

¹ *Waltz K.N.* Theory of International Politics. — Boston: Addison-Wesley Pub. Co., 1979; *Copeland D.C.* The origins of major war. — Ithaca: Cornell University Press, 2000; *Miller L.H.* Global Order. Values and Power in International Politics. — Boulder, Colorado: Westview Press, 1985; *Walt S.M.* International relations: one world, many theories // Foreign Policy. — 1998. — № 110. — P. 29–35.

² *Gilpin R.* War and change in world politics. — Cambridge University Press, 1983; *Schweller R.L.* Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. — New Jersey: Princeton University Press, 2008; *Zakaria F.R.* From Wealth to Power: The Unusual Origins of America's World Role. — New Jersey: Princeton University Press, 1999; *Wohlforth W.C.* World Out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy. — New Jersey: Princeton University Press, 2008.

³ *Modelski G.* Globalization as Evolutionary Process. Modeling Global Change. — London: Routledge, 2008; *Mearsheimer J.J.* Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War // International Security. — 1990. — № 1. — P. 5–56.

политических мер по отказу от применения силы, мирному разрешению споров, осуждению агрессии, признанию суверенитета, равноправия государств¹. Но с агрессором бесполезно говорить языком либерализма и политкорректности — он понимает лишь язык силы.

Представители *неолиберализма* полагают, что военная безопасность государства должна строиться на координации действий наднациональных институтов и снижении права применения оружия в обществе². Все это было бы прекрасно, если бы в самой природе человека как биосоциального существа не лежала бы агрессивность. Последняя создала цивилизацию, но может и погубить ее. Видимо, выход — в применении старого принципа «золотой середины» Аристотеля.

Авторы *теории демократического мира* считают, что военная безопасность может быть обеспечена за счет унификации политических режимов государств по демократическому образцу³. Так, согласно их теории, демократические государства более склонны к компромиссу, нежели недемократические. Но при этом теоретики забывают, что если демократию насаждать силой, то это уже не демократия, особенно в тех регионах земного шара (страны Африки и Азии), где социокультурная история исключала саму возможность появления той реальности, которая в Европе именуется народовластием.

Неомарксисты утверждают, что главная угроза военной безопасности государства — не интересы отдельных государств, а увеличивающийся экономический разрыв между экономически развитыми и развивающимися государствами⁴. В этих утверждениях

¹ *Hoffmann S.* The Uses and Limits of International Law // *International Politics*. — 1973. — № 2. — P. 114–119.

² *Хомский Н.* Прибыль важнее людей: неолиберализм и мировой порядок. — М.: Праксис, 2002; *Nye J.S.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. — N.Y.: Public Affairs, 2005.

³ *Doyle M.K.* Liberal Legacies and Foreign Affairs // *Philosophy and Public Affairs*. — 1983. — № 3. — P. 205–235; *Russett B.* Grasping the democratic peace: principles for a post-cold war world. — New Jersey: Princeton University Press, 1994; *Ray J.L.* The Democratic Path to Peace // *Journal of Democracy*. — 1997. — № 8. — P. 49–64.

⁴ *Грамини А.* Тюремные тетради. В 3 частях. Ч. 1. — М.: Изд-во политической литературы, 1991; *Cox R.W.* Gramsci, hegemony and international relation: an essay in method // *Millennium*. — 1983. — № 12. — P. 162–175.

много справедливого, а цикличность экономических кризисов и тенденция их перерастания в глобальные социально-экономические катаклизмы еще раз доказывают непреходящую актуальность и правоту многих идей К. Маркса.

Представленный обзор научных теорий военной безопасности и подходов к трактовке понятия «военная безопасность» наглядно демонстрирует тот факт, что отечественная и зарубежная научная литература содержит большое количество сильно различающихся концептуальных подходов как к трактовке сущности феномена военной безопасности, так и к определению понятия «военная безопасность». Подобная полисемия в определениях с фатальной неизбежностью приводит к наличию множества подходов и к обеспечению военной безопасности. Множественность же подходов, в свою очередь, не гарантирует их истинности и, следовательно, их эффективности.

С другой стороны, такая ситуация типична для гуманитарных и общественных наук, где велика степень субъективности и важен авторский подход к рассмотрению постоянно изменяющейся социально-политической реальности. Но еще раз отметим, что это обстоятельство не отменит важнейшее требование к научной теории и доктринальным определениям в политологии — необходимость поиска общего в особенном, выделения важнейшего элемента в структуре изучаемого явления. А именно — отсутствием такого важнейшего элемента грешат многие доктринальные определения.

С онтологической точки зрения, военная безопасность нашей страны не сводима к числу составляющих структурных элементов, образуя внутреннее и внешнее единство. Онтология теснейшим образом связана с праксиологией, а этика — с аксиологией, которая, в свою очередь, базируется на сущностной основе. Логика исторического процесса высвечивает экзистенциальную и онтологическую проблематику.

Понятно, что для разработки действенных и эффективных методов обеспечения военной безопасности необходимы в первую очередь научно обоснованное раскрытие сущности самого феномена и формирование на этой базе его методологически верного определения. Выработка такого определения возможна, например, через раскрытие сути понятий, являющихся для него базовыми. Другими словами, можно попытаться сформулировать однознач-

ное и выверенное определение понятия *военная безопасность* посредством раскрытия сути и определения понятий *война* и *безопасность*, на базе которых оно построено.

Согласимся с мнением доктора политических наук, генерал-лейтенанта М.М. Кучерявого, что «в современном мире характеристика безопасности приобрела принципиально новые черты. Процесс мирового развития сопровождается возникновением и обострением политических, экономических, экологических, энергетических и других проблем, получивших глобальный масштаб распространения. Так, возрастание взаимозависимости государств и регионов мира, создание мировых рынков и региональных общих экономических пространств, появление оружия массового уничтожения, способного уничтожить все живое на планете, и другие подобные явления выдвинули на первый план проблему обеспечения безопасности в масштабах всего мирового сообщества»¹.

Различные аспекты безопасности — экономические, политические, психологические и т.д. — исследуются уже в течение столетий. Однако к середине XX в. явственно высветилась необходимость обобщения множества эмпирических данных и отдельных теоретических положений. Необходимы синтез знаний о самом феномене безопасности, создание системной концепции обеспечения безопасности. Многие ученые и в нашей стране, и за рубежом приступили к активному исследованию проблем, связанных с обеспечением безопасности. Однако существенные различия в подходах к трактовке социальных процессов, к объяснению их логики также явились причиной возникновения большого количества концепций, иногда взаимодополняющих, а зачастую противоречащих друг другу. Рассмотрим некоторые из этих подходов.

Немалым количеством авторов безопасность определяется как *отсутствие опасности*. Данный подход основан на этимологическом объяснении слова «безопасность» («без — опасность»). Так, в Толковом словаре В. Даля безопасность трактуется как «отсутствие опасности; сохранность, надежность»², а в словаре С. Ожего-

¹ Кучерявый М.М. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в аспекте глобальных политических процессов современного мира // Власть. — 2014. — № 2. — С. 106.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание: в 4-х т. Т. 1. — М.: Рипол Классик, 2006. — С. 87.

ва — как «состояние, при котором не угрожает опасность»¹. Многие современные российские исследователи согласны с такой трактовкой. Они тоже определяют безопасность как «ситуацию, при которой отсутствует угроза кому-либо со стороны кого-нибудь»²; «состояние, в котором отсутствуют факторы опасности, способные причинить ущерб личности, обществу или государству»³.

Другие исследователи понимают безопасность как «систему, в которой постоянно взаимодействуют интересы личности, общества, государства и отсутствуют угрозы этим интересам со стороны как внутренних, так и внешних сил»⁴. Сходной позиции придерживаются и некоторые зарубежные авторы. Так, например, Франк Голденмунд определяет безопасность как «состояние, при котором отсутствует опасность и ничего не должно произойти»⁵, а видный американский политолог Арнольд Уолферс считает, что «безопасность» следует рассматривать в двух аспектах: объективном и субъективном. По его мнению, «в объективном плане безопасность — это отсутствие угроз приобретенным ценностям, а в субъективном — отсутствие страха в отношении того, что этим ценностям будет нанесен ущерб»⁶.

У подобных подходов есть серьезные оппоненты, которые высказывают вполне обоснованные возражения против определения безопасности как отсутствия опасности⁷. И думается, следует со-

¹ Словарь и культура речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Индрик, 2011. — С. 47.

² Белов П.Г. Системные основы обеспечения национальной безопасности России // Безопасность. Информационный сборник. — 1994. — № 6. — С. 88.

³ Шарихин А.Е. Безопасность как философская категория // Безопасность. Информационный сборник. — 1994. — № 6. — С. 112.

⁴ Прохожев А.А. Национальная безопасность: к единому пониманию сути и терминов // Безопасность. Информационный сборник. — 1995. — № 9. — С. 11.

⁵ *Guldenmund F.W.* The nature of safety culture: a review of theory and research // *Safety Science*. — 2000. — № 34. — P. 215.

⁶ *Wolfers A.* Discord and Collaboration: Essays on International Politics. — Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962.

⁷ Атаманов Г.А. Информационная безопасность в современном российском обществе (социально-философский аспект): дис. ... канд. филос. наук. — Волгоград, 2006. — С. 63.

гласиться с их утверждениями, что в реальной жизни полного (абсолютного) отсутствия опасностей для любых социальных объектов не бывает. Сама жизнь диалектически включает в себя свое завершение — смерть, т.е. главную и конечную опасность для любого биологического и социального организма.

В ряде исследований безопасность трактуется как *свойство или атрибут системы*. В рамках этого подхода, как правило, говорят о том, что «безопасность любой сложной функционирующей системы — это ее свойство, которое позволяет этой системе функционировать, развиваться и процветать в любых сложных условиях»¹. Безопасность рассматривают как «стабильное положение системы, при котором отсутствуют события, влияющие на объект»².

Исследователи, определяя безопасность как *атрибут* (т.е. как свойство социальной системы), рассматривают ее как производную от других атрибутов — таких как целостность, самостоятельность, устойчивость. Утрата этих атрибутов, по их мнению, ведет к гибели системы. При наличии различий в значениях названных признаков все они предполагают защищенность системы от разрушительного воздействия на нее каких-либо сил³. Безопасность, исходя из логики этого подхода, определяется как «множество состояний системы, в которых она не теряет своей целостности и не прекращает своего функционирования»⁴.

Вместе с тем некоторые ученые высказывают сомнение в возможности отождествления безопасности со свойством или атрибутом социальной системы⁵. При таком подходе из анализа полно-

¹ Павленко С.З. Философия безопасности страны: поиск новых подходов // Социально-политические аспекты обеспечения государственной безопасности в современных условиях: Сб. статей. — 1994. — С. 133.

² Dougherty E.M. Human reliability analysis — where shouldst thou turn? // Reliability Engineering and System Safety. — 1990. — № 29. — P. 283.

³ Молчановский В.Ф. Безопасность — атрибут социальной системы // Социально-политические аспекты обеспечения государственной безопасности в современных условиях: Сб. статей. — 1994. — С. 104.

⁴ Лесков М.А. О роли и значении социального моделирования в разработке концепции безопасности России // Безопасность. Информационный сборник. — 1993. — № 11–12. — С. 38.

⁵ Рыбалкин Н.Н. Природа безопасности: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11 / Рыбалкин Николай Николаевич. — М., 2003. — 407 с.

стью исключаются внешние условия, но именно оттуда («извне») исходят угрозы, производятся атаки и нападения¹.

Рядом исследователей безопасность характеризуется как *определённое состояние*, но специфика этого состояния трактуется ими по-разному. Так, одни понимают под безопасностью «состояние взаимоотношений между субъектами, когда их существованию и независимости не угрожает военная и другая угроза»². Другими безопасность рассматривается как «состояние системы, где объект — источник угрозы жизни объекта, при котором эта угроза неизменно мала»³. Именно в этом обстоятельстве — акценте на уровне опасности — состоит, по мнению автора, ценность этого подхода.

Есть работы, в которых безопасность рассматривается как *процесс, специфическая деятельность по ее обеспечению*. Здесь есть свои преимущества, ибо сама жизнь — процесс диалектического развития, движения. Жизни противопоказаны статика и стагнация. В этом контексте безопасность определяется как «надёжное предоставление гражданам необходимых условий для жизни, развития и саморазвития, гарантии их гражданских прав и социальной защищённости, обеспечение политической стабильности общества и государства и устойчивый прогресс социально-экономического развития страны»⁴. Но в данном подходе авторы делают акцент на праксиологическом аспекте безопасности, а не на ее онтологии, т.е. глубинной сути. Это неверно методологически, ибо вопрос о том, что есть вещь сама по себе, является приоритетным по отношению к вопросу о том, для чего служит эта вещь. Кроме того, методологически неверно смешивать деятельность по обеспечению чего-либо (т.е. процесс) с ее результатом (т.е. предметом или явлением).

¹ Атаманов Г.А. Азбука безопасности. Определения понятий «опасность» и «безопасность» // Защита информации. Инсайд. — 2012. — № 5. — С. 11.

² Лазарев И.А. Теория безопасности, ее состояние и перспективы развития // Современные проблемы национально-государственной и международной безопасности. — 1992. — С. 10.

³ Казаков Н.Д. Синергетика и безопасность. Поиск нетрадиционного диалога // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. — 1994. — С. 246–247.

⁴ Рыжов Ю.А. Стратегия безопасности страны // Сб. статей «Армия и общество». — М.: Прогресс, 1990. — С. 380.

Некоторые ученые рассматривают безопасность через *систему взаимодействий*. Однако и такие отношения рассматривают и трактуют по-разному. Одни определяют безопасность как «систему взаимодействия между личностью, обществом, государством, а также международным сообществом, которая может обеспечить им защиту и организовать условия по нейтрализации угроз в системах и отношениях»¹; другие — как «совокупность и взаимодействие методов, принципов, идей, разрабатываемых для устранения опасности»². В результате остается открытым вопрос о том, на каком взаимодействии следует сосредоточить внимание: на взаимодействии субъектов или на взаимодействии методов? Кроме того, общество, равно как и международное сообщество, не является ни объектом, ни субъектом отношений. И совсем не ясно, как может быть организовано взаимодействие личности и государства, личности и международного сообщества. Таким образом, подобный подход также страдает серьезными методологическими изъянами.

Сторонники следующего подхода в исследовании безопасности определяют ее через категорию *способность*. В этом случае, например, военная безопасность рассматривается как «способность государства противостоять угрозе применения оружия, его возможность отразить вооруженную агрессию извне и ликвидировать изнутри»³. Также безопасность в рамках этого подхода определяется как «способность успешно функционировать в предвиденных условиях, при которых отсутствуют угроза и опасность»⁴; а также как «способность сохранить физическую целостность, управляя от разрушения»⁵. Трактовать способность, т.е. качество системы, ее потенции к выполнению некоторой работы, с результатами этой работы, с тем, чего система стремится достичь в результате реализации этой способности, также представляется методологически несостоятельным.

¹ *Тепечин В.И.* Социология национальной безопасности как «новая» парадигма социального знания // *Безопасность. Информационный сборник.* — 1995. — № 3–4. — С. 89–95.

² *Кун Т.* Структура научных революций. — М.: АСТ, 2009.

³ *Бельков О.А.* О концепции военной безопасности // *Безопасность. Информационный сборник.* — 1993. — № 4. — С. 11.

⁴ *Reason J.* *Managing the Risks of Organizational Accidents.* — Manchester: University of Manchester, 1997. — P. 56.

⁵ *Brown H.* *Thinking about national security: defense and foreign policy in a dangerous world.* — Boulder, Colorado: Westview press, 1983. — P. 28.

Весьма распространенным подходом к пониманию безопасности является психологический подход. Безопасность в нем формулируется как субъективное *ощущение отсутствия опасностей и угроз*. Подчеркнем здесь, что такое субъективное ощущение может возникнуть при наличии объективных данных об этих опасностях или угрозах, т.е. как «реально существующая возможность отрицательного воздействия, в результате которого причиняется вред, ухудшающий его параметры, придающий отрицательную динамику в развитии»¹, но такое состояние может возникнуть и из-за отсутствия информации об опасностях и угрозах, т.е. как «предчувствие или возможность злодеяния»².

Сторонники этого подхода считают, что восприятие субъектами того, что им ничто не угрожает, — это и есть безопасность³. Здесь налицо смешение субъективного и личностного с онтологическим и объективным. Опасность может быть неявной и невидимой. Переживание ситуации субъектом нельзя отождествлять с самой ситуацией. Не случайно исследователи Евангелий находят различия в освещении одних и тех же событий, да и показания свидетелей того или иного преступления всегда разнятся между собой. Объективный мир любой человек интерпретирует сквозь призму субъективного восприятия. Для кого-то безопасность — это охраняемый замок или вилла, а для кого-то — теплый плед и чашка кофе. Поэтому подобное отождествление есть грубейшая методологическая ошибка. Мы считаем, что вследствие наличия таких ошибок данный подход нельзя считать продуктивным.

Анализ существующей литературы показывает, что самым распространенным подходом в российской науке является трактовка безопасности как *состояния защищенности*. Защищенность — экзистенциальное свойство, имеющее различные оттенки в зависимости от социальной отрасли (правовая, информационная, бытовая и др.), к которой оно применяется. Обеспечение безопасности здесь строится на рассмотрении угроз, от которых необходимо

¹ Бельков О.А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность. Информационный сборник. — 1994. — № 3 (19). — С. 91–94.

² Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. — С.185.

³ Гражданское общество и проблемы безопасности России (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. — 1995. — № 2. — С. 18.

защищаться. Именно эта точка зрения нашла свое выражение в современных правовых документах. Закон Российской Федерации «О безопасности» определял безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»¹.

Военная безопасность государства — это основополагающий фактор в целостной системе обеспечения национальной безопасности государства. Поэтому в современной России на протяжении последних десятилетий был принят ряд документов, посвященных национальной безопасности страны.

31 декабря 2015 г. была утверждена новая Стратегия национальной безопасности. В ней сказано, что деятельность России, как одной из лидирующих держав, должна быть «направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира». Сама констатация факта наличия полицентричного мира чрезвычайно важна для темы нашего исследования, ибо современный мир состоит из нескольких цивилизационно-культурных типов, находящихся в состоянии противоборства. Такая констатация означает дальнейшее дистанцирование нашей страны от ценностей западного цивилизационного типа. При этом в качестве национального интереса в Стратегии определены «объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития».

В новой Стратегии национальной безопасности сама проблема военной безопасности совершенно справедливо увязывается с государственной и общественной безопасностью, повышением качества жизни российских граждан, экономическим ростом, развитием науки, образования, культуры и здравоохранения, экологией и рациональным природопользованием. Ведь само понятие *безопасность* является обобщающим и многоплановым, ибо 1) оно охватывает безопасность личности, государства и общества; 2) может подразделяться на национальную, региональную и глобальную безопасность; 3) в плане социальном может затрагивать экономическую, политическую, информационную, военную, экологическую и другие виды безопасности.

¹ Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (утратил силу).

Военная безопасность в особой степени диалектически синтезирует в себе разнообразные аспекты внутренней и внешней безопасности. Отсутствие внешних угроз и опасностей для нашей Родины напрямую связано с ее экономической и политической мощью, с устойчивостью конституционного строя, целостностью России, политической и социальной стабильностью российского общества.

Стратегическое направление комплексного укрепления безопасности находит свое тактическое продолжение в разнообразных законодательных инициативах — скажем, во вновь принятом «законе Яровой», который вызвал в российском обществе столь оживленную дискуссию. Впрочем, ничего удивительного здесь нет. Как председатель профильного Комитета по безопасности Государственной Думы и бывший прокурорский работник из Камчатской области, И.А. Яровая в своей деятельности инициатора законопроектов ориентируется на широкий спектр силовых структур, занимающихся вопросами комплексной безопасности государства. Представители этих структур приходят в Комитет по безопасности со своими запросами, нуждами и требованиями, каковые и оформляются в виде проектов законов.

Рассмотрение безопасности как состояния защищенности ряд ученых считают ограниченным. Они полагают, что «безопасность должна характеризоваться условиями, которые позволяют достойно существовать и развиваться каждому гражданину, обществу и государству, а не степенью защищенности от внешних и внутренних угроз»¹. То есть сторонники такого подхода к трактовке безопасности рассматривают ее как совокупность факторов и условий. Безопасность государства трактуется ими как «совокупность условий, благодаря которым обеспечиваются предпосылки для развития его обороноспособности, приемлемое сохранение национальных ценностей и традиций, продуктивное взаимодействие личности и государства в возможности противостояния внешним угрозам, соблюдая при этом основы интересов нации»².

¹ Безопасность. Информационный сборник. — 1994. — № 6. — С. 108.

² *Сергеев Г.М.* Об отечественных и зарубежных подходах к проблеме национальной безопасности // Проблемы безопасности и устойчивости социально-политического развития российского общества. — 1994. — С. 65.

Таким образом, понятие *безопасность* трактуется российской наукой не менее разнообразно, чем понятие *военная безопасность*. Анализ приведенных определений и подходов к сути проблемы безопасности дает нам возможность сделать вывод, что существенным элементом ее являются категории *опасность, угроза, риск, вызов*.

Уточним, что понятие *опасность* может определяться по-разному: как «реально существующая возможность отрицательного воздействия, в результате которого причиняется вред, ухудшающий его параметры, придающий отрицательную динамику в развитии»¹; или же как «предчувствие или возможность злодеяния»².

Угрозу рассматривают как «запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло»³; «конкретный вид опасности, созданный открыто для противоправных действий враждующей силой»⁴. Некоторые авторы под угрозой понимают «наиболее конкретную и непосредственную форму опасности или совокупность условий и факторов, создающих опасность интересам граждан, общества и государства, а также национальным ценностям и национальному образу жизни»⁵. Представляется, что такой подход ограничивает деятельность по обеспечению безопасности, поскольку фактически предполагает эти действия как защитные уже тогда, когда явно обозначены угрозы, а не на стадии их существования лишь как опасности. Это сужает поле политики по обеспечению безопасности в различных сферах.

Таким образом, в общем понимании угроза — это комплексное, многофакторное понятие, которое обусловливается состоянием или тенденциями, целенаправленными действиями или бездея-

¹ Бельков О.А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность. Информационный сборник фонда национальной и международной безопасности. — 1994. — № 3 (19). — С. 91–94.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание. В 4 т. Т. 2. — М.: Рипол Классик, 2006. — С. 132.

³ Словарь и культура речи. — С.82.

⁴ Бельков О.А. Указ. соч. С. 91.

⁵ Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е.А. Олейникова. — М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997. — С. 10.

тельностью, отрицательно и разрушительно влияющими как на состояние отдельных сфер, составляющих национальную безопасность, так и на всю систему обеспечения национальной безопасности государства.

В данном исследовании под опасностью мы будем понимать *реальную вероятность нанесения ущерба, вреда кому-либо или чему-либо со стороны объектов, обладающих поражающими свойствами*. Это потенциальная реальность, могущая стать актуальной. Угрозой считаем *конкретную, непосредственную, адресную форму опасности*.

Опасность иногда выступает в форме *риска*. Часто риск определяется как «возможность возникновения неблагоприятных и нежелательных последствий деятельности самого субъекта»¹ или как «деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой оцениваются вероятность достижения желаемого результата и отклонение от поставленной цели»².

Отметим, что опасность и риск — это взаимосвязанные понятия. Понятие риска можно применить только для системы или объекта, подвергаемых опасности. Риск обусловлен неопределенностью функционирования системы, возможностью неблагоприятных и нежелательных ее исходов. В сущности, риск — это вероятность наступления нежелательного события с негативными последствиями в пространственно-временном континууме возможных событий. Хотя генезис опасности и риска схож, опасность более актуальна, а риск — потенциален.

Нередко безопасность ассоциируется с понятием *вызова*. Некоторые российские ученые понимают под вызовом «противодействие решению задач обеспечения безопасности страны путем осуществления политико-дипломатических действий, торгово-экономических экспансий и т.п., осуществляемых официально и неофициально, противодействие осуществлению национальных целей, интересов и ценностей»³.

¹ Хозяйственный риск и методы его измерения. — М.: Экономика, 1979. — С. 14.

² Альгин А.П. Риск: сущность, функции, детерминация, разновидности, методы оценки (социально-философский анализ): дис. ... докт. филос. наук. — М., 1990. — С. 45.

³ Манилов В.Л. Угрозы национальной безопасности России // Военная мысль. — 1996. — № 1. — С. 7–18.

Важной составной частью исследования понятия *военная безопасность* является осмысление другого, смежного с ним понятия, которому оно, собственно, и обязано своим появлением. Это понятие — *война*.

В отечественной и мировой военной мысли существуют как минимум два аспекта исследования феномена войны: первый посвящен проблематике подготовки и ведения войн, второй — выяснению сущности, природы войны как общественного явления и ее изменяющегося содержания¹. Эти два подхода обуславливают и специфику подходов к обеспечению военной безопасности.

Во все времена человеческой истории войну рассматривали как сложное общественно-политическое явление. Она возникала из противоречий политики и военного насилия. Цель войны — победа, т.е. моральное или физическое уничтожение противника и установление выгодного мира. Правовая основа такого мира не всегда гарантирована, но лишь право может служить оправданием мира. Война может быть справедливой по целям, но никогда — по применяемым в ней средствам. Поэтому почти всегда лучший выход — предотвращение войны. Насильственное выяснение политических отношений может быть оправданным и законным лишь тогда, когда ненасилие может привести к государственному уничтожению, бытийственной или нравственной аннигиляции.

Для каждой воюющей стороны формулу вооруженной борьбы можно было представить как сумму двух взаимосвязанных, но противоположных по направлению векторов действий: борьба с противником, его пленение или уничтожение с помощью средств поражения (вектор наступательный) и защита своих войск и объектов от воздействия мощи противника (вектор оборонительный). Как писал Томас Гоббс в «Левиафане», «война есть не только сражение или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения... Все остальное есть мир»².

На рубеже конца XX — начала XXI в., во-первых, изменяется форма осуществления насилия; во-вторых, в практике войны начинают применяться нетрадиционные средства поражения, кото-

¹ Гусева О.Г. Эволюция взглядов военных мыслителей России на войну как общественное явление: Последняя четверть XIX — первая четверть XX века: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2003. — С. 3.

² Гоббс Т. Указ. соч. С. 156–157.

рые доселе были неизвестны. Вполне естественно, что эти новые признаки войны нашли свое отражение в работах отечественных и зарубежных теоретиков. Проанализировав разнообразные теоретические подходы и взгляды на проблемы современной войны, выделим те, в которых, по нашему мнению, они нашли наиболее яркое и адекватное отображение. Условно разделим их на три группы.

К первой группе работ отнесем те, в которых акцент сделан на исследовании новых акторов войны. Ко второй — в которых отражены взгляды на новые средства вооруженного противоборства. К третьей — где анализируются новые методы вооруженного противостояния.

В работах первой группы утверждается, что в современных войнах появились новые субъекты войны. Эта мысль была высказана в работах таких теоретиков войны, как М. ван Кревельд, Х. Сисе, З. Бауман и других. Так, профессор Иерусалимского университета Мартин ван Кревельд в своей работе «Трансформация войны»¹ утверждает, что классическая формула К. Клаузевица, в соответствии с которой основными участниками войны являются «правительство — армия — народ», сегодня не действует. Раньше эти участники войны были четко отделены друг от друга, у них были разные права и обязанности. Теперь же они все перемешаны. Невозможно четко отличить одного субъекта от другого.

В связи с этим М. ван Кревельд предлагает для обозначения современных войн ввести новое понятие — *нетринитарная война*. К новому типу войн исследователь относит и так называемые *асимметричные войны*. Новые акторы войны упоминаются и в концепциях под названием *партизанские войны*. Так, немецкий политолог К. Шмитт в исследовании «Теория партизан. Промежуточное замечание к понятию политического»² объясняет черты, присущие партизану как субъекту войны. К ним он относит: повышенную мобильность, нерегулярность и т.д. Военный теоретик Е. Месснер в работе «Хочешь мира — победи мятежевойну» вообще выдвигает партизан на передний край вооруженной борьбы³.

¹ Кревельд М. ван. Трансформация войны. — М.: Альпина бизнес букс, 2005.

² Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. — М.: Практикс, 2007.

³ Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. — М.: Кучково Поле, 2004.

Трансформация взглядов на войну в современных теоретических концепциях детерминируется появлением и широким использованием высоких технологий. Здесь особого внимания заслуживают взгляды Э. Тоффлера, З. Бжезинского, В.И. Слипченко и др., которые доказывают в своих работах, что эволюция средств вооруженного противоборства ведет к изменению форм войны. В частности, Э. Тоффлер в работе «Война и антивоина» отмечает, что в ближайшее время причинами войн станут социальные, экологические и иные противоречия между индустриальными и постиндустриальными странами¹.

Американский политолог Питер Сингер, автор книги «Смонтирован для войны», утверждает, что мир приближается к началу гонки вооружений в сфере использования робототехники². Отечественный ученый, генерал-майор В.И. Слипченко в исследовании «Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего» настаивает на том, что победа в современной войне обеспечивается наличием высокоточного оружия и систем его управления³. По мнению профессора Слипченко, главная цель войн шестого поколения — разгром бесконтактным способом экономического потенциала любого государства, на любом удалении от противника. Войны этого поколения будут существеннейшим образом отличаться от предыдущих еще и тем обстоятельством, что вся мощь нападающей стороны функционально будет направлена лишь на безусловное поражение объектов экономики противника путем одновременного нанесения мощнейших информационных ударов и массированных ударов непилотируемого высокоточного оружия различного базирования.

Видимо, уже в обозримом будущем начнется процесс постепенного исчезновения вместе с контактными войнами современных многочисленных общевойсковых формирований сухопутных войск. Окончательно обесценятся не только ядерное оружие (пятое поколение), но и обычные вооруженные силы, включающие несколько родов войск в соответствии с традиционными сферами их применения, т.е. на суше, в воздухе, на морских просторах. Разу-

¹ Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина. — М.: Транзиткнига, 2005.

² Singer P.W. Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century. — N.Y.: The Penguin press, 2009.

³ Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. — М.: Вече, 2002.

меется, с этим можно поспорить, однако ряд оснований для таких выводов имеется в современной реальности.

В.И. Слипченко пишет: «Войну любого поколения следует рассматривать как сложное общественно-политическое явление, включающее совокупность различных видов борьбы — политической, дипломатической, идеологической, экономической, вооруженной, информационной, экологической и др., — которые ведут между собой государства или общественные системы. Война всегда сочетала в себе противоречивое единство политики и вооруженного насилия. Для каждой воюющей стороны формула вооруженной борьбы во все времена представляла собой сумму двух симметричных, взаимосвязанных, но противоположных по направлению векторов действий: действия по противнику своими силами и средствами поражения (вектор наступательной или ударной составляющей); оборона (защита) своих войск и объектов от действий (поражения) средствами противника (вектор оборонительной составляющей)»¹.

Внедрение в практику военных действий информационно-коммуникационных технологий также нашло свое отражение в современной военно-теоретической мысли. Так, в настоящее время широкое распространение получают теории гибридных², сетевых², сетецентрических³, консциентальных⁴, геофизических⁵, экологических и др. войн.

Сам термин *гибридная война* не является чисто военным. Традиционно в военной теории применяют ряд специфических критериев типизации военного конфликта, с помощью которых учитываются все его основные аспекты. В частности, в качестве критериев разделения конфликтов на типы применяют: степень охвата

¹ Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. — М.: Вече, 2002. С. 10.

² Чельцов Б.Ф. Сетевую войну можно выиграть только сетевыми средствами // Военная мысль. — 2008. — № 9. — С. 9.

³ Богданов С.А. Эволюция форм и способов ведения вооруженной борьбы в сетецентрических условиях // Военная мысль. — 2011. — № 2. — С. 49–58.

⁴ Шарп Д. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. — М.: Новое издательство, 2011.

⁵ Поликарпов В.С. Философия безопасности. — СПб.; Ростов-н/Д.; Таганрог: изд-во ТРТУ, 2001. — С. 67.

действительности; сферу действия; тип сторон — участников конфликта; социально-политическое устройство этих сторон; характер социально-политических отношений; степень организации; уровень эскалации и др.

Собственно, гибридную войну можно в общих чертах определить как совокупность заранее подготовленных и оперативно реализованных действий военного, дипломатического, экономического и информационного характера, направленных на достижение стратегических целей. К составляющим гибридной войны относятся традиционные и нестандартные угрозы, терроризм, подрывные действия, когда используются новейшие или нешаблонные технологии для противодействия превосходству противника в военной силе.

Отметим, что идея гибридной войны не нова. Военная история знает немало примеров асимметричных войн с использованием нелинейной тактики и нерегулярных вооруженных формирований, которые являются давними аналогами современной гибридной войны. Можно вспомнить ожесточенную борьбу Наполеона с партизанскими силами в Испании, действия советских войск в Афганистане или войну во Вьетнаме, которую вели США. Собственно, война вообще не является исключительно противостоянием на поле боя, а включает в себя элементы экономического, психологического противостояния, партизанского противодействия. Это доказывает вся мировая история. Соотношение и степень влияния этих компонентов на общий результат, их роль и место в конкретном противостоянии определяются уровнем развития общества и духом эпохи. Войны и вооруженные конфликты являются пространственно-временными процессами, в основе которых лежат самые разнообразные противоречия, а также использование разномастных военных формирований на определенных территориях для достижения определенных целей.

Гибридные силы успешно используют технологически передовые системы таким образом, что они работают на пределе своих возможностей. Поэтому гибридные вооруженные силы имеют преимущество перед традиционной армией, действующей строго в рамках устава. В общем, гибридная угроза отличается от классических опасностей тем обстоятельством, что она стирает традиционные представления и практики войны.

В гибридной войне бывает трудно определить соперника; тем более трудно говорить о правовых, этических и моральных аспектах. Без них организованное насилие ведет к деградации локальных сообществ, их варваризации. Например, относительно военных действий, происходящих на современном этапе в Украине, в военных и политических кругах мирового сообщества до сих пор продолжаются дискуссии о термине «антитеррористическая операция», который не отражает сущности событий в зоне конфликта на Донбассе. Ведь если это война, то кто соперник? Если это внутренний конфликт, то почему он не погашен силами самого государства? Ведь для погашения конфликта Украина пытается привлечь страны блока НАТО, что сразу же переводит ситуацию из внутреннего конфликта во внешний, а если быть точнее — выводит в фазу полной геополитической неопределенности.

Также стираются сами границы войны, т.е. сценарии ее начала и окончания. Практически вся европейская политическая и военная история говорит о том, что элиты воспринимают начало и окончание войны как церемонию, определенный набор действий. Но в гибридной войне по крайней мере одна из сторон испытывает недостаток легитимности. Здесь можно вспомнить гражданские войны XX в. в России и Испании. Тогда на помощь приходят пропаганда или создание временных правительств. Следовательно, изменение состояния с военного на мирное существенно усложняется, а враждебность растет и распространяется за пределы конфликта. Такими были правовая ситуация в войнах индейцев с американскими колонистами, конфликты в Судане и Конго или даже война с терроризмом (имея начало, она вряд ли будет иметь конец). Такая война имеет все шансы вылиться в эндемическое и бесконечное насилие в регионе.

Очевидно, современная гибридная угроза существующей государственности со стороны агрессора требует не просто поиска адекватных ответов на ежедневные вызовы. Актуальной проблемой является разработка системного ответа, действенной стратегии на многие годы вперед. Это кажется невозможным без теоретико-методологического осмысления сущности гибридной войны и изучения мирового опыта противостояния гибридной угрозе. Течение современных войн свидетельствует о необходимости рассмотрения и учета не только чисто военных аспектов, но и поли-

тических, социокультурных, технико-экономических и геополитических фреймов военного конфликта.

Отметим, что, несмотря на стирание традиционных представлений о войне, которые основываются на работе Клаузевица, его тезис о том, что война имеет постоянную природу и переменный характер, остается актуальным (хотя не все разделяют такую точку зрения, считая, что природа войны может измениться под влиянием новых технологий и форм войны, война может иметь «вторую грамматику», которая будет основываться на повстанческих операциях). И при анализе гибридных войн современности важно это помнить и различать их природу и характер. Ключевой для поиска ответа на гибридный вызов становится оценка социального и технологического контекстов — понимание того, какой элемент структуры конфликта останется неизменным, а какой будет эволюционировать.

Теория *сетевой войны*, разработанная и принятая военным руководством США, кардинально отличается от традиционного понимания войны тем, что допускает возможность организации целой сети конфликтов, а также осуществления различного рода подрывных действий по всему миру. Эта теория была проверена на деле, по сути, с 70-х гг. XX в. и наиболее активно и успешно реализовывалась на практике после развала Советского Союза. Реализация теории сетевой войны происходит в четырех областях: физической, информационной, когнитивной и социальной. Целью сетевой войны является не просто победа над противником в прямом столкновении, которая рассматривается лишь как небольшой фрагмент сетевой войны. Целью являются установление и поддержание контроля над всеми остальными субъектами, в том числе и над союзниками¹.

Теория *сетевцентрической войны* ориентирована на повышение боевых возможностей перспективных формирований в современных войнах и вооруженных конфликтах за счет достижения информационного превосходства, объединения участников боевых действий в единую сеть. В отличие от сетевых войн, это сугубо военная концепция. Она во многом стала возможной благодаря информационной эпохе и информационным технологиям. Эта

¹ Кривошеев С.А. Сетевая война. Религиозный фактор. — Троицк: Троянт, 2013.

концепция направлена на интеграцию в единое информационное пространство всех сил и средств, увеличение эффективности привлечения боевых средств за счет синергетического эффекта. При ведении сетецентрических боевых действий высокий уровень организационного функционирования элементов боевого построения достигается за счет передачи разведывательной информации всем участникам этих действий в реальном масштабе времени. Основным признаком сетецентрических боевых действий является непрерывное оптимальное целераспределение в масштабе зоны ответственности¹.

Консциентальная война представляет собой направленное на сознание людей психологическое, цивилизационное, информационное воздействие поражающего характера с целью разрушения ценностных установок, уничтожения интеллектуальных ресурсов нации. По сути дела, разнообразные *цветные революции* и *арабские весны* последних двух десятилетий можно отнести к войнам такого рода. Отличительным признаком данной теории войны выступает перестройка базовых ценностей и мироощущения целых наций, т.е. перемена эмоционально-оценочных знаков в отношении фундаментальных понятий и традиционных представлений индивидуального и массового сознания. Для нанесения поражения противнику в такой войне нет необходимости пересекать границы государства, нарушать его территориальную целостность. Главными орудиями консциентальной войны становятся средства создания, трансформации и трансляции информации как формы знания: телевидение, Интернет, кино, книги, учебники, средства массовой информации. Такое изменение сущности и характера войны привело к тому, что даже в период развития военных действий у населения страны, подвергшейся нападению, существует иллюзия их отсутствия².

В этом плане интересна также книга американского журналиста Шейна Харриса «Кибервойн@. Пятый театр военных действий», изданная в 2016 г.³ Автор доказывает, что американские воору-

¹ Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию. — М.: Евразийское движение, 2011.

² Ткаченко С.В. Информационная война против России. — СПб.: Питер, 2011.

³ Харрис Ш. Кибервойн@. Пятый театр военных действий. — М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

женные силы рассматривают киберпространство как некий пятый театр военных действий, если под четырьмя предыдущими понимать наземный, морской, воздушный и космический. В работе обстоятельно рассказывается об истории создания военно-сетевого комплекса США и выявляются современные тенденции его развития. Ш. Харрис пишет о существенном значении кибервойны в трагическом развитии событий в Ираке, о сотрудничестве государственных служб США с такими сетевыми гигантами, как Facebook и Google, направленном на сбор информации о пользователях.

Анализируя современные войны, нельзя обойти вниманием генетическую связь войны и насилия. В научной среде существуют две противоположные точки зрения относительно этой проблемы. Согласно первой, насилие является родовым признаком войны, конкретизируется через масштабы и выполняемую войной функцию. Американский психотерапевт Арнольд Минделл в работе «Сидя в огне: Преобразование больших групп через конфликт и разнообразие» утверждает, что война — это «форма насилия, способствующая распределению власти убийствами миллионов»¹.

Второй, противоположной точки зрения, придерживается теоретик Лорен Томсон. В книге «Конфликт низкой интенсивности: модель войны в современном мире» она пишет: «Отличие современной войны от “традиционной” состоит в том, что в ней могут одновременно присутствовать экономические, политические, этнические, религиозные и иные мотивы и что эти конфликты могут тянуться годами и десятилетиями»².

Российские военные теоретики, в частности М.А. Гареев, В.В. Серебрянников³ и др., в своих работах акцентируют внимание на адаптивной способности войны к изменяющимся условиям современности, в результате чего появляются новые формы войны и новые субъекты военного насилия. Так, президент Академии военных наук М.А. Гареев связывает войну с прямыми военными действиями, но одновременно не отрицает «невоенные формы на-

¹ Минделл А. Сидя в огне. Преобразование больших групп через конфликт и разнообразие. — М.: АСТ, 2004. — С. 15.

² Thompson L.B. Low Intensity Conflict: The Pattern of Warfare in the Modern World. — N.Y.: Rowman & Littlefield, 1989.

³ Серебрянников В.В. Предотвращение войн: теория и практика // Военная мысль. — 2008. — № 12. — С. 13.

силія», такие как экономические, психологические, информационные и т.д.¹

На наш взгляд, насилие — более широкое, родовое понятие, тесно связанное с этическими понятиями *добро* и *зло*. Видимо, желание как насиловать и причинять зло, так и воевать коренится в самой природе человека как биосоциального существа. Оно может быть реализовано, а может пребывать в латентном состоянии. Поэтому войны неизбежны, и мечты об их скорейшем и окончательном искоренении — пацифистская иллюзия. Присущее человеку стремление убивать и насиловать можно уменьшить лишь при справедливом общественном устройстве, достижение которого в ближайшем будущем представляется утопией.

Недаром знаток человеческих душ Иммануил Кант считал, что причины войн коренятся в изначальной порочности человеческого рода, в присущем человеку злом начале. Гегель, как и Кант, в «Философии религии» утверждает следующее: «Человек... зол сам по себе, зол во всеобщем смысле, глубинах своего внутреннего духа, просто зол, зол в своей внутренней глубине, что это определение зла есть определение его понятия, и он должен это осознать»². С другой стороны, именно Кант в трактате «К вечному миру» заговорил о необходимости всемерного приложения усилий всех цивилизованных народов для предотвращения грядущего всемирного кровопролития. И сегодня человечеству при всем несходстве составляющих его цивилизаций придется искать поиск если не «вечного мира», то хотя бы того максимально безопасного состояния, которое должно прийти на смену противостоянию цивилизаций.

Видимо, современные цивилизации в эпоху своего противостояния зашли в социально-политический тупик. Собственно, само противостояние уже является тревожным симптомом, ибо заложенная в природу человека агрессия отнюдь не была укрощена прогрессом науки и просвещения, расширением познания во всех сферах бытия и невиданным всплеском культуры и искусства. Ка-

¹ *Гареев М.А.* Опыт победителей в Великой войне не может устареть: [докл. президента Акад. воен. наук. ген. армии М. Гареева на воен.-науч. конф. Акад. воен. наук об уроках и выводах из опыта Великой Отеч. войны] // Независимое военное обозрение. — 2010. — № 9. — С. 12–13.

² *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии: В 2 тт. Т. 2. — М.: Мысль, 1977. — С. 266.

залось, лишь культура может укротить эту самоубийственную страсть к самоуничтожению, но у человечества в современную эпоху может просто не остаться времени для исправления старых ошибок и искупления новых грехов. Тем более что высшие достижения человеческого гения никогда не будут поняты большинством.

Сами по себе техническая цивилизация, весь выдающийся технический прогресс сегодня ничего не значат, кроме возможности полностью уничтожить друг друга в самые кратчайшие сроки. И людям современной эпохи уже не придется свалить вину на некие глобальные и мистические силы зла, на Дьявола с его адептами. В фильме «Фауст» талантливого режиссера Александра Сокурова человеку поставлен новый диагноз, которого даже сам Гете не предвидел. Диагноз этот точен: зло, живущее в глубинах человеческой души, во многом превосходит все, что христианское богословие приписывало Дьяволу.

Человек стремится к индивидуальной свободе за счет свободы других людей и встает тем самым на путь зла. На путь зла встает и государственная власть, стремящаяся к абсолютной свободе за счет собственного или других народов. Великому Канту из XX в. вторит революционер и социальный философ Франсуа Фанон, полагавший, что насилие — не только весомое средство, но и как таковое обладает ценностью и является поводом для гордости. «Насилие — это не просто путь к свободе, оно позволяет отдельному человеку доказать, что он уже свободен», — писал этот мятежный мулат¹. Политика как функция власти лишь потворствует глубинным человеческим инстинктам. Отсюда вытекает неизбежность войн, кровопролития, локальных и глобальных конфликтов.

Рассмотрев подходы зарубежных и отечественных ученых, мы можем констатировать, что вместе с изменениями военно-политической обстановки в мире происходило и изменение взглядов на возможности и границы применения военной силы. Во взглядах отечественных и зарубежных исследователей имеются серьезные различия. Так, российские ученые главную проблему войны видят в применении насилия. Приоритет в их исследованиях отдается социально-политическим аспектам. Иностранные ис-

¹ *Wallerstein I. Frantz Fanon: Reason and Violence // Berkeley Journal of Sociology. — 1970. — № 15. — P. 222–231.*

следователи отдают приоритет военно-техническим и геополитическим аспектам. Общим же как для российских, так и для зарубежных теоретиков является то, что и те и другие констатируют: произошла трансформация причин, средств и методов ведения войны, а также то, что к началу XXI в. существенно изменились не только способы и средства ведения войны, но и их участники, т.е. объекты и субъекты войны. Единодушны исследователи в том, что сообразно изменившимся условиям ведения войны должны изменяться и объекты, и субъекты обеспечения военной безопасности.

Так, до конца XX столетия главным объектом военной безопасности было все государство — его территория и население. Обеспечение военной безопасности определялось развитием оборонно-промышленного комплекса, созданием новых образцов вооружения и военной техники. Новые виды оружия, боевые системы выполняли тот объем задач, который ранее возлагался только на живую силу. Это объективно способствовало гонке вооружений. Однако в связи с тем, что наличие и возможное использование ядерного оружия могли придать войне катастрофически разрушительный характер, международная военная безопасность обеспечивалась прежде всего деятельностью по предотвращению ядерной войны. Предотвращение ядерной войны оставалось основным направлением обеспечения военной безопасности во всей второй половине XX в., хотя само наличие ядерного оружия служило определенным сдерживающим фактором для развязывания новых обширных военных конфликтов.

Проведенный нами анализ не позволил выявить инварианта понятия *военная безопасность*. Не помог в этом и анализ понятий *война* и *безопасность*, на базе которых оно построено. Автор каждого из рассмотренных здесь подходов, как правило, выделяет из всей совокупности черт, присущих исследуемому феномену, одну и, если не абсолютизирует ее, то ставит во главу угла своей концепции. Конечно, все они в чем-то правы: каждый из таких подходов имеет прагматическую и позитивную компоненту, но в целом с точки зрения методологии все они не безупречны.

Можно попытаться сблизить все существующие точки зрения, попытаться объединить концепции, синтезировать определения, но, во-первых, это не входит в задачи данного исследования, а во-вторых, скорее всего, это просто невозможно.

Мы же предлагаем пойти другим путем: использовать идею Г.А. Атаманова¹ и проанализировать исследуемое понятие через призму диалектики, т.е. исследовать понятие, являющееся для анализируемого и исходным, и оппозицией. Это понятие — *военная опасность*. Поскольку понятие *безопасность* не может предшествовать понятию *опасность*, т.е. отрицаемому понятию, то и термин *военная безопасность* не может существовать в отрыве от понятия *военная опасность*. Другими словами, военная безопасность есть отрицание военной опасности. То есть когда есть военная опасность, нет военной безопасности. И наоборот: когда нет военной опасности — значит, есть военная безопасность. Следовательно, если мы установим, что представляет собой понятие *военная опасность*, мы сможем через отрицание его перейти к понятию *военная безопасность*.

Понятие *военная опасность* в российской науке трактуется не так широко и разнообразно, как понятие *военная безопасность*. Оно практически всегда раскрывается через состояние отношений между государствами (или их коалициями), и в его определениях всегда присутствует указание на возможность начала войны или применение военной силы. Если понятие *военная безопасность* абстрактно, то понятие *военная опасность* всегда конкретно, поскольку подразумевает субъекта грозящей опасности или потенциальной угрозы.

Приведем одно из таких определений, которое, с нашей точки зрения, наиболее полно, точно и корректно раскрывает это понятие: «Военная опасность — особое состояние отношений между государствами (или их коалициями), обусловленное сочетанием неблагоприятных политических, экономических, военных и других факторов, способных привести к войне»². Военная опасность, по мнению авторов этого определения, предполагает наличие военного давления и/или возможности (вероятности) применения военного насилия.

¹ Атаманов Г.А. Диалектика безопасности / Национальная безопасность России в перспективах современного развития. — Саратов: Научная книга, 2005. — С. 23.

² Военный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://glossword.info/index.php/term/32-voennyij-slovar-,286-voennaya-opasnost-.xhtml> (дата обращения: 07.07.2017).

В качестве основных факторов, обуславливающих военную опасность, авторы определения называют наличие у сторон существенных противоречий и подготовленной военной силы, а также приверженность хотя бы одной из них к разрешению противоречий применением военной силы. Следовательно, наличие военной опасности определяется наличием факторов, способных привести к началу войны, что, собственно, и было показано и доказано автором выше и что представляет значительный интерес с точки зрения дальнейшего исследования заявленного предмета. Сейчас же мы можем сформулировать на базе приведенного определения понятия *военная опасность* определение искомого понятия: **военная безопасность** — *особое состояние отношений между государствами, коалициями государств или цивилизационными конгломератами, обусловленное сочетанием политических, экономических, военных и других факторов, исключающих возможность начала масштабных военных столкновений*. При состоянии военной безопасности цивилизационные противоречия разрешаются мирным путем.

Данное определение, с нашей точки зрения, является наиболее выверенным и продуктивным в деле анализа тех властных механизмов, которые регулируют процессы обеспечения военной безопасности в нашей стране и уточнения методологии ее обеспечения в современных исторических, политических, экономических, военных и социальных условиях.

При рассмотрении проблемы военной безопасности России в современной ситуации следует учитывать, что войны, как явление социокультурной реальности, всегда возникают как следствие неразрешимых противоречий в межгосударственных отношениях, которые, как некоторые болезни, хотя порой и загоняются внутрь общественных организмов, но все равно рано или поздно проявляются, и порой это происходит самым роковым образом.

Итак, военную безопасность можно рассматривать с помощью самых разнообразных исследовательских подходов. Сама противоречивая современная эпоха стимулирует появление все новых концепций, учитывающих все новые аспекты и нюансы. Жизнь всегда богаче наших представлений о ней. Но и совершенствование целого комплекса социально-гуманитарных и общественных наук, выходящих на проблему военной безопасности, — настоятельное требование времени.

Создать, сохранить и укрепить состояние военной безопасности нельзя без перманентного анализа меняющейся ситуации, в котором должны быть задействованы философы, политологи, юристы, экономисты и культурологи. Реальная жизнь, в том числе и политика, намного богаче самых объемных и всеохватных философских концепций, но мы убеждены, что именно философия политики может послужить нитью Ариадны в лабиринте международных и геополитических противоречий. Исходя из сложившейся социокультурной и геополитической ситуации противостояния цивилизаций в современном мире, военную безопасность России можно определить как диалектическое состояние отношений между нашей страной и ее возможными противниками, обусловленное комплексом политических, экономических, военных и других противоречий, сглаживание или разрешение которых призвано исключить возможность Третьей мировой войны.

1.2. СОЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЛАСТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Как мыслители прошлого, так и наши современники напрямую связывали и связывают обеспечение военной безопасности с властью. И в этом нет ничего удивительного. Как мы выяснили в предыдущем параграфе, военная безопасность есть особое состояние межгосударственных отношений. Само же право выстраивать таковые отношения с незапамятных времен являлось прерогативой исключительно верховной власти государства. Она же — верховная власть — была призвана и уполномочена регулировать как внутренние, так и внешние отношения, влияющие на политику, экономику и военную сферу. От всей этой сложной системы отношений зависело наличие или отсутствие возможности начала военных действий, которые могли перерасти в масштабную войну. Именно от верховного правителя во многом зависело, находится ли государство в состоянии военной опасности или военной безопасности.

Феномен власти издавна привлекал внимание мыслителей, которые рассматривали его в связи с такими философскими категориями, как свобода и необходимость, добро и зло, единичное и общее. В отличие от простого физического насилия, власть — сила, оказывающая воздействие на тело, душу и ум человека, пронизывающая их, подчиняющая другого человека закону своей воли.

По существу своему она подобна авторитету. Власть и справедливость в идеале должны быть тесно связаны, но чаще всего в реальной жизни любая власть далека от справедливости.

Обладать властью означает не только возможность распоряжаться жизнями других людей, но и порой самому пребывать на грани экзистенции. Разумеется, в самом по себе стремлении быть первым и добиться в жизни наивысших результатов нет ничего преступного. Власть — биосоциальное явление, задатки власти наследуются людьми от природы. Уже в животном мире существует определенная субординация. Сама природа позаботилась о том, что кому-то из стада животных необходимо иметь власть.

Многие люди от природы имеют склонность властвовать над себе подобными. Реализация властных задатков зависит исключительно от социальных условий. Для осуществления власти необходимы по меньшей мере ее субъект и объект: один дает распоряжения, другой их выполняет. В качестве субъектов власти выступают государство, политические партии, церковь, индивиды, группы, классы через своих представителей. То же самое касается объекта власти. Подчинение субъекту власти предполагает такие формы взаимоотношений, при которых его распоряжения выполняются с необходимостью, а порой и с подобострастием.

Коррелятом власти является уважение. Этическую ценность она представляет собой тогда и только тогда, когда таким образом направляет уважающего и ценящего ее индивида, что тот оказывается в состоянии использовать большее количество более высоких ценностей, не подвергаясь непосредственно воздействию со стороны власти. Власть нуждается в оправдании, и эти попытки составляют существенную часть человеческой истории¹.

Разумеется, как в обыденном, так и в научном сознании власть чаще всего ассоциируется с государственной властью. Мыслители прошлого разрабатывали самые разнообразные теории о происхождении государственной власти: от теории разросшейся семьи Аристотеля до теории общественного договора Томаса Гоббса.

Государственная власть чаще всего декларирует благие цели перед гражданским обществом, оправдывая ими возможные нарушения морали и права, в том числе несправедливые военные дей-

¹ Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://www.psyoffice.ru/5-enc_philosophy-211.htm (дата обращения: 02.02.2018).

ствия и прямую агрессию. Однако благими намерениями порой вымощена дорога в ад. Все внешнеполитические акции Гитлера — начиная с ввода войск в Рейнскую демилитаризованную зону в 1936 г. и вплоть до нападения на Советский Союз — были в достаточной степени аргументированы, а главным и самым весомым аргументом была необходимость обеспечения целостности и безопасности немецкой нации. Благая цель, однако, достигалась кровью и слезами европейских народов, а впоследствии зло, причиненное гитлеризмом, бумерангом ударило по самому немецкому народу.

Сейчас об этом предпочитают не вспоминать либеральные историки и адепты американской демократии, но в США в 1938 г. Адольф Гитлер был признан человеком года с формулировкой: «За распространение демократии по миру». А в 1939 г. фюрер был выдвинут на Нобелевскую премию мира в номинации «За установление мира в Европе». А выдвинули его за расчленение Чехословакии после Мюнхенского сговора. Поразительно, но это решение было горячо одобрено европейскими политиками. Однако уже в мае 1939 г. Гитлера из списка номинантов вычеркнули. Поэтому Нобелевскую премию мира 1939 г. так никому и не вручили.

Макс Вебер отмечал: «Ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение “хороших” целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или, по меньшей мере, опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий; и ни одна этика в мире не может сказать, когда и каком объеме этически положительная цель “освящает” этически опасные средства и побочные следствия»¹. Государственной власти трудно выработать некий алгоритм нравственности, определяющий меру добра и зла в том или ином действии, в том числе и в вопросах укрепления военной безопасности страны. Сам процесс укрепления оборонительной мощи может перерасти в гонку вооружений, что чревато опасными политическими последствиями.

Порой власти присуще нечто демоническое. Немецкий ученый Г. Риттер, специально исследовавший данный вопрос, пишет об этом так: «Поистине это демоническая сущность власти; она даже там, где человек борется за идеальную цель в высшей степени са-

¹ Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — С. 697.

моотверженно, считая успех прочным только тогда, когда он с исключительной жизненной силой отстаивает свой собственный интерес, решительно осуществляет свое собственное желание, связывая страстное стремление к собственной значимости непосредственно со своими делами... Кто обладает властью, тот одержим ею»¹.

Власть во все исторические эпохи трудно отделить от стремления к злоупотреблению, поэтому в понимании ортодоксального христианства власть при всех обстоятельствах грешна. С другой стороны, нет власти не от Бога. В Послании апостола Павла римлянам хорошо сказано об этом: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены... А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Рим. 13:1, 2). Разумеется, эти слова устраивали властные структуры за все два тысячелетия истории христианства.

Власть в современных государствах при необходимости ведения военных действий часто вспоминает о христианской теории *справедливой войны*. Эта теория имеет давнюю историю — от Августина Блаженного до современного политолога Майкла Уолцера, — а корни ее можно найти в идеях Аристотеля. Августин, как известно, утверждал, что война совершается для достижения мира. Справедливая война являет собой справедливость со знаком «минус», ибо имеет своей целью скорее пресечение зла, но никак не достижение блага.

Видимо, самым ярким представителем теории справедливой войны был Гуго Гроций с его трудом «О праве войны и мира» (*De Jure Belli ac Pacis*), изданным в 1625 г. В трактате отмечается, что война является злом, которое должно быть предотвращено, поэтому устанавливаются жесткие критерии, согласно которым война может получить статус справедливой войны. Эти критерии можно выделить в три группы: 1) *Jus ad bellum* — обоснованность вступления в войну; 2) *Jus in bello* — обоснованность применяемых средств; 3) *Jus post bellum* — обоснованность завершения войны.

Для придания важности и подчеркивания божественной природы власть часто именовали верховной властью. Верховная власть решала стоящие перед ней задачи при помощи особой, исторически изменяющейся системы управления, которую все чаще име-

¹ Ritter G. Die Dämonie der Macht. — Berlin, 1947. — S. 132.

ную и в научной литературе, и в журналистике властным механизмом. Для того чтобы разобраться, как власть регулировала вопросы обеспечения военной безопасности при помощи этого механизма, целесообразно более детально уяснить, что представляет собой сам феномен под названием *властный механизм*. Представляется, что сделать это лучше всего через анализ понятий, являющихся его структурными составляющими, т.е. *власть* и *механизм*.

Понятие *власть* в большинстве европейских языков генетически связано с понятиями *сила*, *насилие*, *мощь*. По-английски power означает власть как право управления, мощь и силу, а слово rule передает значения управления и господства. В немецком языке слово die Macht, как и английское слово power, имеет значения *сила*, *власть*, *мощь*, а лексема die Gewalt означает как власть, так и насилие. Греческое слово kratos стало корнем многих понятий, связанных с властью, в европейских языках. В латинском языке различались светская власть (auctoritas) и военная власть (imperium). Соответствующие лексемы романских языков происходят от латинского potentia — мощь, сила; испанское — poder; итальянское — potere или domino; французское — pouvoir; португальское — poderio и т.п.¹ В своих главных значениях власть — это способность заставлять людей (или обстоятельства) совершать то, что иначе они бы не совершили².

Государству принадлежит особый тип власти — государственная власть, понятие многозначное, обладающее рядом признаков. Во-первых, это право и возможность государства и его органов распоряжаться жизнедеятельностью общества, его граждан и их объединений, направлять ее и контролировать, подчинять своей воле. Во-вторых, это сами действующие органы государства. В-третьих, это обобщающее название лиц, облеченных высшими полномочиями³.

Главная функция власти — властная деятельность. Она складывается из целой группы определяющих элементов, отражающих прежде всего два решающих процесса: во-первых, процесс выра-

¹ Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. — М.: Академический проект; Культура, 2005. — С. 33.

² Политология. Словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/politology> (дата обращения: 17.07.2017).

³ Халипов В.Ф. Указ. соч. С. 35.

ботки, обсуждения и принятия властных решений; во-вторых, динамичный многоплановый процесс проведения принятых решений в жизнь. Элементами властной деятельности являются: властная воля, властное решение, властные действия, властные акты, делегирование властных полномочий. Ниже мы в несколько измененном виде используем определения профессора В.Ф. Халипова применительно к теме нашего исследования.

Властная воля выступает как способность принимать решения, которые должны выполняться всеми, проводить мероприятия, которым должны подчиняться все. С властной волей генетически связано властное решение, т.е. вынесение постановления о чем-либо, по какому-нибудь вопросу. С властными решениями связаны властные действия, т.е. это, собственно, то, для чего власть социально бытийствует, ее конкретные проявления, отражающие и воплощающие ее миропонимание, политические интересы и социокультурные настроения. Властные акты можно определить как совокупность правовых актов в сфере обеспечения военной безопасности, воплощающих волю и решения властителей, проявления устремлений лиц и органов, облеченных властью. Делегирование властных полномочий — т.е. передача на время тех или иных полномочий власти другим лицам¹.

Таким образом, власть является важнейшей составляющей государства. К основным признакам власти относятся следующие факторы: наличие особой системы органов и учреждений, посредством которых осуществляются властные функции; правовой системы, закрепляющей определенную систему норм; цели, на достижение которых должны быть направлены усилия органов власти.

Довольно давно государственную власть стали называть «государственной машиной». Первоисточником этого выражения традиционно принято считать трактат «Левиафан»² английского философа Томаса Гоббса, сравнивающего основные институты государства с элементами механизма или машины. Однако самого выражения «государственная машина» в самом труде Т. Гоббса нет. Оно появилось в устной и письменной речи в конце XVIII в., во многом благодаря немецкому писателю Иоганну Готфриду Герде-

¹ Халипов В.Ф. Указ. соч. С. 283.

² Гоббс Т. Указ. соч. С. 110.

ру, который часто использовал в своих сочинениях это выражение (Staatsmaschinerie) и производные от него — «административная машина», «военная машина» и т.д.

Под термином «административная машина» подразумевался комплекс государственных институтов и учреждений. Этот термин часто используется иронически, когда хотят сказать, что госучреждения действуют «бездушно»¹. Вследствие этого термин «государственная машина» приобрел негативную коннотацию.

В силу этой или каких-то других причин все чаще и в научных работах, и в политических документах для описания многообразных политических и политологических явлений, связанных с властью, стал использоваться термин *механизм*, который не содержит никаких негативных коннотаций. При этом термин *механизм* используется сегодня в самых разных контекстах. Так, в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации говорится о механизмах реализации Концепции². В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации упоминаются механизмы и ресурсы обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации³. В Стратегическом курсе Российской Федерации с государствами — участниками Содружества Независимых Государств сообщается о внутрироссийском механизме реализации стратегического курса в отношении СНГ⁴. О необходимости реализации механизмов демографической политики Российской Федерации говорится, например, в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.⁵ и т.д.

Не менее часто встречается это понятие и в научных работах. Профессор И.В. Радиков исследует военно-политический меха-

¹ Словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_wingwords (дата обращения: 07.07.2017).

² Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 20 ноября 2013 г. № Пр-2685.

³ Указ Президента Российской Федерации от 3 января 2001 г. № 120 «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 14 сентября 1995 г. № 940 «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами-участниками Содружества Независимых Государств».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

низм обеспечения безопасности общества и государства¹. В поле зрения К.А. Феофанова находятся институциональные механизмы обеспечения безопасности цивилизационного развития России². По мысли А.Н. Фролова, государство располагает механизмами политического обеспечения снижения рисков и угроз национальной безопасности³. В.А. Труханов рассматривает механизм формирования и реализации социальной политики российского государства⁴. Г.С. Соболев рассуждает об опыте международного механизма урегулирования кризисов в контексте национальной военной стратегии Российской Федерации⁵. Р.Ш. Нехай описывает механизм обеспечения военной безопасности региона⁶ и др. Однако перечисленные авторы не рассматривают понятие *механизм* как таковое — оно не является для них объектом самостоятельного анализа. Вследствие этого их исследования данного феномена носят фрагментарный характер и не складываются в целостную и стройную картину. Указанные выше ученые говорят, по сути, об одном и том же феномене, называя его по-разному: политический механизм, государственный механизм, механизм политического процесса и т.д. То есть в одних случаях акцент делается на принадлежности субъекту, в других — на деятельности. Такое положение приводит к тому, что понятие *механизм* применительно к власти и осуществлению властных полномочий так и остается нераскрытым.

¹ Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: политологический анализ: дис. ... докт. полит. наук. — СПб., 2000.

² Феофанов К.А. Безопасность цивилизационного развития России в условиях глобализации. Политологический анализ: дис. ... докт. полит. наук. — М., 2005.

³ Фролов А.Н. Эффективность национальной безопасности на региональном уровне: критерии и механизмы политического обеспечения: дис. ... канд. полит. наук. — Ростов-н/Д., 2006.

⁴ Труханов В.А. Система национальной безопасности, влияние социального фактора: на примере казачества: дис. ... докт. полит. наук. — Саратов, 2003.

⁵ Соболев Г.С. Механизм разработки стратегии национальной безопасности: международный опыт и традиции: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2000.

⁶ Нехай Р.Ш. Система обеспечения военной безопасности региона Российской Федерации: проблема функционирования и совершенствования: дис. ... канд. полит. наук. — СПб., 2006.

Можно сказать, что понятие *властный механизм* является относительно новым для отечественной науки. Новое оно не в том смысле, что стало использоваться лишь недавно. В публицистическом и политическом дискурсе оно используется давно, однако должной научной разработки до сих пор еще не получило. Внимание различных исследователей к нему, как правило, обусловлено содержанием исследуемой ими проблемы. В связи с этим представляется необходимым изложить свое понимание феномена властного механизма.

Еще раз подчеркнем, что термин *механизм* заимствован политологией из технических наук, где под ним понимают «устройство для передачи и преобразования движений, представляющее собой систему элементов, в которой движение одного или нескольких элементов вызывает вполне определенные движения остальных элементов системы»¹. В политической же науке данный термин используется для обозначения совокупности политических институтов, установлений и процедур, а также определяемых ими мер и действий, призванных определенным образом упорядочить жизнедеятельность общества или функционирование его отдельных структур, обеспечить решение назревших задач.

Таким образом, социальные механизмы представляют собой не столько физическое явление, сколько совокупность социальных институтов, прав и обязанностей, определяющих содержание и характер их деятельности. В этом — суть их онтологии как явления общественного бытия. Вследствие этого в социальном плане механизмов может быть так же много, как и задач, которые необходимо решать. Механизмы могут различаться как по признаку принадлежности уровню власти, так и по функциональному признаку. Основанием для квалификации механизмов могут быть и инструменты, благодаря которым достигаются социально значимые результаты. В этом случае говорят о правовом, военном, управленческом и т.д. механизмах.

Разумеется, при этимологическом рассмотрении само понятие *механизм* выглядит не очень привлекательно, ибо слова *механизм*, *машина*, *машинность* происходят от греческого *mechos*, что означает *уловка*, *хитрость*, *махинация*. Тем не менее любой меха-

¹ Словарь стандартных терминов и обозначений. — М.: Государственное изд-во стандартов, 1936. — С. 120.

низм — чисто техническое, определенное средство и общий принцип организации и функционирования той или иной сферы. Социальный механизм может быть использован для решения любых, в том числе и абсолютно безнравственных задач. Главные критерии механизма — его работоспособность и чисто функциональная продуктивность.

Структуру любого властного механизма образуют политические институты, которые, в свою очередь, представляют собой совокупность организаций, связанных между собой сложной и порой противоречивой сетью субъект-объектных отношений; свод норм и правил, опосредующих эти отношения; идеи и базисные принципы, в соответствии с которыми организуется деятельность организаций и формируются нормы и правила этой деятельности.

Именно от структуры зависит функционирование механизма. Функционирование властного механизма осуществляется в условиях постоянно изменяющихся внутренних и внешних факторов. Властный механизм должен обладать определенной статикой, но должен быть способен и к динамике. Такова диалектика социального бытия любой политической структуры. При этом деятельности властного механизма предшествует определение цели, путей и способов движения к ней. Цель выступает системообразующим фактором. Она определяет состав и структуру властного механизма, характер и направленность его деятельности, регулирует связи между элементами структуры, интегрирует их в единую систему. В нашем случае целью является обеспечение военной безопасности Российской Федерации. Властный механизм обеспечения военной безопасности выстраивается для достижения именно этой цели, которая конкретизируется в ряде задач, зависящих от конкретной геополитической ситуации.

Любая деятельность теоретически и в идеале предполагает эффективность. Необходимым условием эффективной деятельности является адекватное видение реальной ситуации теми людьми, от которых зависит принятие властного решения. Результаты деятельности будут более значимыми, если они основаны на глубоком и систематическом изучении ситуации, понимании глубинных причин и тенденций ее изменения. И здесь не обойтись без комплексного применения методов социально-гуманитарных наук, которым в последнее время в нашей стране уделяется, к сожалению, все меньше внимания.

Важную сторону смыслового блока составляет информационная коммуникация властного механизма. Информационная коммуникация представляет собой совокупность информационной инфраструктуры, субъектов информационных отношений, информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений. В условиях тотального внедрения новых информационных технологий и глобальной информатизации она качественно меняется и играет все возрастающую роль в общественной жизни, и в том числе — в деятельности властного механизма. Это обусловлено тем, что информация становится важнейшим ресурсом акторов власти.

Возможности оперативно получать обширную и детальную информацию о реально складывающейся обстановке значительно расширяют возможности лиц, принимающих решение, оперативно реагировать на ее изменения. Информационная коммуникация также является и инструментом политики¹. Она предоставляет руководителям в распоряжение информационно-технические системы, повышающие эффективность управленческой деятельности. Это могут быть компьютерные сети, системы навигации, средства разведки, автоматизированные системы управления силами и средствами и т.д.

Следовательно, резко расширяются возможности по сбору и обработке информации, необходимой для принятия управленческих решений, что дает возможность просчитывать различные варианты развития событий, выбирать из множества возможных решений наиболее оптимальные. Таким образом, информационная коммуникация обеспечивает сокращение сроков и повышение качества принимаемых решений, гибкость реагирования на изменение социально-политической обстановки и прогнозирование ее развития. Однако необходимо учитывать, что информационная коммуникация при этом становится целью и объектом деструктивного воздействия со стороны потенциального противника.

Информация и информационная инфраструктура становятся критическими компонентами, воздействие на которые способно вызвать крупномасштабные последствия, дезорганизовать военное

¹ Ковалев А.А. Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы.

управление, вызвать военные конфликты и локальные войны. О самых разнообразных угрозах в этой области говорится в Доктрине информационной безопасности¹, Военной доктрине², Стратегии национальной безопасности³.

Уяснив, что представляет собой властный механизм, каковы его составляющие и в чем заключается его сущность, мы можем перейти к более детальному рассмотрению властных механизмов обеспечения военной безопасности. И здесь сразу же следует уточнить, что властный механизм обеспечения военной безопасности, по сути, есть часть всеобщего государственного властного механизма, основу которого составляют институты государственной власти, отобранные по функциональному признаку — причастности к обеспечению военной безопасности государства. Ведь любая власть сама по себе является совокупностью определенных функций, а одной из характеристик любого механизма управления выступает функция, определяемая как вид управленческой деятельности по созданию, поддержанию и развитию условий для успешного решения задач.

Функции обеспечения военной безопасности осуществляются посредством взаимодействия государственных институтов, которые можно условно подразделить на две группы: 1) государственные институты, для которых функция обеспечения военной безопасности является основной; 2) институты государства, для которых функция обеспечения военной безопасности является дополнительной.

С содержательной стороны функции властного механизма обеспечения военной безопасности могут быть поняты как выявление, изучение, прогнозирование, предотвращение, нейтрализация, пресечение, отражение, устранение и уничтожение или ликвидация военных опасностей и угроз во всех видах их проявления.

Важнейшей функцией властного механизма является принятие решений по вопросам использования сил и средств обеспечения

¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

² Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

³ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

военной безопасности (в пределах своего ведения), а также определение критериев военной безопасности и их пороговых значений. Именно властный механизм государства вырабатывает комплекс мер по обеспечению военной безопасности во внутренней и внешней политике, в области непосредственной обороны, военно-научной, военно-технической, военно-экономической, пограничной, разведывательной и контрразведывательной деятельности в информационной, экологической и других сферах.

К функциям властного механизма относится поддержание на необходимом уровне военно-стратегических и мобилизационных ресурсов государства, т.е. прежде всего вооруженных сил и связанных с ними структур. Властный механизм государства определяет бюджетные ассигнования на финансирование деятельности по обеспечению военной безопасности, организует участие — в соответствии с международными договорами и соглашениями — в мероприятиях по обеспечению военной безопасности за пределами государства. С помощью властного механизма происходит рассмотрение и принятие законов по вопросам ратификации и денонсации международных договоров в области военной безопасности, да и в целом осуществляются поддержка и расширение международного сотрудничества в военно-технической сфере.

Рассмотрим основные модели обеспечения военной безопасности. Любая модель — слепок реальности, а создаются модели для постижения социального бытия, причем порой при создании модели абстрагируются от несущественных черт явления. К моделям властного механизма обеспечения военной безопасности можно отнести: 1) модель обеспечения военной безопасности через политику нейтралитета (политика неучастия в военных союзах и блоках в мирное время); 2) модель, в основе которой находится активное геополитическим образом государство-лидер (с акцентом на его военно-политическую мощь); 3) модель с опорой на военный союз с сильным государством (соглашение государств с целью совместных действий для решения задач по обеспечению военной безопасности); 4) модель с опорой исключительно на свои собственные силы; 5) модель военно-стратегического паритета, т.е. равновесия в военной области, включая ядерные вооружения (состояние международных отношений, обеспечивающее равную вероятность победы в случае вооруженного конфликта для потенциально конфликтных сторон); 6) модель коллективной безопас-

ности (система коллективных мер, применяемых государствами с целью устранения угрозы миру, предотвращения агрессии); 7) модель стратегического сдерживания (возмездие противнику в случае нанесения от него первого удара) и другие.

Необходимо подчеркнуть, что в реальной практической политике все эти выделенные модели применяются зачастую одновременно — их структурные элементы переплетаются друг с другом и взаимодействуют. Например, в истории Советского государства властный механизм обеспечения военной безопасности включал на разных этапах его истории и нейтралитет, и надежду лишь на собственные силы и ресурсы, и геополитическое лидерство, и стратегическое сдерживание наряду с геополитической архитектурой системы коллективной безопасности от агрессоров. Советское государство, начав свой славный исторический путь от положения страны-изгоя, окруженной кольцом враждебных государств, стало лидером мировой системы социализма, военной защитой которой была система Варшавского договора.

Обратимся к проблеме ресурсов власти. Сам термин происходит от французского слова *ressource*, т.е. вспомогательное средство. Ресурс — все, что используется определенным целевым образом. В том числе ресурсом могут быть все, что используется при целевой деятельности человека или людей, и сама деятельность. Ресурсы власти можно понимать как совокупность средств, использование которых обеспечивает субъекту власти достижение стоящих перед ним целей. С точки зрения системной теории, ресурсы власти — это «подсистема, которая содержит в себе скрытый потенциал динамического развития политической системы»¹; «потенциальные основания власти, т.е. средства, которые могут быть использованы, но еще не используются или используются частично»².

В западной политологии наибольшее распространение получила классификация ресурсов власти, предложенная американским социологом, политологом, последователем Макса Вебера Амиагом Вернером Этциони (Вернер Фальк). Он выделил три группы ре-

¹ *Логинов А.В.* Ресурсы власти как подсистемный институт: анализ с позиций теории политического цикла и системной теории органического типа // Грамота. — 2013. — № 6 (32): в 2-х ч. Ч. I. — С. 107.

² *Морозова Е.А.* Ресурсы политической власти: институциональный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Ростов-н/Д., 2010.

сурсов: 1) утилитарные; 2) принудительные; 3) нормативные. Согласно Этциони, *утилитарные ресурсы* — это материальные и социальные *блага*, связанные с повседневными интересами людей; *принудительные ресурсы* — это *меры* административного наказания, судебного преследования, силового принуждения; *нормативные ресурсы* включают *средства* воздействия на сознание человека, на формирование его убеждений, ценностных установок, на мотивацию его поведения¹.

В отечественной политологии наиболее распространенной является классификация ресурсов власти по сферам общественной жизни: экономические, социальные, культурно-информационные и политико-силовые. Эта классификация генетически связана с социально-философским подходом к рассмотрению социального бытия сквозь формы общественного сознания.

Экономические ресурсы можно понимать как совокупность материальных ценностей, необходимых для общественного производства и потребления: средства производства, земля, полезные ископаемые, продукты питания, деньги как их всеобщий эквивалент. Экономика не случайно рассматривалась в классическом марксизме как базис общества, хотя история показывает, что порой политическими, т.е. надстроечными средствами изменялся экономический строй общества. И порой это служило не историческому прогрессу, а являлось явлением исторически-регрессивным. Ярчайший пример — малопродуктивный и преступный во всех отношениях «бросок в капитализм», когда элементы социализма, более передовой общественно-экономической формации, были уничтожены диким капитализмом первоначального накопления. Все это не могло не сказаться самым печальным образом на деятельности власти по обеспечению военной безопасности.

Социальные ресурсы можно понимать как возможность понижать или повышать социальный статус человека, его место в социальной стратификации. Это возможность воздействовать на такие показатели, как должность, престиж, образование, медицинское обслуживание, социальное обеспечение, льготы и т.д. На безопасности страны катастрофическим образом отразился отток высоко-

¹ Этциони А. От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям. — М.: Ладомир, 2004.

квалифицированных кадров из армии, военной науки, разведки за годы ельцинской эпохи.

Культурно-информационные ресурсы — это знания и информация, а также средства их производства и распространения: институты науки и образования, СМИ и др. Именно культурно-информационные ресурсы выступают мощной силой в современную эпоху. Недаром СМИ в XX столетии метко называли «четвертой властью». Развитые страны мира, например Япония, тратят более 80% национального бюджета на образование и науку, прекрасно понимая, что таким образом они вкладываются в будущее нации.

Силовые ресурсы — это оружие и средства физического принуждения, а также специально подготовленные для их применения люди. Их ядро составляют армия, полиция, службы безопасности, суд и прокуратура с их вещественными атрибутами: зданиями, снаряжением, тюрьмами и т.п.¹

Классификаций может быть много, и выполнены они могут быть по разным основаниям. Ресурсы власти иногда делят на сырьевые, энергетические, финансовые, технологические, информационные, организационные, интеллектуальные и человеческие².

По нашему мнению, ни одна из представленных здесь классификаций ресурсов власти не свободна от методологических недостатков. Например, во всех нарушен логический закон деления понятий: ни в одной из рассмотренных классификаций нет единого основания классификации. В классификации, предложенной Энциони, утилитарные ресурсы — материальные и социальные блага, принудительные — меры наказания, а нормативные — средства воздействия на сознание. Очевидно, что это разносущностные понятия. Кроме того, суммы объемов видовых подмножеств не равны объемам родовых понятий, а члены классификаций являются пересекающимися множествами. Так, информационные ресурсы одновременно являются и социальными, и экономическими. Институты власти, отнесенные к силовому ресурсу, имеют непосредственное отношение к культуре и, следовательно, к культур-

¹ Ресурсы власти [Электронный ресурс]. URL: <http://kulturoznanie.ru/politology/resursy-vlasti> (дата обращения: 07.07.2017).

² Политологический словарь-справочник [Электронный ресурс]. URL: http://politics_reference.academic.ru (дата обращения: 07.07.2017).

но-информационному ресурсу. Хотя это можно объяснить диалектическими особенностями социального бытия, в котором все его явления тесно связаны, являя собой трудно расчленяемое на составные части единство.

Представляется, что будет более конструктивно и методологически правильно поделить ресурсы власти на три группы в соответствии с современными взглядами на общество как систему. Воспользуемся для этого подходом известного немецкого социолога Николаса Лумана¹, который представляет систему в виде совокупности: 1) структуры; 2) коммуникаций; 3) смыслов. В принципе, его подход соотносится с классическим представлением системы как совокупности элементов, связей и отношений.

В результате мы получили следующую классификацию ресурсов:

1-я группа (элементы или структура): природные; промышленные; демографические;

2-я группа (связи или коммуникации): экономические; политические;

3-я группа (отношения или смыслы): духовно-нравственные; интеллектуальные.

На основе этой типологии мы рассмотрим ресурсы власти, используемые для обеспечения военной безопасности.

Природные ресурсы чаще всего понимают как совокупность объектов и систем живой и неживой природы, компоненты природной среды, которые на данном этапе развития производительных сил могут быть использованы в качестве предметов потребления или средств производства. Сам человек — часть природных ресурсов как биосоциальное существо, но именно антропогенная деятельность человека поставила природу на грань уничтожения всего за 70 лет научно-технической революции. Природные ресурсы являются важной частью национального богатства страны и источником создания материальных благ и услуг. Природные ресурсы во многом предопределяют и социально-экономический потенциал страны, и эффективность общественного производства, и здоровье, и продолжительность жизни населения. В экономике

¹ Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004.

есть даже понятие «проклятие ресурсов»¹. Этим понятием обозначается явление, связанное с тем, что страны, обладающие значительными природными ресурсами, являются, как правило, менее экономически развитыми, нежели страны с небольшими их запасами или с запасами, которые отсутствуют вовсе. Разумеется, природные ресурсы на протяжении человеческой истории часто служили и сейчас могут являться причиной войны². Различные теоретические и эмпирические исследования показывают, что обладание природными ресурсами, особенно нефтью и газом, а также другими ресурсами, необходимыми для новых технологий, вызывает напряженность в тех регионах, которые ими богаты. И такая напряженность довольно часто перерастает в полномасштабную войну.

Что касается *промышленных ресурсов*, то важность экономики для развития и функционирования социума была доказана мыслителями прошлого, прежде всего К. Марксом. Видимо, для обозначения этого вида ресурса больше подошел бы термин *инфраструктурные ресурсы*, но он слишком непривычен — и мы употребили здесь более привычный и часто употребляемый термин *промышленные ресурсы*. Мы предлагаем трактовать этот термин в более широком смысле — как совокупность всех отраслей материального производства страны и существующей в стране инфраструктуры, т.е. комплекса отраслей национальной экономики и обеспечивающих ее функционирование условий: дороги, связь, транспорт и т.п. Это очень важный с точки зрения возможности как начала, так и предотвращения войны, ресурс.

Демографические ресурсы — население, занятое в общественном производстве, на военной службе, а также людские контингенты, которые могут быть дополнительно привлечены для пополнения вооруженных сил, отраслей экономики и формирований гражданской обороны. Людские ресурсы, которыми комплектуют-

¹ Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. — 2007. — № 6. — С. 4–27.

² Рябова Е.В. Роль природных ресурсов в возникновении конфликтов // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2012. — № 8 (16) [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-prirodnih-resursov-v-vozniknovenii-konfliktov> (дата обращения: 09.07.2017).

ся вооруженные силы в мирное время, и подготовленные мобилизационные контингенты являются важным элементом военного потенциала, оказывающим непосредственное влияние на военное строительство, обуславливают количественный и качественный состав кадровых войск, а также возможности пополнения вооруженных сил и формирования новых частей и соединений¹.

Демографические ресурсы как источник рабочей силы для различных отраслей экономики, в том числе оборонных, составляют необходимый элемент военно-экономического потенциала. От численности и социальной структуры населения, его культурно-технического уровня и политико-морального состояния зависят возможности покрытия потребностей военного производства в кадрах, обеспечения высокой производительности труда и эффективности экономики. Для обеспечения сражающихся армий оружием, военной техникой и другими материальными средствами требуются огромные трудовые ресурсы.

Таким образом, вопросы обеспечения военной безопасности страны неотделимы от влияния демографических процессов. Старение и сокращение населения затрудняют решение экономических, социальных, геополитических задач, а значит, создают угрозы для военной безопасности страны. Проблема демографического кризиса в современной России с каждым годом становится все более актуальной и привлекает все большее внимание ученых, политиков и общественных деятелей.

К сожалению, можно констатировать, что наше государство вошло в стадию открытой депопуляции, т.е. естественный прирост населения сменился его убылью. Россия вошла в десятку государств с самым низким соотношением числа людей трудоспособного возраста и пенсионеров. За последние 10 лет — с 2007 по 2017 г. — ее население сократилось более чем на 1,5 млн человек. В 1996 г. население в России составляло 148,3 млн, а в 2013-м — 144,9 млн человек, и лишь после присоединения Крыма Российская Федерация на 1 января 2017 г. по оценке Росстата насчитывает 146 804 372 постоянных жителя. Наша страна занимает девятое место в мире по численности населения. По прогнозам Федераль-

¹ Военная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://военная-энциклопедия.рф/советская-военная-энциклопедия/Л/Людские-ресурсы> (дата обращения: 09.07.2017).

ной службы государственной статистики¹, до 2036 г. предполагается изменение численности населения страны в диапазоне от 138,36 млн человек при низкой рождаемости и низкой миграции до 153,58 млн человек в случае высокой рождаемости и миграции. Сложившаяся демографическая ситуация и наблюдаемые тенденции ее развития отражены в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г.²

Экономические ресурсы власти в области обеспечения военной безопасности целесообразно определить как совокупность условий и факторов, которые способны основательно и своевременно обеспечивать как повседневные, так и будущие военно-экономические нужды в том количестве, которое необходимо для сохранения надлежащего уровня оборонной мощи и безопасности государства.

Экономическая составляющая занимает одну из основных позиций в укреплении военной безопасности страны. Прежде всего, уровень развития экономики страны обуславливает количественный и качественный состав вооруженных сил. Производством вооружения и военной техники экономические ресурсы власти воздействуют на планы строительства вооруженных сил и методы проведения войн. Состояние экономики в мирное время и ее прогнозируемые потенции в военное время играют роль либо сдерживающего, либо провоцирующего фактора войны. Для гарантирования военной безопасности государства очень важно адаптировать вооруженные силы и военную экономику к современным условиям и потребностям, заложить фундамент для военно-экономической базы, благодаря которой станут возможными подготовка и ведение современных войн нового типа.

Из информационных источников известно, что в 2016 г. Российская Федерация увеличила свои расходы на оборону на 5,9% по сравнению с 2015-м, и они составили порядка 69,2 млрд долл., в то время как Китай увеличил на 5,4% — до 215 млрд долл., — а лидером остались США с военными расходами в 611 млрд долл. По данным Стокгольмского международного института исследования

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.htm (дата обращения: 09.07.2017).

² Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

проблем мира, в 2016 г. мировые военные расходы достигли 1686 млрд долл. Тенденции роста или снижения военных расходов значительно различаются между регионами. Расходы продолжали расти в Азии и Океании, Северной Африке, Центральной и Восточной Европе. Напротив, в Центральной Америке, странах Карибского бассейна, на Ближнем Востоке, в Южной Америке расходы сократились. Наибольшее сокращение военных расходов в 2016 г., в связи с уменьшением национальных доходов от нефти, было в Венесуэле (–56%), Южном Судане (–54%), Азербайджане (–36%), Ираке (–36%) и Саудовской Аравии (–30%)¹.

Точного определения понятия *военные расходы* нет и быть не может. У каждой аналитической организации существуют своя собственная методология, различные источники, которые включают или не включают те или иные категории данных в военные расходы. Так, Стокгольмский институт исследования проблем мира старается включать в свою оценку все расходы, связанные с вооруженными силами и военной деятельностью, в том числе расходы на военизированные структуры, социальные пособия, оборонные исследования и разработки, военное строительство, а также военную помощь другим странам. При оценке военных расходов России Стокгольмский институт опирается в основном на официальные документы российского госбюджета, комбинируя различные бюджетные данные.

В 2018 г. пройдет первая за шесть лет индексация денежного довольствия военнослужащих, которая обойдется бюджету в 67 млрд руб., а в последующие два года индексация будет продолжена, дополнительные расходы бюджета на эти цели возрастут до 83,9 млрд и 148,4 млрд руб. Таким образом, повышение окладов военнослужащим в 2018–2020 гг. потребует от государства в общей сложности почти 300 млрд руб. По информации издания РБК², деньги на индексацию выделены из «президентского резер-

¹ Стокгольмский институт исследования проблем мира [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (дата обращения: 09.12.2017).

² Власти раскрыли расходы на первое за шесть лет повышение выплат военным // РосБизнесКонсалтинг [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/11/2017/5a03247c9a7947764baedec5> (дата обращения: 09.12.2017).

ва», изначально зарезервированного в проекте бюджета в разделе «Национальная экономика» под «отдельные решения Президента».

В 2018 г. бюджет потратит на выплаты денежного довольствия военнослужащим и приравненным к ним по статусу лицам 2,27 трлн руб., что составляет 13,8% общих расходов бюджета, и это только в открытой части. Не подлежащая оценке расходов на выплаты военнослужащим часть проходит также по секретным статьям бюджета. К 2020 г. открытые расходы на выплаты довольствия военным должны достигнуть 2,39 трлн руб., или 13,9% всего бюджета.

Разумеется, рост военных расходов связан с уровнем потенциальных угроз, количество и уровень которых неуклонно возрастают, и с активизировавшейся геополитической активностью России в различных точках земного шара.

Геополитика неразрывно связана с политикой и ее инструментарием. Поэтому обратимся к проблеме собственно политических ресурсов. В общетеоретическом смысле *политические ресурсы* — это «потенциальные возможности, средства власти, которые она использует в процессе осуществления своих полномочий, функций»¹. Политические ресурсы иногда трактуют и как «упорядоченные и мобилизованные возможности субъектов социально-политического взаимодействия, направленные на достижение определенных целей в публичной политике»². При таком подходе политические ресурсы властного механизма обеспечения военной безопасности государства включают в себя и возможности институтов государственной власти по предотвращению войны и военных конфликтов, и той части гражданского общества, которая выступает за поддержание мира и принимает действенные меры к укреплению сотрудничества с другими народами и государствами, и возможности отдельных личностей, особенно деятелей искусства и науки.

Подчеркнем здесь, что понятие *ресурсы власти* нельзя подменять понятием *политические ресурсы*. Эти понятия не тождественны. Понятие *ресурсы власти* значительно больше по объему

¹ Ресурсы и источники политической власти / Политология. Словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/polytology/Resurs-i-istochniki-politicheskoi-vlasti-1017.html> (дата обращения: 11.07.2017).

² Там же.

понятия *политические ресурсы*. Также эти понятия существенно отличаются в содержательном плане. В понятии *ресурсы власти* речь идет обо всех ресурсах, которыми располагает власть, а в понятии *политические ресурсы* — только о той их части, которая подпадает под определение *политические*. Понятие *политические ресурсы* включает и то, что называют нормативными ресурсами. Нормативные ресурсы власти в сфере военной безопасности государства обеспечивают законодательное функционирование военной организации государства, развитие военного строительства с учетом состояния и перспектив развития военно-политической обстановки.

Нормативные ресурсы можно охарактеризовать как средства, выраженные в форме акта компетентного органа государственной власти, которым устанавливаются, изменяются или отменяются нормы права. Любая норма — это определенный эталон, определение и правило. Это правило действует в определенной сфере человеческой деятельности и требует своего выполнения. Отсюда норма права является общеобязательным, формально определенным правилом поведения, которое гарантируется государством и в определенной мере отражает тот уровень свободы граждан и организаций, который достигнут в обществе. Это позволяет норме права выступать регулятором общественных отношений.

Первостепенными документами в этой области, наряду с Конституцией Российской Федерации¹, являются: Федеральный конституционный закон «О военном положении»²; федеральные законы «Об обороне»³, «О Государственной границе Российской Федерации»⁴, «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»⁵, «О воинской обязанности и военной службе»⁶,

¹ Конституция Российской Федерации: офиц. текст.

² Федеральный конст. закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».

³ Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

⁴ Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе».

⁵ Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».

⁶ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

«О статусе военнослужащих»¹, «О противодействии терроризму»². Кроме того, к ним следует отнести документы, утвержденные указами Президента Российской Федерации: Военную доктрину Российской Федерации³, Стратегию национальной безопасности Российской Федерации⁴ и другие.

В российской науке довольно широко исследуется проблема духовно-нравственного потенциала личности, нравственного потенциала общества и практически нет исследований, посвященных *духовно-нравственному ресурсу* общества или отдельной личности. В советское время подобные исследования предпринимались в отношении личности, ориентированной в своем развитии на социалистический патриотизм. Мы же считаем целесообразным исходить в своем исследовании не от потенциала, т.е. возможного, а от ресурса, т.е. наличного, — того, чем располагает власть на момент оценки ситуации. Ресурс — понятие более широкое, нежели потенциал, которое инклюзивно включено в него, является его корнями. Духовно-нравственный ресурс же представляет собой совокупность уже реализованного и реализуемого здесь и сейчас духовно-нравственного потенциала населения страны.

Духовно-нравственный ресурс, с нашей точки зрения, есть совокупность ценностных ориентаций, установок, морально-нравственных убеждений и принципов, проявляющихся в повседневной практике и социальном взаимодействии социальных акторов.

Духовно-нравственный ресурс напрямую связан с менталитетом (от лат. *mens* или *mentis* — ум и лат. *alis* — другие), под которым, как правило, понимается устойчивая совокупность психических, интеллектуальных, эмоциональных и культурных особенностей, присущих той или иной этнической группе, нации, народно-

¹ Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

² Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

³ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

сти. Этот термин используется также для характеристики мировоззрения, образа мысли конкретного человека. Менталитет складывается на основе общего исторического, культурного, социального и экономического развития той или иной общности и во многом определяет поведение людей — носителей того или иного менталитета.

Понятие менталитета является весьма обширным и включает в себя взгляды, оценки, ценности, нормы поведения и морали, умонастроения, религиозную принадлежность и многие другие нюансы, характеризующие ту или иную группу населения страны. Менталитет не является неким инвариантом, присущим всему населению, характеризующим все население страны. Такой обобщающей, интегральной характеристикой, с нашей точки зрения, являются именно духовно-нравственный потенциал и его конкретное (континуальное) проявление — духовно-нравственный ресурс.

Духовно-нравственный ресурс, в отличие от большинства природных ресурсов, считается ресурсом восполняемым, ибо он способен транслироваться из поколения в поколение и изменяться под влиянием конкретных социально-экономических, политических, культурных условий посредством свода морально-нравственных норм и правил. Но существует опасность, что сумма разрушительных и негативных тенденций будет настолько велика, что сама национальная идентичность, как важнейший духовно-нравственный ресурс, будет подвержена угрозе аннигиляции. При переходе «точки невозврата» восстановление духовности будет невозможным. Это наглядно демонстрирует история некогда великих, но погибших государств и империй.

Духовно-нравственный ресурс страны во многом определяет отношение к ней других стран и народов. Зачастую он играет ключевую роль в решении вопросов войны и мира. Поэтому мы считаем духовно-нравственный ресурс государства если не основным, то одним из приоритетных, который находится в распоряжении государственной власти. Он является одновременно и источником, и результатом работы властного механизма, и должен одним из первых учитываться при решении вопроса обеспечения военной безопасности государства.

Не менее, а в современных условиях, может быть, и самым важным, является *интеллектуальный ресурс*. Мы согласны с трактовкой интеллектуального ресурса, предложенной академиком

РАН А.И. Татаркиным. Он понимает под этим термином «систему отношений по поводу производства новых или обогащенных (обновленных) знаний и интеллектуальных способностей индивидуумов, коллективов и общества в целом обеспечивать устойчиво расширенное и сбалансированное воспроизводство национального богатства на интенсивной основе в интересах повышения качества жизни всего населения и сохранения целостности Российской Федерации»¹.

Используя понятие *интеллектуальный ресурс*, часто подразумевают как знания, так и навыки, а также производственный опыт конкретных людей, включая нематериальные активы, т.е. разнообразные патенты, базы данных, программное обеспечение, товарные знаки и другую интеллектуальную собственность. Все эти ресурсы производительно используются в целях достижения научных, экономических, технических, эстетических и других социально значимых результатов. Интеллектуальный ресурс — категория национального богатства, которая является многосубъектной (индивида, коллектива, общества) и многофакторной. На нее оказывают влияние как внутрисубъектные (интересы и потребности человека, коллективов, общества) факторы, так и внешняя среда.

Содержательной основой интеллектуального ресурса является система социально-экономических отношений по поводу, во-первых, производства новых или обогащенных знаний; во-вторых, формирования интеллектуальных способностей общества, коллективов и индивидов обеспечивать устойчиво расширенное и сбалансированное воспроизводство национального богатства на интенсивной основе; в-третьих, повышения качества жизни всего населения и сохранения территориальной целостности Российской Федерации².

Интеллектуальный ресурс всегда и при всех условиях является категорией воспроизводства (расширенного или простого). И если Президент России в своем послании Федеральному Собранию ста-

¹ Татаркин А.И. Интеллектуальный ресурс общества: сущность, классификация и роль в социально-экономическом развитии // Бизнес, менеджмент и право [Электронный ресурс]. URL: http://www.bmpravo.ru/show_stat.php?stat=765 (дата обращения: 05.07.2017).

² Там же.

вит задачу «создать умную экономику»¹, то без расширенного воспроизводства интеллектуального ресурса поставленную задачу просто не решить. И 1 декабря 2016 г. Президент подчеркнул: «Главные причины торможения экономики кроются прежде всего в наших внутренних проблемах. Прежде всего это дефицит инвестиционных ресурсов, современных технологий, профессиональных кадров, недостаточное развитие конкуренции, изъяны делового климата»².

Интеллектуальный ресурс существует там и в таком объеме, где и в каком объеме он способен воспроизводиться на уровне индивидов, коллективов и всего общества. Там, где он может использоваться производительно или духовно в интересах материального и (или) духовного обогащения населения. Здесь речь идет и о совокупности научных исследований, экспериментов, испытаний, разработок, организационных и обеспечивающих мероприятий, позволяющих на практике осуществить научное обоснование основных направлений строительства вооруженных сил, оперативно-стратегическое обоснование создания и применения группировок войск и сил, формирование и реализацию требований к системам и образцам вооружения, военной техники, решать другие научно-практические задачи в интересах военной безопасности государства.

В России в целях обеспечения военной безопасности в рамках гособоронзаказа, в соответствии с планом научной работы ВУЗы силовых министерств и ведомств осуществляют военно-научное сопровождение всех научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ³. Одновременно ведется активная работа по организации взаимодействия с государственными структура-

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2011 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123798/ (дата обращения: 05.07.2017).

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2016 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (дата обращения: 05.07.2017).

³ Какими будут Вооруженные Силы в перспективе? часть I // Военно-промышленный курьер [Электронный ресурс]. URL: <http://vpk-news.ru/articles/8948> (дата обращения: 10.07.2017).

ми — институтами Российской академии наук и учреждениями высшей школы, с общественными военно-научными объединениями.

Вопросы научного обоснования обеспечения военной безопасности исследуются Центром исследования проблем безопасности Российской академии наук, Российским институтом стратегических исследований, Военно-научным комитетом Вооруженных Сил Российской Федерации, Санкт-Петербургским государственным университетом, Северо-Западным институтом управления — филиалом РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, другими высшими учебными и научно-исследовательскими учреждениями.

К научным общественным организациям, фокусирующим свою деятельность по военной безопасности, мы можем отнести Институт стратегических оценок и анализа, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Институт политического и военного анализа, Изборский клуб и др.

Поддержка научно-исследовательских работ по всем направлениям фундаментальной науки, включая работы по обеспечению безопасности государства, содействие повышению научной квалификации ученых, развитию научных контактов, в том числе поддержка международного научного сотрудничества, возложена на Российский фонд фундаментальных исследований — самоуправляемую государственную некоммерческую организацию, созданную в 1992 г. Фонд регулярно проводит конкурсы на получение грантов для выполнения российскими учеными фундаментальных научных исследований. Среди разновидности конкурсов можно выделить: инициативные научные проекты, организацию российских и международных научных мероприятий на территории России, издательские проекты, участие российских ученых в международных научных мероприятиях за рубежом, ориентированные фундаментальные исследования, аналитические обзоры. Но все эти разнообразные гранты и дотации распределяются не всегда для поддержки действительно работоспособных научных коллективов. В этом — главный порок грантовой системы поддержки науки в нашей стране.

Тем не менее есть ряд положительных моментов. Можно вспомнить Российский научный фонд, который был создан в целях финансовой и организационной поддержки фундаментальных и

поисковых научных исследований, подготовки научных кадров, развития научных коллективов, занимающих лидирующие позиции в определенной области науки. Миссия Фонда заключается в выявлении наиболее перспективных и амбициозных научных проектов, наиболее эффективных и результативных ученых, способных сплотить вокруг себя коллектив единомышленников, воспитать молодое поколение российских исследователей, выполняющих исследования на самом высоком мировом уровне.

Минобороны России совместно с Минпромторгом и Минобрнауки, государственными корпорациями «Росатом» и «Роснано» разработаны меры, обеспечивающие повышение эффективности совместной работы научных и образовательных организаций в интересах создания перспективного вооружения и военной техники. Формируется система уполномоченных организаций, осуществляющих сбор и обработку передачи информации по результатам исследований и разработок. При Министерстве обороны России функционирует Система перспективных военных исследований и разработок, решающая следующие задачи: организация научной деятельности и технологического сопровождения инновационных исследований и разработок в области обороны; мониторинг и анализ мировой научной деятельности и разработок для предотвращения внезапного появления средств, способных представлять угрозу военной безопасности России; создание условий конкуренции при продвижении и использовании научных идей и разработок; создание банка идей, инноваций и перспективных технологий и разработок, которые могут быть использованы для обеспечения безопасности государства¹.

Отсюда становится понятно, что обеспечить военную безопасность страны можно не только через заботу об усилении мощи государства, о том, чтобы иметь патриотическую идеологию, сильную армию, оснащенную современным оружием и боевой техникой, войска, обученные науке и искусству ведения современной войны, но прежде всего — через проведение умелой, грамотной, учитывающей многие нюансы дипломатической работы, через формирование системы сдержек и противовесов во внутривласти-

¹ Точки приложения усилий // Военно-промышленный курьер [Электронный ресурс]. URL: <http://vpk-news.ru/articles/15334> (дата обращения: 10.07.2017).

ческой системе государства, через развитие институтов гражданского общества и усиление их взаимодействия с органами власти, а не противостояния и противоборства с ними.

Можно сделать следующие выводы. Любое современное государство, в том числе и Россия, для обеспечения военной безопасности как экзистенциального качества своего социального бытия должно создать действенный властный механизм. Властный механизм является инструментом, с помощью которого субъект власти способствует достижению необходимой цели. Такой властный механизм целесообразно рассматривать прежде всего как совокупность определенных государственных институтов. Эффективность деятельности властного механизма по обеспечению военной безопасности напрямую зависит от уровня взаимодействия институтов государственной власти и институтов гражданского общества.

Властный механизм является частью системы государственного управления. В состав этой обширной системы входят не только институты государственной власти и гражданского общества, но и каналы коммуникации между ними, в том числе и информационные. Эти коммуникационные каналы конструируются и формируются в соответствии с принимаемыми нормативными правовыми актами государственного и регионального уровня.

Деятельность институтов по обеспечению военной безопасности должна быть направлена на нивелирование внешних и внутренних угроз начала военных действий, прежде всего — глобальных, могущих привести к мировому пожару. Деятельность такого властного механизма должна осуществляться при четко сформулированных целях, задачах и принципах обеспечения военной безопасности. Такая деятельность должна протекать с использованием специальных процедур и всех имеющихся в распоряжении власти необходимых ресурсов.

ГЛАВА 2. ВЛАСТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

2.1. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ВЛАСТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Существование любой организационной структуры в социуме подчинено определенной цели и достижению конкретных социально-политических задач. Термин *структура* происходит от латинского *structura* (расположение, устройство, соединение). Этим термином обозначают сложную заданную совокупность элементов, внутренняя организация которой онтологически существеннее ее содержательной стороны. Любая структура является не столько суммой элементов, сколько системой их взаимоотношений. Об этом можно прочесть в любом справочном издании по философии, это — элементарная пропедевтика. Философская энциклопедия определяет структуру как «относительно устойчивое единство элементов, их отношений и целостности объекта; инвариантный аспект системы»¹. Совершенно аналогичное определение можно найти и в «Новой философской энциклопедии», изданной в постсоветское время: «Совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях, основная характеристика системы, ее инвариантный аспект»².

И определением каждого элемента системы служит не столько то, чем этот элемент является, сколько место, которое он занимает в общей совокупности, и та функция, которая вытекает из занимаемого им места и связана с ним. Поэтому структурная целостность всегда является чем-то бóльшим, нежели просто суммой составляющих эту целостность элементов. Это одно из важнейших открытий философии.

Ценностное значение (аксиологический аспект) или практическая польза (праксиологический аспект) каждого элемента определяется именно его позицией внутри структуры. Ни одно явление политики, как и все явления человеческой культуры, не может

¹ Овчинников Н. Структура // Философская энциклопедия. Т. 5. — М., 1970. — С. 140.

² Новая философская энциклопедия. Т. 3. — М., 2010. — С. 647.

быть понято вне сложной системы отношений, благодаря которой только и возможно существование самого этого явления.

Онтология, все социальное бытие механизма военной безопасности, находящее выражение в его структуре, существует и функционирует по определенным базисным правилам, прежде всего — законодательным. Статья 10 Конституции Российской Федерации констатирует, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную¹. Это старая идея французских просветителей, прежде всего Ш. Монтескье, использованная в эпоху Французской революции и во времена всех последующих социальных катаклизмов. Согласно статье 11 Конституции Российской Федерации, государственную власть осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации.

Президент Российской Федерации является главой государства, гарантом Конституции Российской Федерации, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, определяет основные направления внутренней и внешней политики. Конституцией Российской Федерации Президенту в системе федеральных органов власти определено первое место. Несмотря на то, что он формально не является главой исполнительной власти (более того, он не отнесен ни к одной из ветвей власти), он связан с ней наиболее тесно. У Президента Российской Федерации весьма обширные полномочия, и конституционная модель этого института соответствует модели сильного Президента, принятой во многих странах мира. Указы и распоряжения Президента Российской Федерации являются подзаконными актами и носят исполнительный и распорядительный характер.

Как известно из новейшей истории нашего Отечества, само появление должности Президента стало возможным вследствие политики бездумной вестернизации, проводившейся М.С. Горбачевым, отказавшимся в 1990 г. от статьи 6 Конституции СССР, согласно которой КПСС была руководящей и направляющей силой советского общества. Таким образом, генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев по собственной воле оказался не у дел — поэтому

¹ Конституция Российской Федерации: офиц. текст.

и была «придумана» должность президента страны. В целом, сама перестройка, инспирированная враждебными нашей Родине западными демократиями, представляется завершающим актом «холодной войны», в которой СССР потерпел поражение — прежде всего вследствие деятельности «пятой колонны», внутреннего врага — ориентированной на западные ценности божественной интеллигенции и коррумпированной политической элиты.

Согласно Конституции Российской Федерации, Президент является не только главой государства, он наделен еще и полномочиями Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации. Это сделано для того, чтобы объединить политическое и военное руководство, обеспечить согласование и тесное сотрудничество органов государственной власти и органов военного управления в решении проблем военной безопасности. В современной России фигура Президента отождествляется со статусом патриотически ориентированного национального лидера, что придает власти не только социально-политический, но и сакральный характер.

Глава государства обладает значительной властью по проведению необходимых действий, направленных на обеспечение военной безопасности страны. Именно Президент России определяет основные направления военной политики Российской Федерации, а также в соответствии со статьей 84 Конституции России утверждает военную доктрину¹; вводит в случае агрессии против государства или непосредственной угрозы агрессии на территории страны или в отдельных ее местностях режим военного положения с незамедлительным сообщением об этом Федеральному Собранию Российской Федерации²; вводит в действие нормативные акты военного времени и прекращает их действия, формирует и упраздняет органы исполнительной власти на период военного времени. Президент Российской Федерации проводит переговоры, заключает международные договоры, касающиеся обороны государства³,

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

² Федеральный конст. закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».

³ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации».

подписывает соглашения о совместной обороне и общей безопасности, по уменьшению и ограничению вооруженных сил и военного арсенала¹.

Согласно изданному Указу Президента Российской Федерации «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти»², Президент Российской Федерации непосредственно руководит деятельностью Минобороны³, ФСВНГ⁴, ФСБ⁵, ФСО⁶, СВР⁷, МЧС⁸, ГУСП⁹; решает вопрос о привлечении силовых министерств и ведомств к выполнению задач с использованием вооружения и военной техники не по их предназначению; утверждает руководящие документы по развитию вышеназванных министерств и ведомств¹⁰; определяет перечень воинских должно-

¹ Федеральный закон от 28 января 2011 г. № 1-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений».

² Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти».

³ Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2003 г. № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации».

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 7 августа 2004 г. № 1013 «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации».

⁷ Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке».

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 30 июля 2016 г. № 386 «О некоторых вопросах Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий».

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 7 сентября 2004 г. № 1146 «Вопросы Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации».

¹⁰ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 603 «О реализации планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов и модернизации оборонно-промышленного комплекса».

стей, замещаемых высшими офицерами¹; публикует указ о призыве и увольнении с военной службы по призыву, а также перечень организаций, функционирующих в интересах обороны и безопасности государства. В полномочия Президента Российской Федерации входит и утверждение положений о порядке прохождения военной службы², общевоинских уставов³, военных советов⁴, военно-транспортной обязанности⁵, о Министерстве обороны Российской Федерации⁶, Генеральном штабе Вооруженных Сил Российской Федерации⁷, а также положения о других силовых министерствах и ведомствах.

В обеспечении военной безопасности главе государства⁸ призван помогать специально для этого созданный Совет Безопасности Российской Федерации — совещательный орган, который изучает и прогнозирует обстановку и предлагает Президенту разные варианты решения сложившейся ситуации, главным образом касающиеся первостепенных задач военной политики⁹.

Это — относительно новая структура в истории отечественного государственного строительства и в управленческой практике. Ее аналог был впервые создан на излете существования Союза ССР, в декабре 1990 г., в соответствии с принятым тогда Законом «Об изменениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с со-

¹ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

² Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы».

³ Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 30 июня 2012 г. № 919 «Вопросы деятельности военных советов».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 2 октября 1998 г. № 1175 «Об утверждении Положения о военно-транспортной обязанности».

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 12 июня 2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации».

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 631 «Вопросы Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации».

⁸ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 590 «Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации».

вершенствованием системы государственного управления»¹. На Совет безопасности СССР возлагалась выработка рекомендаций по проведению в жизнь общесоюзной политики в области обороны страны, поддержанию государственной, экономической и экологической безопасности, преодолению последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций, обеспечению стабильности и правового порядка в обществе. Очевидно, за всем этим стояла попытка тогдашнего высшего руководства страны не допустить распада Союза.

Но уже в 1991 г. в ряде республик СССР стали создаваться свои Советы безопасности, что означало желание вести свою, отдельную от Москвы политику в этой сфере.

После распада Советского Союза Россия также учредила свой Совет безопасности. Но еще до этого события данная структура была упомянута в Законе РСФСР от 24 апреля 1991 г. «О Президенте РСФСР», где в пункте 9 статьи 5 было сказано, что Президент возглавляет Совет безопасности РСФСР². Позже, 5 марта 1992 г., был принят Закон Российской Федерации «О безопасности», один из разделов которого так и назывался: «Совет безопасности Российской Федерации»³.

На разных этапах новейшей истории России роль этого органа в политической жизни страны была различной. Если в период, который принято называть «конституционным кризисом» 1992–1993 гг., главной задачей Совета безопасности было обеспечить победу Президента в его противостоянии с Верховным Советом России и тем самым сохранить Б.Н. Ельцина у власти, то после 2000 г. этот орган направил свои усилия не на сохранение личной власти Президента, а на отстаивание и обеспечение национальных интересов и национальной безопасности России.

На сегодняшний день Совет Безопасности России является конституционным совещательным органом, осуществляющим подготовку решений президента страны по вопросам обеспечения безо-

¹ Закон СССР от 26 декабря 1990 г. № 1861-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» (утратил силу).

² Закон РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1098-1 «О Президенте РСФСР» (утратил силу).

³ Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (утратил силу).

пасности государства, общественной, экологической и иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также по вопросам, связанным с защитой конституционного строя, организацией обороны и оборонного производства, военного строительства, военного и военно-технического сотрудничества с другими государствами, международного сотрудничества в области безопасности. Как видим, функции российского Совбеза значительно расширены в сравнении с функциями Совета безопасности бывшего Союза ССР, что объясняется принципиально новым геополитическим положением России, потерей нашей страной статуса сверхдержавы и серьезным обострением проблемой национальной безопасности в постсоветский период.

В мировой практике также существует опыт создания совещательно-коллегиальных органов, аналогичных российскому Совету безопасности. Такие органы функционируют в Великобритании, США, Израиле, Японии, Иране, Бразилии и других странах мира. К примеру, Совет национальной безопасности Израиля является центральным органом государства по координации действий, анализу и мониторингу в области национальной безопасности и борьбе с терроризмом. Совет безопасности Японии был основан на базе Совета обороны в 1986 г. и выступает центральным исполнительным органом власти, который занимается определением стратегии и защитой безопасности страны, разрабатывает план действий в период чрезвычайных ситуаций. Совету национальной безопасности Великобритании поручено курировать все вопросы, связанные с национальной безопасностью, включая координацию разведывательной и оборонной стратегии; он также рассматривает вопросы внешней политики, обороны, международных отношений, энергетической и ресурсной обеспеченности.

Совет национальной безопасности США, созданный вскоре после окончания Второй мировой войны, в 1947 г., выступает консультационным органом при Президенте США для решения наиболее важных вопросов национальной безопасности и внешней политики, координации действий силовых ведомств. Высший совет национальной безопасности Исламской Республики Иран был основан в 1989 г. для разработки политики в сфере обороны и национальной безопасности, координации деятельности в разведывательной, оборонной, а также экономической, социальной и культурной сферах. Старейший Национальный совет обороны Федера-

тивной Республики Бразилия, созданный еще в 1927 г., является консультативным органом Президента Бразилии по вопросам национальной безопасности, внешней политики и оборонной стратегии, в частности консультирует Президента в случае объявления войны и заключения мира, вырабатывает критерии и условия безопасности национальной территории и ее эффективного использования.

Как видим, Советы безопасности различных стран имеют схожие цели и функции. Они играют роль единых координационных центров по обеспечению безопасности на всех стратегически значимых и жизненно важных направлениях.

Рассмотрим, как устроен Совет Безопасности Российской Федерации. Председателем его является Президент Российской Федерации. В разное время Совет Безопасности Российской Федерации возглавляли по должности Б.Н. Ельцин (1992–1999 гг.), В.В. Путин (1999–2008 гг.), Д.А. Медведев (2008–2012 гг.). С 2012 г. по настоящее время Совет Безопасности России снова возглавляет Президент Российской Федерации В.В. Путин.

Всю текущую деятельность осуществляют Секретарь Совета Безопасности и приданный ему аппарат. За 25 лет сменилось 13 секретарей Совета Безопасности. Это были как военные, так и гражданские лица, имеющие большой опыт работы на руководящих постах в государстве. Среди секретарей Совбеза в разные годы были генералы Е.И. Шапошников, А.И. Лебедь, Н.Н. Бордюжа, государственные деятели И.П. Рыбкин, С.Б. Иванов, И.С. Иванов, В.В. Путин (в качестве главы ФСБ России при Б.Н. Ельцине) и др.

В состав Совета Безопасности входят как постоянные члены (глава Правительства, председатели Совета Федерации и Госдумы, министры обороны и иностранных дел, директор ФСБ и др.), так и непостоянные, которые могут включаться в состав Совета Безопасности и исключаться из него. Те и другие персонально назначаются Президентом. Всего через этот орган прошли за время его существования в новой России 125 человек. По длительности нахождения в составе Совета Безопасности можно составить своеобразный рейтинг: нынешний Министр обороны С.К. Шойгу является членом Совета Безопасности вот уже 23 года, Президент Российской Федерации В.В. Путин — 19 лет, специальный представитель Президента России по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта С.Б. Иванов — 18 лет, нынешний Сек-

ретарь Совбеза Н.П. Патрушев — 17 лет, столько же — губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко и полномочный представитель Президента в Южном федеральном округе В.В. Устинов.

Аппарат Совета Безопасности является самостоятельным структурным подразделением Администрации Президента Российской Федерации и имеет в ней статус управления. В соответствии со штатным расписанием аппарата Совета Безопасности, у Секретаря Совбеза 6 заместителей и 4 помощника, назначаемых на должность Указом Президента России.

В соответствии со своими задачами и функциями Совет Безопасности образует рабочие органы — постоянные Межведомственные комиссии и Научный совет. В настоящее время при Совете Безопасности Российской Федерации действуют семь Межведомственных комиссий по различным вопросам, а именно:

- по проблемам СНГ;
- по военной безопасности;
- по общественной безопасности;
- по безопасности в экономической и социальной сферах;
- по информационной безопасности;
- по экологической безопасности;
- по проблемам стратегического планирования.

Все эти комиссии осуществляют подготовку предложений и рекомендаций Совету Безопасности по основным направлениям государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, способствуют координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в деле обеспечения национальной безопасности.

Так, в Межведомственную комиссию по военной безопасности входит 38 должностных лиц. Председателем ее является начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации — первый заместитель Министра обороны России. В составе комиссии: глава Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности; первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по обороне; заместители министров иностранных дел, здравоохранения, образования и науки, промышленности и торговли, связи и массовых коммуникаций, финансов, экономического развития; заместитель Министра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных

бедствий; вице-президент РАН; заместители руководителей СВР, ФСБ, ФСВНГ, ФСО, ФСВТС, первый заместитель руководителя Главного военного следственного управления Следственного комитета, заместитель Главного военного прокурора, руководитель Росрезерва и другие должностные лица.

К функциям данной Комиссии отнесены: анализ состояния и перспектив развития военно-политической и социально-экономической ситуации с позиций военной безопасности; подготовка предложений и рекомендаций Совету Безопасности по вопросам стратегического планирования в военной сфере, организации обороны, формированию федерального бюджета в части, касающейся расходов на оборону страны и обеспечение безопасности государства; рассмотрение проектов нормативных правовых актов, направленных на обеспечение военной безопасности; анализ уровня социальной защиты военнослужащих, уволенных с военной службы, и членов их семей.

В свою очередь, Научный совет при Совете Безопасности России образован в целях научно-методологического и экспертно-аналитического обеспечения его деятельности. Данный Совет работает на общественных началах, председателем его по должности является Секретарь Совета Безопасности. В состав совета включаются представители Российской академии наук, руководители других научных организаций, а также отдельные ученые и специалисты. Так, Ю.С. Осипов, будучи президентом РАН, в течение 16 лет входил в состав Совета Безопасности.

На Научный совет при Совете Безопасности возложены: научно-методологическое и экспертно-аналитическое обеспечение деятельности Совета Безопасности; подготовка предложений и рекомендаций по проведению комплексных научных исследований в области обеспечения национальной безопасности; совершенствование методологии научного обоснования Стратегии национальной безопасности государства; научно-методологическая оценка и прогнозирование внутренних и внешних угроз; проведение научной экспертизы проектов нормативных правовых актов, концептуальных, доктринальных, аналитических и иных документов по вопросам обеспечения национальной безопасности; научное обоснование проектов решений в области национальной безопасности; проведение сравнительного анализа теории и практики обеспече-

ния национальной безопасности в Российской Федерации и зарубежных странах.

Деятельность Совета Безопасности осуществляется в форме заседаний и совещаний. Заседания проводятся, как правило, один раз в квартал в соответствии с планами, утверждаемыми Президентом Российской Федерации по представлению Секретаря Совета Безопасности, который осуществляет подготовку заседаний и проектов решений. Все решения принимаются постоянными членами Совета Безопасности простым большинством голосов и вступают в силу после утверждения Президентом. В целях реализации решений могут издаваться указы, распоряжения и даваться специальные поручения Президента Российской Федерации. Оперативные совещания с постоянными членами Совета Безопасности происходят практически каждую неделю.

Для примера перечислим несколько характерных пунктов из повестки дня заседаний Совета Безопасности России. Так, 31 августа 2012 г. обсуждались меры, направленные на повышение эффективности работы оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. 8 мая 2013 г. речь шла об обеспечении национальной безопасности России в связи с развитием ситуации в Афганистане и ее влиянием на стабильность в Центральной Азии. 22 апреля 2014 г. обсуждалась реализация государственной политики Российской Федерации в Арктике в интересах национальной безопасности. 3 июля 2015 г. рассматривался комплекс вопросов, связанных с обеспечением безопасности и национальных интересов России в условиях санкций со стороны ряда государств. 7 декабря 2016 г. были одобрены проект «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» и первоочередные меры по обеспечению национальных приоритетов в сфере экономики. 26 октября 2017 г. на повестке дня был комплекс вопросов, связанных с обеспечением безопасности информационной инфраструктуры России.

Даже из такого короткого перечня видно, что круг вопросов, решаемых этим координационно-совещательным органом в последние несколько лет, довольно широк и многообразен. По понятным причинам информация об этом подается лаконично и скупо, поскольку деятельность такого органа, как Совет Безопасности, не может быть открытой, публичной и прозрачной. Вот характерный пример такой закрытости. В положении о Научном совете

при Совете Безопасности Российской Федерации, утвержденном Указом Президента Российской Федерации № 590 от 6 мая 2011 г., говорится о том, что Научный совет на регулярной основе готовит к изданию сборник информационно-аналитических материалов «Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации».

К сожалению, нам не удалось найти никакой информации о содержании этого журнала. Данного издания нет ни в списке журналов, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России¹, ни в базе российского индекса научного цитирования², отсутствуют данные о регистрации издания и в единой базе средств массовой информации Роскомнадзора³. Единственное упоминание о журнале мы нашли в электронном каталоге Российской национальной библиотеки. По их данным, было выпущено всего три сборника: в 1996-м, 1998-м и 2002 г. (последний выпуск был посвящен 10-летию образования Совета Безопасности)⁴. Вероятно, отсутствие информации о данном издании в научной среде связано с содержащимися в нем сведениями, отнесенными к государственной тайне, в связи с чем журнал, возможно, распространялся только по закрытой подписке.

Являясь конституционным совещательным органом, Совет Безопасности Российской Федерации тем не менее не имеет реальной власти, а лишь готовит предложения для Президента по различным аспектам обеспечения национальной безопасности. Именно в Совет Безопасности стекается вся информация, связанная с

¹ Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://vak.ed.gov.ru/documents/10179/0/Перечень%20ВАК_30.10.2017.pdf/1636b924-4172-4f41-98a1-c185155d1cdf (дата обращения: 07.11.2017).

² Научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 07.11.2017).

³ Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media> (дата обращения: 07.11.2017).

⁴ Электронный каталог Российской национальной библиотеки [Электронный ресурс]. URL: http://primo.nlr.ru/primo_library/libweb/action/search.do (дата обращения: 07.11.2017).

безопасностью государства, именно здесь за одним столом встречаются руководители всех силовых ведомств и государственных органов, от которых зависит наша национальная безопасность. И поскольку председателем за этим столом является нынешний президент страны, пользующийся непререкаемым авторитетом, есть все основания думать, что за этим столом действительно происходят консолидация усилий и выработка единой, согласованной политики (чего мы не наблюдаем сегодня в политических кругах США и ряда европейских стран).

Совет Безопасности России — это орган, способный в оперативном режиме реагировать на любую кризисную ситуацию — будь то внутри страны, у ее границ или в отдаленных точках мира. Наши военные успехи в Сирии, в целом на Ближнем Востоке и в Азии свидетельствуют о том, что такая консолидация в Совете Безопасности России сегодня существует. И хотя деятельность этого органа не является открытой и прозрачной для широкой аудитории (этого и не должно быть), о ее эффективности мы можем судить по конечным результатам — таким, например, как фактическое уничтожение ИГИЛ (*запрещенная в России организация*) на территории Сирийской Арабской Республики. Решение об этом разрабатывалось и принималось как раз Советом Безопасности.

Особую роль во властном механизме обеспечения военной безопасности Российской Федерации играет также институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах, само существование которого до сих пор вызывает оживленные дискуссии в обществе. Порой задаются вопросы: зачем вообще нужна эта структура? Выполняет ли она конкретные функции и решает ли реальные задачи? Или же, как и многие политические институты в новой России, эта структура является чисто декоративной в созданной системе власти? В целом, не изжил ли он себя за четверть века своей истории в новой России? Попробуем рассмотреть эти вопросы подробнее.

Во-первых, сам институт полномочных представителей Президента в федеральных округах не предусмотрен Конституцией Российской Федерации и существует в рамках президентского указного права, что в определенной степени ограничивает его легитимность. Во-вторых, данный институт в своем развитии пережил несколько трансформаций, каждый раз принципиально менявших характер и смысл его деятельности. В-третьих, это наиболее за-

крытая, непрозрачная структура, что заставляет общество сомневаться в ее эффективности. Тем более что вопрос об упразднении данного института уже поднимался на довольно высоком уровне.

Так, нынешний председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко, сама в прошлом полномочный представитель Президента в Северо-Западном федеральном округе (март–октябрь 2003 г.), выступая на заседании Госсовета в декабре 2011 г., заявила о том, что институт полномочных представителей Президента «изжил себя» и может быть упразднен¹. Но этого не произошло, из чего следует, что Президент России В.В. Путин придерживается другого мнения и по-прежнему нуждается в своих полпредах. Чтобы понять почему, нужно обратиться к истории трансформаций данного института, происходившей в 1991–2000 гг.

Первые полпреды Президента России Б.Н. Ельцина появились уже в сентябре 1991 г. — спустя месяц после произошедшего в августе государственного переворота и фактического устранения М.С. Горбачева от власти. Тогда они назывались полномочными представителями в республиках, краях, областях, автономных областях и автономных округах, городах Москва и Ленинград. Это были выходцы из демократического движения на местах, как правило, не имевшие никакого опыта государственной службы и выполнявшие функцию идеологического контроля на этапе тотальной смены советского аппарата власти на демократические структуры.

На том этапе не было никакой унификации этого нового для России института. Достаточно сказать, что в 1991–1992 гг. полпреды повсеместно назначались в краях и областях, а в республике президентская власть не решалась сажать своих заместителей вплоть до 1997 г. Например, для четырех республик Северного Кавказа был назначен один полпред. А в таких республиках, как Татарстан, Башкортостан и Якутия, полпреды вообще не были назначены.

В 1993 г., после принятия новой Конституции Российской Федерации, куда было внесено понятие о субъектах Федерации, полпреды стали называться полномочными представителями Прези-

¹ Валентина Матвиенко предложила упразднить полпредства // Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1846319> (дата обращения: 09.11.2017).

дента в субъектах Федерации. А начиная с 1997 г. их стали именовать полпредами в регионах. При этом назначались на эту должность уже не демократы первой волны, которые могли лишь бездумно разглагольствовать, а все чаще и чаще именно люди, имевшие опыт управления в разнообразных структурах. Это диктовалось необходимостью контроля за проведением экономических реформ. Но и тут все еще не было общих правил игры. Так, в Нижнем Новгороде функции губернатора и полпреда Президента совмещал один человек — Б.Е. Немцов. То же самое было и в Москве, где мэром и одновременно полпредом был экономист и теоретик Г.Х. Попов.

Политическая и экономическая ситуация в регионах была разная. Так, в Чеченской Республике, находившейся в те годы в состоянии войны с федеральным центром, невозможно было обойтись без фигуры полномочного представителя Президента, притом человека именно из федерального центра и облеченного достаточно большими полномочиями. В 1994–1999 гг. функции полпреда в Чечне последовательно выполняли люди, одновременно занимавшие высокие посты в федеральных органах власти: Министр по делам национальностей Н.Д. Егоров, вице-премьер Правительства Российской Федерации О.Н. Сосковец, секретари Совета Безопасности Российской Федерации О.И. Лобов, А.И. Лебедь, И.П. Рыбкин.

В годы президентства Б.Н. Ельцина его наместники в регионах часто менялись, конфликтовали с губернаторами, чьи функции им приходилось фактически дублировать, не имея для этого реальных рычагов влияния. К концу 90-х гг. XX в. стало очевидно, что этот институт надо или серьезно реформировать, или упразднить как избыточную структуру в пирамиде власти.

Принципиально иной подход был предложен новым Президентом России В.В. Путиным. Указом от 13 мая 2000 г. в стране были созданы семь федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Южный, Уральский, Сибирский и Дальневосточный. Соответственно, вместо 87 полпредов стало 7. Позже, во время президентства Д.А. Медведева, из Южного был выделен Северо-Кавказский округ, куда вошли республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия — Алания, Чеченская Республика и Ставропольский край. В 2014 г. был образован Крымский федеральный округ, однако

уже в 2016-м Республика Крым и город федерального значения Севастополь были присоединены к Южному округу. Таким образом, на сегодняшний день в России 8 федеральных округов.

Почему Путин не упразднил, а только реформировал институт полпредов Президента? Можно задать и другие вопросы, например: почему большинство первых назначенцев Путина на должность полномочного представителя были выходцами из силовых структур: бывшие сотрудники КГБ/ФСБ Г.С. Полтавченко, В.В. Черкесов, армейские генералы А.В. Квашнин, В.Г. Казанцев и К.Б. Пуликовский, имевшие опыт руководства боевыми действиями в Чечне?

Ответ очевиден: после смуты 90-х необходимо было в определенном смысле выровнять положение дел в регионах, которые в те годы принимали местные законы, часто вступающие в противоречие с Конституцией, не подчинялись федеральному центру и т.д. Для наведения единого порядка, унификации законов, выстраивания вертикали власти в роли полномочных представителей Президента нужны были люди не из местной обоймы, порой сидевшие в тех же зданиях, что и губернаторы, делившие с ними одну приемную и морально зависимые от них. Вот почему отдельным Указом Президента от 28 июля 2000 г. были определены не только города их пребывания (полпредство Южного федерального округа — в Ростове-на-Дону, Приволжского — в Нижнем Новгороде, Сибирского — в Новосибирске и т.д.), но и здания, предоставляемые для размещения полномочных представителей и сотрудников их аппаратов¹.

Нужны были известные в стране, авторитетные и влиятельные люди, имевшие серьезный опыт работы в кризисных условиях. А практика работы в силовых ведомствах позволяла более эффективно, порой жестко контролировать деятельность местных властей. Теперь полпреды считались сотрудниками Администрации Президента, вошли в состав Совета Безопасности Российской Федерации. И надо признать, что на этапе выстраивания жесткой вертикали власти институт полномочных представителей Президента в федеральных округах в основном справился со своей задачей.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28 июля 2000 г. № 1403 «О размещении полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах и сотрудников их аппаратов».

Сегодня это авторитетные представители высшей государственной власти на местах, без согласования с которыми не решаются ни кадровые, ни какие-то иные вопросы. Давно не слышно о конфликтах между полпредами Президента и губернаторами, о конкретных случаях игнорирования их мнения. Пройдя путь от противостояния к взаимодействию, от жесткого надзора к согласованному сотрудничеству, федеральная власть укрепила свое влияние на местах, что благотворно сказалось на стабильности государства в целом. В этом есть определенная заслуга института полпредства.

Тем не менее и сегодня не всем понятно, чем же конкретно занимаются в своих округах полномочные представители Президента Российской Федерации. Поэтому сформулируем теперь их функции, как они прописаны в официальных документах.

Итак, основными задачами полномочного представителя Президента по-прежнему являются¹:

- организация контроля за исполнением решений федеральных органов государственной власти, законов, указов, распоряжений, поручений и указаний Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, а также за реализацией федеральных программ в округе;

- обеспечение реализации в федеральном округе кадровой политики Президента Российской Федерации;

- представление Президенту Российской Федерации регулярных докладов о политическом, социальном и экономическом положении в федеральном округе, обеспечении безопасности;

- координация деятельности федеральных органов исполнительной власти в своем округе;

- анализ эффективности работы правоохранительных органов, а также состояние кадровой обеспеченности в этих органах;

- согласование кандидатур для назначения на должности федеральной государственной службы в пределах федерального округа;

- вручение по поручению Президента государственных наград Российской Федерации и т.д.

У полномочного представителя Президента есть право беспрепятственного доступа в любые организации, находящиеся в преде-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе».

лах вверенного ему федерального округа. Полпреды задействованы и в коррупционных расследованиях в своих округах, взаимодействуют в этом плане с территориальными управлениями МВД и ФСБ, прокуратурой. Громкие коррупционные дела последних лет, фигурантами которых стал целый ряд губернаторов, были реализованы не без участия полномочных представителей Президента. Можно сказать, что сегодня они занимаются наблюдением за всем, что происходит во вверенных им регионах, анализом всех происходящих в них процессов. Очень важна роль полпредов в контроле за честным проведением выборов разного уровня.

Непосредственное обеспечение деятельности полпредов осуществляют подчиненные им федеральные инспекторы в краевых и областных центрах, столицах республик, крупных городах. Так, представительство Президента в Северо-Западном федеральном округе находится в Санкт-Петербурге, а федеральные инспекторы этого округа — в Архангельске, Вологде, Калининграде, Петрозаводске, Сыктывкаре, Мурманске, Пскове и других городах, образуя таким образом разветвленную сеть президентского представительства на местах. Федеральными инспекторами в границах округа руководит аппарат полномочного представителя, в состав которого входят, например, Департамент по вопросам внутренней политики, Департамент по реализации общественных проектов, Департамент по вопросам государственной службы, кадров и государственных наград и т.д. Координацию деятельности самих полпредов осуществляет глава Администрации Президента.

При всем этом институт полномочных представителей Президента является не самостоятельным органом власти, а лишь ответвлением власти президентской. Выполняя контрольные, координационные, аналитические функции, согласовывая кадровые назначения, перестановки и отставки, участвуя в разработке экономических программ региона, полпреды сами не могут принимать решений, но могут рекомендовать решения, с одной стороны, — губернаторам, с другой — президенту страны.

Нас особенно интересует взаимодействие полпредов Президента с силовыми ведомствами в регионах. Надо не забывать, что сами эти ведомства являются, по сути, полномочными представителями соответствующих федеральных органов. Так Федеральная служба безопасности имеет свои управления в регионах, которые так и называются: Управление ФСБ по Краснодарскому краю... по

Санкт-Петербургу... по Республике Дагестан и т.д. То же и с другими силовыми федеральными службами (ФСО, ФСВНГ), которые, дислоцируясь в регионах, подчиняются не региональным властям, а Москве. Нам представляется, что это затрудняет взаимодействие полпредов в федеральных округах с соответствующими федеральными службами в регионах, хотя они и имеют право согласования кандидатур при назначении руководителей этих подразделений.

Что касается реального взаимодействия в решении практических задач, то здесь прослеживается тенденция к созданию на региональном уровне координационных структур (коллегий) с участием территориальных подразделений федеральных силовых органов. Сегодня в структуре аппаратов полномочных представителей Президента в большинстве федеральных округов функционируют координационные и совещательные органы, в том числе — по вопросам борьбы с терроризмом, обеспечения обороны и национальной безопасности.

Так, в Северо-Западном федеральном округе эти проблемы рассматриваются в Совете по вопросам безопасности, противодействию коррупции и экстремизму, основными задачами которого являются: оценка общественно-политической и социально-экономической ситуации в федеральном округе; выработка предложений и рекомендаций по устранению угроз национальной безопасности, повышению эффективности деятельности территориальных силовых органов и их взаимодействию с органами государственной власти. Там же действует Межведомственный совет по защите информации, который является консультационно-совещательным органом, также координирующим деятельность территориальных органов МВД, ФСБ и других, их взаимодействие с региональной властью, органами местного самоуправления в части реализации государственной политики по защите информации.

В Центральном федеральном округе действуют Комиссия по информационной безопасности и Коллегия по вопросам правоохранительной деятельности, обороны и безопасности. В Приволжском федеральном округе — Координационный совет по защите информации и Коллегия по вопросам безопасности. В Северо-Кавказском федеральном округе — Межведомственная рабочая группа по защите информации и подготовке специалистов в облас-

ти информационной безопасности, а также Координационное совещание по вопросам безопасности, противодействия коррупции и обеспечения правопорядка. В Дальневосточном федеральном округе работают Межведомственные комиссии по пограничной политике, информационной и общественной безопасности, укреплению законности и правопорядка.

А вот в структуре аппарата полномочного представителя Президента в Сибирском федеральном округе коллегиальных органов, связанных с проблемами безопасности, судя по всему, не существует¹. Отсутствует подобная информация и на официальных сайтах полномочных представителей Президента в Южном² и Уральском³ федеральных округах.

Проанализировав положения о совещательно-коллегиальных органах по вопросам безопасности при аппаратах полномочных представителей Президента в федеральных округах, можно констатировать, что основными их задачами являются: анализ системности и комплексности применения политических, организационных, информационных, правовых и иных мер по обеспечению безопасности; анализ эффективности деятельности в федеральном округе правоохранительных и иных государственных органов, ведающих вопросами обороны и безопасности; мониторинг состояния военной безопасности, гражданской обороны и мобилизационной готовности, безопасности пограничного пространства; выработка рекомендаций и предложений по предотвращению угроз национальной безопасности на территории округа, укреплению законности и правопорядка, обеспечению защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, противодействию преступности, охране общественного порядка и собственности.

¹ Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе [Электронный ресурс]. URL: <http://sfo.gov.ru/polpred/orgs> (дата обращения: 03.11.2017).

² Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе [Электронный ресурс]. URL: <http://ufo.gov.ru> (дата обращения: 03.11.2017).

³ Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе [Электронный ресурс]. URL: <http://uralfgo.gov.ru/polpred/orgs> (дата обращения: 03.11.2017).

Таким образом, институт полпредов взял на себя миссию собирать вместе силовиков разных ведомств и инициировать коллективное обсуждение актуальных вопросов безопасности, выработать предложения и рекомендации на этот счет. Насколько это эффективно, если учесть, что при губернаторах действуют свои Советы безопасности, также являющиеся, по сути, межведомственными коллегиями? Не дублируют ли их работу советы и совещания при аппаратах полномочных представителей Президента, тем более что в них участвуют, скорее всего, не первые лица силовых ведомств, как в Советах безопасности при губернаторах, а подчиненные им сотрудники? Но и других рычагов и возможностей влияния у чиновников полпредств и самих полпредов просто не существует.

Так или иначе, институт полпредов продолжает функционировать и по-своему реагировать на вызовы времени. И сегодня, когда идет ротация в губернаторском корпусе и на должности руководителей регионов приходят молодые люди, опытные полпреды могут сыграть роль не надзирателей, но наставников, помочь в анализе ситуации в регионе, поиске оптимальных решений возникающих проблем, в том числе в сфере обеспечения спокойствия и стабильности в регионах, особенно по периметру границ России, где сегодня особенно много угроз национальной безопасности нашей страны.

Национальная безопасность страны в эпоху цивилизационного противостояния подвергается все новым и новым испытаниям. Существенное изменение типов войн и характера боевых действий в современных условиях, проблемы секьюритизации экономики и бизнеса породили в новом тысячелетии новые, невиданные ранее проблемы. Повышенные требования в современную эпоху предъявляются к работе всех политических институтов, в том числе и к парламенту страны — законодательному и представительному органу власти, каковым в Российской Федерации является Федеральное Собрание.

Каждая из ветвей современной власти в России вносит свой вклад в обеспечение военной безопасности, но органам законодательной и представительной власти принадлежит особая роль в обеспечении военной безопасности государства. Вместе с тем сама работоспособность и действенность механизма парламентского влияния в сфере обеспечения военной безопасности вызывает

много вопросов — как с теоретической, так и с практической точки зрения. Научных же исследований о роли парламента в вопросах обороны и безопасности в Российской Федерации не так много. О роли законодательной власти в механизме обеспечения военной безопасности свидетельствует круг возможных полномочий в этой сфере.

Обобщив все полномочия, свойственные современным парламентам, перечислим основные, влияющие на сферу обеспечения военной безопасности. Во-первых, в ходе *законотворческого процесса* принимаются нормативно-правовые акты, регламентирующие сферу обеспечения военной безопасности. Во-вторых, законодатели *утверждают бюджетные расходы* на оборону и безопасность государства. В-третьих, опосредованно законодатели влияют на военно-политический механизм через *формирование органов государственной власти*. В-четвертых, одним из важнейших направлений в деятельности законодательной власти является *парламентский контроль* за деятельностью органов государственной власти, который может выражаться в разной форме: в вопросах к Правительству Российской Федерации, силовым министерствам и ведомствам, другим лицам в письменной и устной формах; обращениях к должностным лицам по поводу их деятельности на пленарных заседаниях; дебатах по общей оборонной политике государства; докладах и отчетах Правительства России, в том числе по вопросам обороны и безопасности; парламентских слушаниях с целью привлечения общественности к наиболее важным вопросам и т.д. В-пятых, *ратификация и денонсация международных договоров* парламентом подразумевают, что парламент дает свое согласие и выражает тем самым волю государства по принятию международных документов, в том числе и в вопросах военной безопасности. В-шестых, особым и важнейшим полномочием парламента выступает его право рассматривать законы по *вопросам войны и мира*, определяющие специфику политики обеспечения военной безопасности.

Роль Федерального Собрания Российской Федерации в обеспечении безопасности государства определяется, с одной стороны, самим статусом и функциями этого органа власти как высшего законодателя страны, с другой стороны — его непосредственной зависимостью от регионов (Совет Федерации), избирателей и партий (Госдума). Это особенно важно, так как любое обострение

внутриполитической ситуации, любое проявление кризиса в международных отношениях, возникновение любых угроз нашей безопасности сразу же становится — благодаря современным средствам массовых коммуникаций — достоянием широкой общественности, вызывает законное беспокойство у населения, инициирует повышенную партийную активность. Все это побуждает парламентариев, являющихся представителями народа, регионов и партий в Федеральном Собрании Российской Федерации, незамедлительно реагировать на происходящее, в том числе принятием соответствующих законов и нормативных актов.

Яркий тому пример — недавнее достаточно быстрое принятие Госдумой и Советом Федерации Закона о СМИ — иностранных агентах, что стало зеркальным ответом на преследование российских журналистов, работающих в США, и было направлено на защиту нашей информационной безопасности¹. Можно вспомнить более ранний пример, когда весной 2014 г. решалась судьба Крыма. Совет Федерации в оперативном режиме принял тогда все необходимые решения, начиная с согласия на использование войск за пределами Российской Федерации, данного Президенту Российской Федерации В.В. Путину, и заканчивая ратификацией международного Договора между Россией и Республикой Крым о вхождении ее в состав Российской Федерации.

Вопросы безопасности нередко требуют именно такой — незамедлительной, но при этом юридически выверенной реакции, принятия таких решений, которые не противоречили бы Конституции и законам Российской Федерации. Роль обеих палат российского парламента здесь трудно переоценить. Им приходится искать и находить баланс между политической целесообразностью, настроениями в обществе и Законом.

Как известно, нынешняя Государственная Дума была учреждена в ходе конституционной реформы 1993 г., полномочия ее определены 103-й статьей Основного Закона Российской Федерации. Сегодня в Госдуме работает 450 депутатов, большая часть которых входит в партийные фракции (по итогам думских выборов 2016 г. их четыре: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедли-

¹ Госдума приняла закон о СМИ — иностранных агентах // Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3467943> (дата обращения: 22.01.2018).

вая Россия»). В Госдуме VII созыва — 26 профильных комитетов и 5 комиссий.

Нас интересуют те из них, чья деятельность так или иначе связана с обеспечением военной безопасности. Это Комитет по обороне и Комитет по безопасности и противодействию коррупции, а также Комиссия по правовому обеспечению развития организаций оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации и Комиссия по рассмотрению расходов федерального бюджета, направленных на обеспечение национальной обороны, национальной безопасности и правоохранительной деятельности.

К ведению Комитета по обороне относятся предварительное рассмотрение и подготовка законопроектов и проектов постановлений палаты:

- об обороне, ее организации, полномочиях органов государственной власти Российской Федерации;
- деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, а также других войск и воинских формирований, порядке их применения в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства;
- о вопросах войны и мира, порядке введения и правовом режиме военного положения;
- о государственном оборонном заказе;
- о финансировании расходов на оборону;
- о материальной ответственности военнослужащих;
- о статусе военнослужащих, социальном обслуживании и социальной защите военнослужащих;
- о вопросах федеральных органов исполнительной власти, в которых законодательством предусмотрена военная служба;
- об имуществе, находящемся у военных организаций на правах хозяйственного ведения и оперативного управления;
- о преступлениях против военной службы;
- о контроле космического, воздушного и морского пространства, космической деятельности в интересах обороны, контроле и регулировании воздушного движения, а также навигационном обеспечении в целях обороны;
- о военно-технической политике, разработке и производстве вооружения и военной техники, утилизации и ликвидации вооружения, военной техники и имущества;

– об организации и обеспечении решения вопросов обороны Союза Беларуси и России¹.

Как видим, это довольно широкий круг вопросов, и именно такой — всеобъемлющий и глубокий — подход к проблемам и нуждам вооруженных сил, оборонной промышленности, правовое обеспечение их существования и функционирования в соответствии с реалиями сегодняшнего дня во многом способствовал тому, что и армия России, и ее «оборонка» вышли из глубочайшего кризиса 90-х гг. XX в. и поднялись на ту высоту, находясь на которой они способны сегодня обеспечить военную безопасность страны.

В составе Комитета по обороне работают 14 парламентариев, в том числе 10 представителей «Единой России», 2 — от КПРФ, по одному от ЛДПР и «Справедливой России». Высокую компетентность в делах обороны обеспечивает комитету его «звездный» состав во главе с Героем Российской Федерации, генерал-полковником В.А. Шамановым. Среди членов комитета по обороне — еще три Героя Российской Федерации: А.Ю. Красов, В.И. Богодухов, летчик-космонавт Р.Ю. Романенко, а также дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт С.Е. Савицкая. Звание генерал-полковника имеют еще два члена комитета — В.М. Заварзин и И.М. Тетерин.

Разумеется, для эффективной работы комитета важны не только звания и звезды героев, но в не меньшей степени — государственная, патриотическая позиция входящих в него депутатов, независимо от их партийной принадлежности. Нет сомнения в том, что названные выше депутаты, за плечами у которых годы службы Отечеству, являются именно такими патриотами и государственниками, а это — главная гарантия принятия законов и решений в интересах национальной безопасности нашей страны.

Комитет по обороне состоит из четырех подкомитетов: по вопросам обороны, военного строительства; военно-патриотического воспитания; военно-технического и военного сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами; воинской обязанности и военной службы. Для работы с законопроектами

¹ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

подкомитет может образовывать рабочие группы, состоящие, помимо парламентариев, из представителей органов государственной власти, общественных организаций, ученых и специалистов. Таким образом, комитет опирается в своей работе не только на личный опыт его членов, но и на компетенцию более широкого круга специалистов в делах обороны и военного строительства.

К ведению Комитета по безопасности и противодействию коррупции относятся предварительное рассмотрение и подготовка законопроектов и проектов постановлений палаты:

- о статусе и правовом регулировании МЧС, СВР, ФСБ, ФСО, ФСВНГ России;
- о расходах федерального бюджета, направленных на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации;
- об обеспечении суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации;
- об обеспечении экономической, социальной, информационной, продовольственной, ядерной, технологической, радиационной, пожарной безопасности;
- о социальной защите и пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную и правоохранительную службу в органах, учреждениях и войсках ведомств, входящих в систему безопасности Российской Федерации;
- о коллективной безопасности государств — участников Содружества Независимых Государств, Организации Договора о коллективной безопасности;
- о ратификации международных договоров в сфере национальной безопасности¹.

Помимо всего, этот комитет участвует в обобщении правоприменительной практики специальных служб в целях прогнозирования и своевременного выявления и нейтрализации внешних и внутренних угроз национальной безопасности Российской Федерации; в разработке правовых основ геополитических интересов Российской Федерации, направленных на укрепление национальной безопасности; в разработке модельных законодательных актов для государств — участников СНГ, ОДКБ в сфере безопасности.

¹ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

В составе Комитета — 19 парламентариев. «Единую Россию» представляют 14 депутатов, КПРФ и ЛДПР — по 2, «Справедливую Россию» — 1 депутат. Возглавляет комитет генерал-полковник юстиции В.И. Пискарев, ранее занимавший пост первого заместителя Председателя Следственного комитета Российской Федерации. В комитете работают такие небезызвестные политики, как Н.В. Поклонская, прокурор Республики Крым в 2014–2016 гг., Н.Д. Ковалев — генерал армии, директор ФСБ России в 1996–1998 гг.; А.К. Луговой, бывший сотрудник спецслужб, и другие. Не приходится сомневаться в способности этого комитета решать поставленные перед ним задачи с высокой степенью компетентности и в национальных интересах государства.

Деятельность Комиссии по правовому обеспечению развития организаций оборонно-промышленного комплекса России направлена на выполнение государственной программы вооружения и гособоронзаказа, выпуска высокотехнологичной и конкурентоспособной продукции на основе развития научно-технического и производственно-технологического потенциала оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Комиссия, в составе которой 14 парламентариев, работает прежде всего над совершенствованием федерального законодательства в сфере ОПК.

Комиссия по рассмотрению расходов федерального бюджета, направленных на обеспечение национальной обороны, национальной безопасности и правоохранительной деятельности, в составе которой работает 21 депутат, ведет подготовку к рассмотрению в первом чтении проекта Закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период. В этой комиссии предварительно рассматриваются поправки к секретным статьям и секретным приложениям проекта о федеральном бюджете.

Такая структура внутри Госдумы позволяет постоянно держать в поле зрения вопросы, касающиеся обороны и безопасности, оказывать непосредственное влияние на принятие важных государственных решений в этой сфере.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, являясь институтом интеграции и консолидации регионов, обеспечивает баланс общефедеральных и региональных интересов при принятии решений, направленных на реализацию стратегических целей развития страны. В соответствии с Конституцией, в состав Совета Федерации входят по два представителя от каждого

региона — по одному от законодательного и исполнительного органов власти субъекта Федерации. Новеллой последнего времени стало то, что в состав Совета Федерации могут войти так называемые «представители Российской Федерации», назначаемые индивидуально Президентом России. Общее число таких назначенцев не должно превышать 10% от всего состава Совета Федерации.

За время своего существования Совет Федерации России как никакой другой орган власти прошел целый ряд трансформаций. Так, в 1990–1991 гг. это был всего лишь консультативный орган при Президенте СССР и именовался Советом Федерации СССР, включавшим в себя высших должностных лиц пятнадцати союзных республик. После распада Советского Союза этот орган стал называться Советом Федерации РСФСР. В 1996–2001 гг. он формировался из числа руководителей законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации (губернаторов и председателей местных парламентов). При этом члены Совета Федерации того времени не работали на постоянной основе, а собирались в столице на регулярные сессии, во время которых участвовали в пленарных заседаниях и заседаниях комитетов и комиссий.

В ходе реформы, предложенной В.В. Путиным, начиная с 2002 г. Совет Федерации работает на постоянной и профессиональной основе. И сегодня это полноценный и полноправный орган государственной власти России, без которого невозможно представить функционирование всей системы власти в стране.

Как и в Государственной Думе, вопросы военной безопасности отнесены, согласно регламенту Совета Федерации, к компетенции Комитета по обороне и безопасности. В ведении этого комитета находятся:

- предварительное рассмотрение Указа Президента Российской Федерации о введении военного или чрезвычайного положения;
- предварительное рассмотрение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации;
- предварительное рассмотрение вопросов внутренней и внешней безопасности Российской Федерации;
- военное строительство;
- финансирование военной организации государства и ее компонентов, обороны страны и безопасности государства;
- международное военное и военно-техническое сотрудничество;

– военная служба, статус военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и специальных служб, их социальное обеспечение¹.

Основная работа Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности направлена на реализацию стратегических задач, поставленных Президентом в Посланиях Федеральному Собранию, положений Стратегии национальной безопасности, Концепции внешней политики, Военной доктрины в части законодательного обеспечения военной безопасности государства.

Об интенсивности работы Комитета по обороне и безопасности свидетельствуют следующие цифры. В 2014 г. проведено 27 заседаний комитета, на которых был рассмотрен 191 вопрос, в том числе 113 федеральных законов, принятых Государственной Думой. В 2015 г. состоялось 24 заседания, на которых рассмотрено 163 вопроса, 92 из которых были посвящены рассмотрению федеральных законов. В 2016 г. Комитет также провел 24 заседания, рассмотрел 167 вопросов, в том числе 71 проект федеральных законов.

Основное внимание при этом уделяется разработке и внесению соответствующих изменений и дополнений в действующее законодательство в целях исключения правовых коллизий и пробелов, устранения имеющихся противоречий, унификации терминов и понятий, применяемых в законодательстве.

Членами Комитета по обороне и безопасности Совета Федерации являются 17 парламентариев. С недавнего времени возглавляет комитет Герой Российской Федерации, генерал-полковник В.Н. Бондарев, бывший Главнокомандующий воздушно-космическими силами России. Многие члены комитета в разное время занимали ответственные посты в сфере обороны и безопасности государства. Так, генерал-полковник Е.А. Серебrenников был первым заместителем Министра по чрезвычайным ситуациям, генерал-лейтенант А.В. Ракитин возглавлял Управление ФСБ России по Западному военному округу, генерал-лейтенант полиции С.П. Аренин был начальником Главного управления МВД России по Саратовской области, вице-адмирал В.В. Куликов до прихода в

¹ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 173-СФ «О регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации».

Совет Федерации был заместителем командующего Черноморским флотом.

В июне 2017 г. в Совете Федерации была создана Временная комиссия по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела России. У этой комиссии четыре основных задачи: сбор, анализ и обобщение информации о состоянии законодательства и правоприменительной практики в данной области; подготовка предложений по совершенствованию законодательства; мониторинг деятельности иностранных государств, международных объединений и организаций, направленной на вмешательство в дела Российской Федерации в политической, экономической, гуманитарной сферах; мониторинг состояния международного права по указанной проблематике.

Создание такого рода комиссии вызвано конкретной политической ситуацией и свидетельствует о гибкости парламента, его способности адекватно реагировать на вызовы времени.

Немалая часть работы лежит на аппарате профильных комитетов и созданных при них экспертных советах. Однако подбор сотрудников комитетов осуществляется практически без учета специфики их деятельности. Требования к аппаратным сотрудникам едины для всех, контракт сотрудника имеет универсальную форму вне зависимости от профиля комитета. Внутри российского парламента сложилось довольно замкнутое сообщество аппаратных работников, куда затруднен доступ свежих сил из числа профессионалов. Чаще всего там оказываются люди, получившие эти посты по итогам «пакетного соглашения», т.е. исходя из внутривнутрипартийных раскладов и внутренней ротации избранных депутатов той или иной партии, а не по признаку профессиональной пригодности.

Профессиональное обсуждение вопросов обороны и безопасности осуществляется на «круглых столах» и заседаниях рабочих групп, организуемых комитетами, куда приглашаются ученые и специалисты. При этом у каждого комитета есть свои, идейно близкие институты и кафедры, свой пул экспертов и профи, подбор людей в который происходит достаточно произвольно.

Отдельной темой являются экспертные советы. В Государственной Думе экспертные советы есть, но работают они только по воле руководителей партий и фракций. В «Справедливой России»

дважды создавался такой экспертный совет¹. В «Единой России» действуют «клубы» и «партийные проекты», внутри которых и происходит коммуникация экспертов². КПРФ практикует неформальное привлечение дружественных вузовских работников, академиков под руководством нобелевского лауреата Ж.И. Алферова. В ЛДПР ярко выраженной постоянной коммуникации экспертов не наблюдается.

При Комитете Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции образован Экспертный совет, общественный консультационный орган для научно-правового, экспертного и информационно-консультационного обеспечения деятельности комитета. Он, в свою очередь, состоит из пяти экспертных комиссий, каждая из которых отвечает за определенный круг вопросов.

В Совете Федерации функционируют 13 коллегиальных органов. В сфере обороны и безопасности таких советов 2. Это Совет по законодательному обеспечению оборонно-промышленного комплекса и военно-технического сотрудничества и Совет по социальной защите военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и членов их семей. Первый Совет состоит из 58 человек, второй — из 40.

Экспертный совет при Комитете по обороне и безопасности Совета Федерации является постоянно действующим коллегиальным органом на общественных началах для экспертного и информационно-консультативного обеспечения деятельности комитета.

Правомерно задать вопрос: насколько жизнеспособны и эффективны все эти многочисленные и многолюдные коллегии? Насколько продуктивна столь дробная, многоступенчатая структура обсуждения законопроектов и выработки предложений и рекомендаций по их принятию? Не сводится ли деятельность всех этих «советов при комитетах» и «комитетов при советах» к формальному штампованию документов? Все зависит от того, как организована их работа и насколько добросовестно и ответственно отно-

¹ Экспертный совет при фракции «Справедливая Россия» [Электронный ресурс]. URL: http://www.spravedlivo.ru/7_56918.html (дата обращения: 07.07.2017).

² Партийные проекты Всероссийской политической партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <https://proj.edinros.ru/page/obshchaya-informatsiya> (дата обращения: 07.07.2017).

сятся к ней привлеченные к экспертной оценке законопроектов ученые и специалисты.

Как мы отмечали ранее, одним из главных механизмов парламентского влияния на обеспечение военной безопасности является рассмотрение и принятие государственного бюджета России. Бюджет состоит из «открытой» и «закрытой» частей. При этом, если прозрачность «открытой» части постоянно повышается, то расходы бюджета на военную безопасность остаются непрозрачными даже для военных специалистов и, что еще более важно, недостаточно эффективными¹.

«Закрытая» (или, как ее именуют, «секретная») часть российского бюджета в 2018 г. останется на уровне 17,6% от общих расходов. Доля закрытых расходов по разделу «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» увеличится до 38,3% — максимума по крайней мере с 2007 г.

Закрытые расходы по «Национальной безопасности» возрастут на 154 млрд руб. относительно оценки 2017 г. Связано это исключительно с увеличением секретной части подраздела «Другие вопросы в области национальной безопасности и правоохранительной деятельности», который сам по себе менее прозрачен, чем остальные. Секретные расходы по разделу «Национальная оборона» в 2018 г. останутся на уровне 65%, как и в 2017-м. Увеличатся на 71% по сравнению с 2017 г. закрытые ассигнования по подразделу «Другие вопросы»².

Вероятно, рост расходов на оборону и безопасность связан со следующими обстоятельствами: увеличением численности военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, расходами на их укомплектование и содержание; социальными выплатами и поддержкой военнослужащих, превышающими предыдущие нормативы; поддержкой предприятий оборонно-промышленного комплекса; поддержкой общественных движений и программ патриотического воспитания; финансирования технологических ин-

¹ *Трегубова Е.В.* Под грифом «секретно». Власти увеличат закрытые расходы бюджета на 9,7 трлн // Аргументы и факты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru/money/economy/946831> (дата обращения: 07.07.2017).

² *Ткачев И., Фейнберг А.* Секретные расходы бюджета по безопасности станут рекордными за 12 лет // РосБизнесКонсалтинг [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/10/2017/59d4fde09a7947e9e7dff121> (дата обращения: 26.11.2017).

новаций в сфере кибервойн, криптополитики, освоения новых театров военных действий (Сирия, Украина, Арктика).

Все обозначенные пункты нашли отражение в структуре бюджета и в выступлениях руководителей страны, но детали, повторимся, остаются неизвестными даже для специалистов в сфере безопасности. Это неизбежно приводит к непрозрачности и недоступности для парламентского и/или специального контроля значительной части бюджета.

Несмотря на рост военных расходов, по мнению многих специалистов, в Российской Федерации существуют значительные несоответствия между выделяемыми бюджетными ассигнованиями и их реальным расходованием на обозначенные цели. Это серьезная проблема, порождающая прежде всего такое явление, как коррупция в оборонно-промышленном комплексе страны и, соответственно, неэффективность военных расходов¹ в целом, что уже признается на самом высоком политическом уровне.

Регламентом Государственной Думы предусмотрено, что Счетная палата Российской Федерации осуществляет мониторинг и контроль за расходованием бюджетных средств, но доклады аудиторов востребованы в основном только для решения внутривнутриполитических задач, привязанных к текущей конъюнктуре и борьбе групп влияния. Бюджет Российской Федерации достаточно неоднозначен — в том смысле, что при декларациях о неизменности и строгости этого документа он все время модернизируется. В частности, с 2012 г. началась практика принятия так называемого «трехлетнего бюджета», вроде как делающая неизменным на три года его основные параметры при его утверждении.

Но уже в 2014 г. дважды изменялись базовые принципы: «бюджетное правило» в связи с присоединением Крыма и макроэкономические прогнозы в связи с санкциями (уровень инфляции, прогноз роста, изменение платежной системы и т.д.). Вдобавок постоянно происходит «мелкая редакция» в связи с теми же «майскими указами»² Президента России В.В. Путина, перебросами статей из одной части бюджетных расходов в другую (к примеру, часть рас-

¹ *Баикатова А.* Россия — лидер по темпам роста военных расходов // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/economics/2013-04-16/1_army.html (дата обращения: 07.07.2017).

² Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2012 г. № 604 «О дальнейшем совершенствовании военной службы в Российской Федерации».

ходов Министерства обороны на жилье и социальную инфраструктуру перебросили частично на региональные бюджеты, части — на госпрограммы).

Очевидно, что российский парламент должен добиваться проведения отдельного обсуждения и голосования по каждой из статей ассигнований на цели обеспечения военной безопасности, чего в настоящее время не происходит.

Особый интерес представляют для нас вопросы объявления войны и мира и внешнеполитической компетенции российского парламента. Согласно статье 18 Федерального закона «Об обороне», в случае вооруженного нападения на Российскую Федерацию объявляется состояние войны¹. Статья 106 Конституции России предусматривает, что обязательному рассмотрению в верхней палате парламента подлежат принятые нижней палатой законы по вопросам войны и мира².

Объявление войны, даже если оно не сопровождается военными действиями, всегда приводит к состоянию войны, влечет за собой определенные правовые последствия. Прекращаются мирные отношения между государствами: прерываются дипломатические и консульские отношения; приостанавливается действие политических, экономических и иных договоров, рассчитанных на мирные отношения; устанавливается особый режим для граждан государства-противника; имущество, принадлежащее вражескому государству, конфискуется.

Юридической формой прекращения состояния войны является мирный договор, который юридически закрепляет прекращение состояния войны и восстановление мирных отношений между воевавшими сторонами. Мирный договор регулирует широкий круг вопросов, в том числе территориальных (вопросы государственных границ), политических (вопросы прав и свобод граждан, обязательство привлекать к ответственности военных преступников), военных (регулируются вопросы ограничения вооруженных сил), экономических (устанавливаются объем репараций и реституций)³.

¹ Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

² Конституция Российской Федерации: офиц. текст.

³ Батырь В.А. Международное гуманитарное право: Учебник для вузов [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/10503> (дата обращения: 15.08.2017).

Как показывает практика, реальное функционирование механизма парламентского влияния основано на деятельности политических партий. Именно в ходе парламентской деятельности многие положения партийных программ должны находить свое практическое воплощение в нормативных актах, решениях, принимаемых законодательными органами. Программы политических партий, как правило, раскрывают цели и задачи, пути решения социально-экономических, политических и иных проблем. Анализ программ позволяет уяснить текущие ориентиры в решении актуальных проблем военной безопасности, определить основные тенденции и перспективы предлагаемых преобразований.

В декабре 2016 г. в России завершилась очередная кампания по выборам депутатов Государственной Думы. Каждая из «старых» парламентских партий представляла на суд избирателей обновленные программы, в которых старается отразить свои позиции по всем актуальным вопросам современной жизни России, в том числе и по проблемам военной безопасности.

Рассматривая проблемы военной безопасности, партийные программы во многом основываются на тезисах Послания Президента Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. В нем В.В. Путин акцентировал роль Российской Федерации в борьбе с международным терроризмом. Президент делает акцент на то, что одному обособленному государству невозможно справиться с этой проблемой, особенно в современных условиях, когда границы в мире, в особенности в Европе, фактически открыты. Выходом из этой ситуации может стать создание мощного, единого антитеррористического фронта, который будет действовать на основе международного права и под эгидой Организации Объединенных Наций. Также Президент напомнил об общей ответственности власти, политических партий, гражданского общества, СМИ. Обращаясь к лидерам партий и участникам будущего избирательного процесса, ко всем общественно-политическим силам, Президент сказал, что они «должны сохранить нашу сплоченность, помнить, что главное для нас — Россия»¹.

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации в 2015 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189898/ (дата обращения: 09.07.2017).

В программе Всероссийской политической партии «Единая Россия» имеется отдельная глава, посвященная справедливости и безопасности для мира и для России¹. Партия рассматривает вопросы обеспечения военной безопасности в контексте внешней политики государства. Принципы и подходы в международных отношениях основаны на верховенстве международного права, укреплении коллективных начал и центральной координирующей роли ООН. Говорится в программе и о наличии эффективных, мобильных, хорошо оснащенных вооруженных силах, являющихся гарантией безопасности государства.

Согласно Конституции страны, вопросы внешней политики отнесены к компетенции главы государства. И в этих вопросах партия намерена помогать Президенту на своем, парламентском уровне, в процессе международного сотрудничества, выработки законопроектов и ратификации международных договоров.

В международных отношениях «Единая Россия» выбрала вектор активизации деятельности, направленной на нормализацию отношений с Европейским союзом, но только в том случае, если европейские страны проявят к этому встречную активность и политическую волю, т.е. на паритетных началах. Уделено внимание и развитию интеграционных связей в рамках Союзного государства, с евразийской «пятеркой», СНГ. В этой связи хотелось бы уточнить важность и актуальность данного вопроса, так как «узкое понятие «политическая интеграция» трактуется как «политический процесс, ведущий к объединению различных государств и других политических сил, к координации и сближению их деятельности»². Акцент здесь ставится именно на сближении, что особенно важно в сегодняшней непростой геополитической ситуации. Как видим, Россия всегда готова к конструктивному диалогу не только со своими союзниками или потенциальными геополитическими партнерами, но и со своими оппонентами, и даже с теми акторами,

¹ Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/program/#33> (дата обращения: 09.07.2017).

² Косов Ю.В., Фокина В.В. Политическая регионалистика. — СПб.: Питер, 2009. — С. 187.

которые открыто называют Российской Федерацию врагом (или потенциальным врагом) № 1.

Важным вектором развития в программе партии названо укрепление безопасности. Здесь «Единая Россия» опирается на положения Стратегии национальной безопасности¹ и Военной доктрины России², в которых обозначены приоритеты в развитии военной организации государства. Это поддержание высокой боеготовности и гибкости вооруженных сил, укрепление систем стратегического сдерживания, дальнейшая модернизация неядерных вооружений. На последовательность данной политики указывает тот факт, что 5 декабря 2016 г. Указом Президента России № 646 была принята новая программа обеспечения государственной безопасности в ее информационном секторе. И связано это прежде всего с увеличением масштабов применения отдельными государствами и организациями информационных технологий в военно-политических целях, в том числе для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных на подрыв суверенитета, политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации и ее союзников и представляющих угрозу международному миру, глобальной и региональной безопасности (пункт 15 Указа)³.

Данный пункт Указа интересен еще и тем, что отражает формирующийся в последнее время тренд политической и государственной деволюции, когда полномочия частично передаются от общенациональных и наднациональных структур в пользу преобладания первостепенности и важности региональности. Касательно применимости данного аспекта к сфере парламентаризма и функционирования современных партий можно отметить, что наметилась тенденция к необходимости перераспределения внимания партийной активности в сторону низового уровня, накладывая дополнительную, более конкретизированную и личностную ответственность на решение законодательных и управленческих задач.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

³ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

При этом эффективность или неэффективность решения таких задач на региональном уровне проявляется намного оперативнее и более показательнее, что, в свою очередь, так же динамично формирует общественное мнение о заявленных партиями приоритетах и позициях и их фактической и результативной (или нерезультативной) деятельности.

В области внешней политики по вопросам военной безопасности партия выступает за недопущение эскалации конфликтов, гонки вооружений и конфронтации России с кем бы то ни было, за выстраивание конструктивных партнерских отношений со всеми центрами силы современного мира.

Можно сделать вывод о том, что предложенная программа партии «Единая Россия» соответствует современной международной и внутривнутриполитической обстановке. Эта программа нацелена на единую с президентом страны политику в сфере национальной безопасности. Являясь правящей партией и традиционно получая на выборах большинство в парламенте, «Единая Россия» имеет все возможности для реализации своей стратегической программы. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что государственная политика современной России становится все более планомерно последовательной и доказывает свою эффективность, получая стабильно высокую избирательную оценку от российского электората (общества). А в плане свидетельства преемственности российского парламентаризма можно повторить слова Президента Российской Федерации В.В. Путина, процитировавшего слова П.А. Столыпина, произнесенные также в свое время депутатам Государственной Думы России век назад: «Мы все должны соединить усилия, свои обязанности и права для поддержания исторического, высшего права России — быть сильной».

Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) представила «Программу возрождения»¹, основная цель которой заключена в экономическом и духовном возрождении России. Программа КПРФ состоит из 10 разделов. Отметим лишь те позиции, которые связаны с обеспечением военной безопасности. Первый раздел программы компартии назван «Страна в руках народа».

¹ Коммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party/program> (дата обращения: 09.07.2017).

Для обеспечения военной безопасности КПРФ предложено проведение национализации, в том числе предприятий ВПК, что снизит зависимость России от иностранного капитала в оборонной сфере. В разделе программы, посвященном развитию села, выделена важность аспекта сложившейся нынешней ситуации с продовольствием, что сформировало опасность дополнительной угрозы национальной безопасности страны. В разделе «Сильная страна — безопасность жизни» КПРФ напоминает, что в предвыборной программе 2011 г. партия настаивала на проведении новой внешней политики в связи с тем, что кольцо военных баз НАТО вокруг России все крепче, все жестче уровень санкций и преследований наших соотечественников. Сегодня КПРФ считает необходимым сформировать авторитетное профессиональное правительство народного доверия, которое было бы способно укрепить национальную безопасность, упрочить позиции страны на мировой арене. Также партия призывает существенно повысить боеготовность вооруженных сил и авторитет воинской службы. Особое внимание, согласно данной программе, должно быть уделено информационно-технологической безопасности.

Учитывая то, что КПРФ является оппозиционной партией, необходимо заметить, что реализация ряда выдвинутых ею предложений проблематична, так как они вступают в явное противоречие с политикой действующей власти (например, в вопросе о национализации). Тем не менее к позиции второй по величине партии России власть не может не прислушиваться — ведь в этой программе содержится много рациональных предложений, которые можно использовать для укрепления государственности в целом и формирования эффективной сферы безопасности нашей страны в частности. Тем более опыт недавней истории показывает, что именно национализация некоторых отраслей промышленности помогла М. Тэтчер вывести Великобританию из структурного кризиса на рубеже 70–80-х гг. XX в. Кроме того, возвращение государственной собственности будет означать восстановление исторической справедливости, порушенной в результате грабительской приватизации, отбросившей страну в эпоху первоначального накопления капитала, «дикого капитализма».

Программа *Либерально-демократической партии России* (ЛДПР) содержит 21 раздел, построенный на 70 тезисах В.В. Жи-

риновского¹. В преамбуле к программе говорится, что ЛДПР стремится к улучшению жизни граждан России, укреплению ее позиций в мире.

Первая программа партии была подготовлена в 1989 г., но большинство положений — таких как сильное государство, сильная армия и патриотическое общество — остаются актуальными и сегодня. В ЛДПР считают, что ядерное оружие России на сегодня остается наиболее сильным аргументом и фактором, который сдерживает США и их союзников от потенциально возможного военно-силового передела мира.

Вопросы внешней политики и вопросы военной безопасности отражены в двух тезисах: «Братская Украина» и «Полыхающий Ближний Восток». Позиция ЛДПР по ситуации в Украине следующая: всем юго-восточным регионам Украины должен быть направлен «посыл» о готовности России рассматривать вопрос о союзнничестве или их вступлении в состав Российской Федерации в случае такого своего волеизъявления и по результатам итогов референдумов. При этом Россия, со своей стороны, должна получить гарантии невступления Украины в НАТО, в противном случае — начать подготовку к восстановлению своих военных баз за рубежом как необходимого компонента обеспечения своей государственной и национальной безопасности.

По ближневосточному вопросу говорится, что уже в 1993 г. лидером ЛДПР были подробно описаны все возможные сценарии развития кризисов на Ближнем Востоке. Партия отмечает, что нахождение наших войск в Сирии оправдано, и жалеет о том, что в связи с выводом войск из Вьетнама, Кореи, Мозамбика, Анголы, Афганистана, Кубы и Восточной Европы Россия утратила свое геополитическое влияние в этих регионах мира и, как следствие, геополитический вес на мировой политической арене.

По мнению ЛДПР, внешняя политика нашего государства должна быть направлена на то, чтобы Россия стала центром интеграции государств, заинтересованных в политическом равноправии Востока и Запада. Для этого необходимы: интеграция бывших республик СССР в единое унитарное государство, четко обозначенная и донесенная геополитическим оппонентам внешнеполити-

¹ Программа ЛДПР [Электронный ресурс]. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR (дата обращения: 09.07.2017).

ческая линия, готовность отстаивать интересы России всеми возможными средствами, планомерное создание военных союзов и военных баз между странами ШОС и БРИКС, как обоснованный противовес динамическому расширению блока НАТО.

Программа ЛДПР традиционно носит довольно радикальный характер, граничащий с агрессивностью. Однако значение ее состоит скорее в том, чтобы оттенять выверенную и взвешенную политику государства, выступая «глашатаем» активно настроенной части российского сообщества. Вместе с тем необходимо заметить, что активизация только тех усилий, которые направлены на формирование военно-оборонительного потенциала, не сможет в достаточной степени компенсировать слабости современной российской демократии. Необходимо развивать те силовые факторы, которые способны обеспечить России статус великой и суверенной державы. Существует острая необходимость модернизации и диверсификации экономической сферы, планомерного наращивания гуманитарных и иных факторов «мягкой силы», которые смогут обеспечить формирование базового фундамента обеспечения национальной безопасности нашего государства¹.

В программу партии «Справедливая Россия»² были включены раздел «Россия в глобальном мире» и отдельный подраздел «Национальная безопасность», который гласит, что надежную безопасность России могут обеспечить только высокоэффективные вооруженные силы, гарантирующие сохранение суверенитета и территориальной целостности страны. По мнению партии, для успешного решения оборонных задач вооруженные силы должны иметь высококвалифицированные кадры, рациональную структуру, сбалансированный боевой состав, надежную систему управления, современное вооружение и военную технику. В части, посвященной социальному обеспечению военнослужащих и членов их семей, «Справедливая Россия» предлагает: увеличение денежного довольствия, решение жилищных проблем и вопросов пенсионного обеспечения, улучшение системы медицинского обеспечения и социальной адаптации военнослужащих.

¹ Балашов А.И. Военный потенциал и экономические ограничения российской армии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2015. — № 34 (319). — С. 46–55.

² Программа партии «Справедливая Россия» [Электронный ресурс]. URL: http://www.spravedlivo.ru/1_83.html (дата обращения: 09.07.2017).

Согласно программе партии, необходимо поставить механизм распределения жилья под контроль ветеранских и общественных организаций военнослужащих запаса. Еще одна инициатива предусматривает налоговые льготы для малых и средних предприятий инновационного бизнеса, в которых работает не менее 50% военных пенсионеров. Уделено внимание обновлению материально-технической базы военно-медицинских учреждений, а также недопущению сокращений или реорганизаций лечебных заведений для военнослужащих. Все это должно положительным образом сказаться на повышении имиджа и статуса армии, что станет дополняющим и действенным звеном и эффектом в построении конструкции сильной и действенной обороноспособности нашей страны.

В подразделе «Военная инфраструктура и престиж Вооруженных Сил» «Справедливая Россия» декларирует положения, аналогичные тем, что изложены в Стратегии национальной безопасности и Военной доктрине Российской Федерации. В частности, это касается вопросов строительства вооруженных сил, внедрения современных методов и способов ведения вооруженной борьбы, совершенствования системы технического оснащения войск.

Единственная из парламентских партий, «Справедливая Россия» концептуально подошла к вопросу формирования базового потенциала национальной безопасности, предлагая развивать систему кадетских, суворовских и нахимовских училищ как надежного источника будущих военных кадров. В свое время лидер партии С.М. Миронов, будучи председателем Совета Федерации, по просьбе общероссийской общественной организации «Российское кадетское братство» взял на себя функции шефа-попечителя кадетских корпусов и училищ России. Это стало символическим действием, направленным на формирование фундамента возрождения воинской славы российского государства.

Вместе с тем весьма спорной представляется предложенная партией «Справедливая Россия» инициатива по созданию системы частных военных компаний, якобы способных защитить национальные интересы России (в том числе за ее пределами) без прямого участия государства, а также обеспечить дополнительную возможность сохранения боевых навыков и трудоустройства бывших военнослужащих с высоким уровнем профессиональной подготовки. Данная инициатива вызывает ряд вопросов и требует об-

ществленного обсуждения, ибо бизнес и патриотизм чаще всего несовместимы. Это предложение активно дискутируется вследствие актуализации проблематики *гибридных войн* и таких явлений, как *теории управляемого хаоса*, и эскалации использования такого геополитического инструмента, как *цветные революции*.

Еще одно направление программы партии посвящено оборонно-промышленному комплексу. Здесь представлены 5 тезисов относительно повышения качественных параметров вооруженных сил за счет ускоренного развертывания серийных поставок новейших образцов вооружений и военной техники, последовательного наращивания поступления современной военной техники в войска. В качестве приложения к предвыборной программе партии «Справедливая Россия» разработана программа «25 справедливых законов»¹, однако среди них нет конкретизированных законодательных инициатив в сфере обороны и безопасности государства. Единственная реально обозначенная инициатива связана с государственным пенсионным обеспечением военнослужащих в Российской Федерации. В ней предложено применение льготной нормы исчисления стажа: для участников боевых действий — год за три; для служащих в армии — год за два.

Таким образом, в программе каждой из парламентских партий можно найти рациональное зерно, выделить предложения и инициативы, которые могут быть использованы государством в деле обеспечения обороны и национальной безопасности. Так как, по меткому выражению Чарльза Мака, «подобные партии действуют “на краях” сложившейся системы, по сути предлагая альтернативные существующим “левую” и “правую” повестки дня»². Очевидно, что и Администрацией Президента, и Правительством Российской Федерации все представленные в прошедшей избирательной кампании партийные программы будут внимательно изучены, проанализированы и учтены при выработке совместных планов законодательной деятельности. В то же время нам представляется, что партии все еще уделяют вопросам безопасности недостаточно внимания, не считают их первостепенными в сегодняшних усло-

¹ 25 справедливых законов [Электронный ресурс]. URL: http://www.spravedlivo.ru/5_77509.html (дата обращения: 09.07.2017).

² Mack C.S. When political parties die: a cross-national analysis of disalignment and realignment. — Westport: Praeger, 2010. — P. 23.

виях, в то время как международная обстановка, складывающаяся вокруг России, становится все более напряженной и непредсказуемой.

В целом, деятельность Государственной Думы в вопросах обеспечения военной безопасности и бесперебойной работы соответствующих властных механизмов за последние годы стала носить все более декларативный и представительский характер. В эпоху противостояния цивилизаций в политической системе России неизмеримо выросло влияние главы государства, поэтому фактически вся работа Государственной Думы превратилась в процесс одобрения решений Президента. А в одобрении этом порой нет никакой необходимости, ибо судьбоносные решения принимаются Президентом вне зависимости от реакции лидеров думских фракций, которые ни в коей мере не представляют собой конструктивную оппозицию.

В условиях, когда либеральная демократия в нашей стране утратила свою былую привлекательность, а создание классического тоталитарного государства маловероятно, на первый план выходит авторитаризм как тип государственного устройства, объединяющий в себе сильные и привлекательные и исключаящий слабые и отвратительные черты тоталитаризма и демократии. Еще Платон рассуждал о несовершенстве и пагубности демократии как власти большинства, ибо подлинно хорошего в жизни мало, поэтому власть большинства не может быть хороша. Современный российский авторитаризм синтезирует в себе тоталитарную аристократию в лице национального лидера и элементы народовластия. Этот синтез покоится на фундаменте национальной идеи, провозглашенной лидером страны, т.е. на традиционном русском патриотизме. Каждый народ заслуживает ту власть, которую избрал и поддерживает.

Исходя из принципа разделения властей и разграничения полномочий, в соответствии со статьей 72 Конституции Российской Федерации вопросы обеспечения военной безопасности являются прерогативой федеральных органов власти. Вместе с тем в обеспечении военной безопасности участвуют и региональные органы власти. Законодательные органы субъекта Российской Федерации участвуют в обеспечении военной безопасности путем принятия нормативных правовых актов, действующих на их территории.

Эти акты направлены на реализацию федерального законодательства в области обеспечения военной безопасности.

Например, полномочиями Законодательного Собрания Санкт-Петербурга в сфере обеспечения военной безопасности являются: принятие законов по предметам совместного ведения Российской Федерации и Санкт-Петербурга, законов Санкт-Петербурга, отражающих в себе вопросы обеспечения военной безопасности; право законодательной инициативы вносить в Федеральное Собрание Российской Федерации законопроекты, в том числе и по вопросам военной безопасности¹.

В Законодательном Собрании Санкт-Петербурга не существует профильного комитета, занимающегося вопросами военной безопасности, но функционирует Постоянная комиссия по вопросам правопорядка и законности². В сфере обеспечения военной безопасности комиссия взаимодействует с территориальными структурами Вооруженных Сил Российской Федерации, другими войсками и воинскими формированиями.

Законодатели Санкт-Петербурга участвуют в процессе обеспечения военной безопасности путем принятия региональных законов, направленных на реализацию федеральных. Например, закон Санкт-Петербурга «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Санкт-Петербурге»³, закон Санкт-Петербурга «О некоторых вопросах организации мобилизационной подготовки и мобилизации в Санкт-Петербурге»⁴ в той или иной мере обеспечивают региональный сегмент в общем военно-политическом механизме обеспечения военной безопасности российского государства.

¹ Устав Санкт-Петербурга. Принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 14 января 1998 г.

² Постановление Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 14 апреля 1999 г. № 78 «О структуре Законодательного Собрания Санкт-Петербурга».

³ Закон Санкт-Петербурга от 20 октября 2005 г. № 514-76 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Санкт-Петербурге».

⁴ Закон Санкт-Петербурга от 13 декабря 2007 г. № 625-122 «О некоторых вопросах организации мобилизационной подготовки и мобилизации в Санкт-Петербурге».

Непосредственная организация обеспечения функционирования механизма военной безопасности возложена на исполнительные органы власти, деятельность которых координируется Правительством Российской Федерации. Любое правительство является высшим коллегиальным исполнительным органом государственной власти, куда входят высшие чиновники страны. Властный механизм федеральной исполнительной власти Российской Федерации в системе обеспечения военной безопасности участвует в выполнении ряда важнейших задач. Таких как:

1) материально-техническое обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации, иных родов войск и воинских формирований; а также силовых министерств и ведомств (все виды вооружения, техника, боеприпасы, топливо, продовольствие, инженерное, медицинское обслуживание и т.д.);

2) подготовка, создание и реализация государственных программ по вооружению и модернизации оборонного промышленного комплекса, а также подготовка предложений по их финансированию из государственного бюджета;

3) организация и контроль выполнения мероприятий по мобилизационной подготовке всеми федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, прочих предприятий, организаций и учреждений;

4) установление мобилизационного задания федеральным органам исполнительной власти, организация работы по пополнению и хранению запасов государственного и мобилизационного резервов;

5) осуществление контроля за работой по проблемам обороны в подвластных ему органах исполнительной власти, проверка готовности предприятий к исполнению государственного оборонного заказа по производству продукции в военное время¹.

Основными институтами власти, обеспечивающими военную безопасность, традиционно считаются Министерство обороны, Федеральная служба войск национальной гвардии, Федеральная служба безопасности, Федеральная служба охраны, Служба внешней разведки, Министерство Российской Федерации по делам гра-

¹ Федеральный конст. закон от 14 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».

жданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Главное управление специальных программ.

Министерство обороны Российской Федерации в сфере обеспечения военной безопасности выполняет следующие задачи: 1) вырабатывает и проводит государственную политику в области обороны государства; 2) координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации по вопросам обороны; 3) координирует деятельность войск, воинских формирований и органов по выполнению задач в области обороны; 4) поддерживает в необходимой готовности Вооруженные Силы и применяет их в установленном законодательством порядке¹.

5 апреля 2016 г. Президент России В.В. Путин сообщил, что принял решение о создании на базе внутренних войск МВД России Национальной гвардии. При этом В.В. Путин заявил: «Мы активно обсуждали вопросы, связанные с совершенствованием работы правоохранительных органов и силовой их составляющей, и рассуждали, думали о том, как нам улучшить работу по всем направлениям. Решения приняты. Мы создаем новый федеральный орган исполнительной власти на базе внутренних войск МВД — создаем Национальную гвардию...»².

Позже, в ходе «прямой линии» 14 апреля 2016 г., Президент России подчеркнул, что немаловажным фактором для принятия такого решения стала необходимость снижения затрат на содержание различных служб за счет оптимизации структур, прежде всего управленческого и штабного назначения³.

Таким образом, назрели все необходимые основания для создания Национальной гвардии. В первую очередь это необходимость повышения эффективности использования имеющихся ресурсов внутренних войск МВД и ряда других подразделений в сфере

¹ Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации».

² Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51643> (дата обращения: 20.04.2017).

³ Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51716> (дата обращения: 20.04.2016).

борьбы с терроризмом и экстремизмом, территориальной обороны, охраны государственной границы. Во-вторых, подчинение новой структуры исполнительной власти непосредственно Верховному Главнокомандующему, что повышает оперативность реагирования на возникающие угрозы. В-третьих, передача внутренних войск в структуру Национальной гвардии затрагивает и те подразделения, которые до настоящего времени существовали де-факто в автономном режиме (например, некоторые силовые структуры на территории Чеченской Республики).

В этот же день вышел Указ Президента «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации»¹. Специалисты отмечают, что идея создания подобной структуры обсуждалась в течение нескольких лет. Изначально предполагалось, что у Национальной гвардии будут прежде всего охранительные функции — предотвращение и ликвидация массовых беспорядков². Но в итоге функции новой структуры значительно расширены.

Интересно сравнить их с функциями аналогичных служб в других странах. Например, Национальная гвардия США рассматривается как резерв вооруженных сил и часто задействуется в военных операциях (за последние годы — в Афганистане и Ираке). Организационно подчиняясь командующему сухопутными силами армии США³, она также выступает в роли силовой структуры при подавлении беспорядков, ликвидации последствий стихийных бедствий.

Можно провести определенные аналогии и с Корпусом Стражей Исламской Революции (КСИР) в Иране, который иногда называют «революционной гвардией». Формируется он, в отличие от армейских структур этого государства, на добровольной основе, но при этом имеет солидную материальную базу, большую численность личного состава и широкий спектр задач, связанных с

¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации».

² Армия Золотова: зачем и каким образом создается Национальная гвардия // РосБизнесКонсалтинг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/05/04/2016/5703ed1d9a794798356bbca1> (дата обращения: 20.04.2017).

³ Козичев Е., Малаев М., Шелковников Д. Что нужно знать про национальную гвардию // Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2956897> (дата обращения: 20.04.2016).

распространением идеологии исламской революции и борьбы с внутренними и внешними противниками¹. В частности, подразделения КСИР активно участвуют в боевых действиях на территории Сирии².

Существуют национальные гвардии и в ряде стран постсоветского пространства. Так, в Казахстане данная структура находится в подчинении МВД и выполняет функции, схожие с теми, что выполняли ранее существовавшие подразделения внутренних войск: охрана общественного порядка, сопровождение грузов, помощь пограничникам, участие в спецоперациях других силовых структур, конвоирование осужденных и т.д. Схожие функции выполняет национальная гвардия в некоторых других странах СНГ, например в Киргизии. А в таких государствах, как Азербайджан, Грузия, Таджикистан, Нацгвардия в основном занята охраной глав государств и высших должностных лиц³.

Наконец, на Украине созданная в 2014 г. Национальная гвардия появилась в результате слияния внутренних войск МВД и «сил самообороны Майдана». Призванная выполнять преимущественно функции обеспечения внутренней безопасности и правопорядка⁴, фактически она принимала активное участие в боевых действиях на востоке Украины.

Таким образом, национальные гвардии (или аналогичные формирования) тех стран, где они существуют, выполняют весьма разнообразные функции во внутренней и внешней политике. Сам термин *гвардия* указывает на стремление отобрать лучших пред-

¹ Сумбатян Ю. Воины «мировой исламской революции» [Электронный ресурс]. URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=7177 (дата обращения: 20.04.2017).

² В Сирии погибли два иранских генерала // Лента.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2015/10/14/iranians> (дата обращения: 20.04.2017).

³ Армия Золотова: зачем и каким образом создается национальная гвардия // РосБизнесКонсалтинг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/05/04/2016/5703ed1d9a794798356bbca1> (дата обращения: 20.04.2017).

⁴ Верховная рада проголосовала за воссоздание Национальной гвардии Украины // РосБизнесКонсалтинг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/fnews.open/20140313141313.shtml> (дата обращения: 20.04.2017).

ставителей общества для решения поставленных задач и в то же время — на определенную обособленность от армейских структур. Но прямого аналога (по задачам и полномочиям) Национальной гвардии, созданной в Российской Федерации, в других странах нет.

Основной целью создания Российской национальной гвардии являются обеспечение государственной и общественной безопасности, защита прав и свобод человека и гражданина. Руководство войсками Национальной гвардии осуществляет Президент Российской Федерации, который определяет задачи органов управления, утверждает структуру и состав войск, штатную численность военнослужащих и гражданских служащих. Непосредственное управление осуществляет директор Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации — главнокомандующий войсками национальной гвардии. По должности он является членом Совета Безопасности России.

На новый орган исполнительной власти также возлагается решение основных задач, касающихся обеспечения военной безопасности: участие в территориальной обороне Российской Федерации, оказание содействия пограничным органам ФСБ России в охране государственной границы. К полномочиям Национальной гвардии в области обеспечения военной безопасности относится участие в обеспечении режима военного положения и режима чрезвычайного положения, проведения мероприятий военного времени, гражданской обороны в условиях военного времени, а также участие в совместных действиях с вооруженными силами, воинскими формированиями и органами по обеспечению обороны Российской Федерации, деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности. Следует отметить, что задачи какой-либо структуры определяют основные направления ее деятельности, тогда как полномочия — возможности для реализации поставленных задач.

Непосредственное влияние нового института на обеспечение военной безопасности, на наш взгляд, возможно в силу следующих обстоятельств: Национальная гвардия может выступать инструментом обеспечения антитеррористических операций широкого масштаба на территории Российской Федерации против организаций мирового терроризма; Национальная гвардия или ее отдельные подразделения могут быть использованы при проведении внешних операций; в условиях распространения гибридных форм

ведения военных действий Национальная гвардия может рассматриваться как структура, противодействующая враждебным акциям на территории Российской Федерации — попыткам бунтов, вооруженного сопротивления законным властям, разжигания масштабных межэтнических конфликтов и др.

В Федеральной службе безопасности Российской Федерации вопросами обеспечения военной безопасности занимаются органы военной контрразведки и пограничная служба¹. Органы военной контрразведки выявляют, предупреждают и пресекают разведывательно-подрывную деятельность иностранных спецслужб и организаций против Российской Федерации, ее вооруженных сил и иных воинских формирований; добывают разведывательную информацию об угрозах безопасности России, ее вооруженных сил, а также ограждают от диверсионных и террористических актов и др.²

Пограничная служба защищает и охраняет государственную границу в целях недопущения противоправного изменения ее прохождения; охрану внутренних морских вод, территориального моря, исключительной экономической зоны, континентального шельфа. В случае агрессии свои задачи в обеспечении военной безопасности пограничная служба реализует через войсковую, разведывательную, оперативно-розыскную, режимно-пропускную деятельность³.

Федеральная служба охраны Российской Федерации в области обеспечения военной безопасности разрабатывает и осуществляет специальные мероприятия по обеспечению безопасности Президента Российской Федерации, Председателя Правительства Российской Федерации, глав палат парламента, руководителей высших судебных инстанций и других объектов государственной охраны в военное время; обеспечивает функционирование ситуационных центров Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, Совета Безопасности Российской Федерации; участвует в проведении мероприятий по обеспечению готов-

¹ Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности».

² Приказ Федеральной службы безопасности России от 18 сентября 2008 г. № 464 «Об утверждении Регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации».

³ Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

ности пунктов управления государством и Вооруженными Силами Российской Федерации в части, касающейся специальной связи¹.

Служба внешней разведки Российской Федерации призвана защищать безопасность личности, общества и государства от внешних угроз. Внешняя разведка России осуществляется в целях обеспечения Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, Федерального Собрания, Правительства России информацией, необходимой для принятия решений, в том числе в политической и военно-стратегической сфере².

Во исполнение решения Президента Российской Федерации от 4 января 2009 г. в Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий были реорганизованы войска гражданской обороны в спасательные воинские формирования³. В случае военного положения спасательные воинские формирования участвуют в проведении аварийно-спасательных и других неотложных работ; организуют мероприятия по эвакуации населения, материальных и культурных ценностей из очагов поражения; ликвидируют последствия применения противником оружия массового поражения; выполняют отдельные мероприятия территориальной обороны и обеспечивают режим военного положения⁴.

В области обеспечения военной безопасности Главное управление специальных программ Президента Российской Федерации разрабатывает мероприятия по обеспечению перевода государственных органов на работу в условиях военного времени; поддерживает пункты управления государством в готовности к использованию по назначению в военное время; обеспечивает жизнедеятельность, функционирование и безопасность должностных лиц федеральных органов государственной власти в военное вре-

¹ Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране».

² Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке».

³ Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 868 «Вопросы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий».

⁴ Федеральный закон от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне».

мя; привлекается для выполнения отдельных задач в области обороны Российской Федерации¹.

Для координирования и решения самых разных задач, относящихся к обороне страны, создан Национальный центр управления обороной Российской Федерации². 1 декабря 2014 г. Центр начал свою работу. Он предназначен для обеспечения централизованного боевого управления Вооруженными Силами Российской Федерации; обеспечения управления повседневной деятельностью Воздушно-космических сил и Военно-Морского флота; сбора, обобщения и анализа информации по военно-политической обстановке в мире, на стратегических направлениях и по общественно-политической обстановке в Российской Федерации в мирное и военное время.

Центр призван решить следующие задачи: 1) поддержание системы централизованного боевого управления Вооруженными Силами Российской Федерации в готовности к боевому применению и контроль состояния Вооруженных Сил, группировок войск (сил) на стратегических направлениях; 2) выполнение основных задач боевого дежурства; 3) обеспечение руководства Министерства обороны информацией по военно-политической обстановке в мире, общественно-политической обстановке в Российской Федерации и состоянию Вооруженных Сил; 4) информационное обеспечение работы руководящих должностных лиц государства и Министерства обороны при проведении мероприятий в ситуационном центре Министерства обороны; 5) обеспечение управления, координация и контроль полетов и перелетов авиации Вооруженных Сил; 6) обеспечение управления, координация и контроль выполнения силами (войсками) ВМФ задач боевой службы и боевого дежурства, участия в международных операциях и специальных мероприятиях, международно-правовое сопровождение действий сил (войск) ВМФ. Информационная платформа Центра объединяет в единую систему 73 федеральных органа исполнительной власти,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 сентября 2004 г. № 1146 «Вопросы Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации».

² *Гаврилов Ю.* Национальный центр управления обороной РФ введут в строй 1 декабря // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2014/08/21/centr-site-anons.html> (дата обращения: 12.07.2017).

органы власти всех субъектов Российской Федерации, 1320 государственных корпораций и предприятий оборонно-промышленного комплекса России¹.

Решение о создании данного органа непосредственно принимал Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации в 2013 г. Основной целью является совершенствование системы централизованного управления силами и средствами, обеспечивающими оборону государства. Речь идет о создании такого механизма, который в круглосуточном режиме должен обеспечить боевую готовность сил и средств обеспечения военной безопасности и способность к решению стоящих перед Министерством обороны России задач, а также, параллельно, выполнение гособоронзаказа, материально-техническое, кадровое, медицинское, жилищное обеспечение.

От Центрального командного пункта Генерального штаба данная структура отличается рядом новшеств. Во-первых, основным содержанием деятельности Центрального командного пункта было отслеживание изменений военно-политической обстановки в мире, а также контроль состояния специальных видов оружия. Сбор и анализ информации по различным направлениям деятельности в сфере обеспечения военной безопасности возлагались на руководителей нескольких органов военного управления. Такая организация деятельности перестала удовлетворять требованиям по информационному обеспечению руководства Министерства обороны России: информация — телеграммы, донесения, сводки и пр. — представлялась в виде письменных документов и с низкой периодичностью. В связи с тем, что информация меняется скоротечно во всех сферах деятельности по обеспечению военной безопасности (а это и военно-политическая обстановка, разработка и поставка вооружений, материально-техническое обеспечение и прочее), актуальным стал вопрос о создании единого органа, который мог бы обрабатывать информационные потоки в реальном масштабе времени.

Основу Национального центра управления обороной составляет Центр боевого управления. Его главная задача — оперативная ко-

¹ Национальный центр управления обороной Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://structure.mil.ru/structure/ministry_of_defence/details.htm?id=11206@egOrganization (дата обращения: 22.08.2017).

ординация деятельности органов военного управления и федеральных органов исполнительной власти на всех уровнях — начиная от федерального и заканчивая местным. К задачам Центра относятся также анализ обстановки и подготовка предложений руководству, непрерывный мониторинг сил и средств обороны страны. Из открытых источников также известно, что с помощью соответствующего программно-аппаратного комплекса создано единое информационное пространство, в рамках которого объединены информационные ресурсы всех министерств и ведомств, что по замыслу создателей Национального центра позволит более оперативно осуществлять межведомственное взаимодействие, незамедлительно готовить предложения для принятия решений руководством на всех уровнях¹.

Тем не менее, как видно из имеющейся в открытом доступе информации, данный Центр призван решать прежде всего вопросы обороны страны, но не обеспечения ее военной безопасности, т.е. не предотвращения возможной агрессии в отношении Российской Федерации, а лишь незамедлительной и эффективной реакции на возможную агрессию. Оборона и нападение диалектически связаны, но в реальной практике часто взаимно исключают друг друга. Сильная оборона страны, ее явные и скрытые потенции удержат от нападения потенциального врага. Конечно, сам факт создания такой структуры будет служить сдерживающим фактором для возможного агрессора, но, как представляется, фактор этот хоть и существенный, но не решающий. Поэтому так важна в эпоху противостояния цивилизаций военная безопасность страны, которая должна гармонично вместе с другими структурными элементами составлять единую систему безопасности страны.

Мы же считаем, что с учетом обозначенного нами в первой главе подхода к трактовке понятия «военная безопасность» как *ситуации, при которой исключается начало войны и военных действий в отношении Российской Федерации*, и существенном изменении характера современных войн и применяемых при этом средств (в первую очередь средств ведения информационных войн), приоритет среди институтов государства, участвующих в обеспечении

¹ Баранец В. Что такое «Национальный центр управления обороной России» и зачем он создан? // Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/daily/26302/3181011> (дата обращения: 22.08.2017).

военной безопасности, следует отдать Министерству иностранных дел России¹. Эта организация является инструментом выстраивания отношений с другими государствами, которые, в свою очередь, и определяют наличие либо отсутствие вероятности военной агрессии.

Именно МИД России в эпоху противостояния цивилизаций обязан сделать все, чтобы предотвратить эскалацию геополитической напряженности и не допустить втягивания Российской Федерации в конфликт. В этом направлении многое делается, но порой некоторые сотрудники МИДа демонстрируют эпатажное поведение, не способствующее сглаживанию острых углов в международной обстановке. Показательна в этом отношении фигура М.В. Захаровой, официального представителя Министерства иностранных дел Российской Федерации. Некоторые ее высказывания могут быть оценены как оскорбительные и провокационные со стороны зарубежных государств, хотя и вызваны, как правило, аналогичными антироссийскими высказываниями представителей западных стран.

Немецкий журналист Андре Баллин считает, что «просторечный и зачастую нарочито приниженно-оскорбительный тон, выбранный Марией Захаровой по отношению к зарубежным партнерам нашей страны, отнюдь не способствует созданию позитивного образа России»². На наш взгляд, политического эпатажа было слишком много именно со стороны Министерства иностранных дел нашей страны в освещении таких жгучих проблем внешней политики, как войны в Сирии и в Украине и присоединение Крыма. Видимо, эти жгучие и неоднозначные для мировой общественности вопросы следовало бы освещать более разумно и взвешенно.

В обеспечении военной безопасности участвуют и исполнительные органы государственной власти субъектов Федерации. Они осуществляют это путем исполнения законодательства в сфере военной безопасности. Ими выполняются договорные обязательства по оборонному заказу для нужд силовых министерств и ведомств. Совершенствуется военная инфраструктура региона, проводится комплекс мероприятий по гражданской и территори-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 г. № 865 «Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации».

² *André Ballin*. Russland schaltet auf Pöbel-Modus // Handelsblatt. — 2017. — Der 13. April.

альной обороне. Организациями и предприятиями региона исполняются военно-транспортные обязанности. Осуществляется воинский учет граждан, подлежащих призыву на военную службу, а также пребывающих в запасе. Оказывается содействие в развитии организаций, направленных на укрепление военной безопасности страны и военно-патриотического воспитания населения региона¹.

Контуры региональной политики в сфере обеспечения военной безопасности становятся явными, прежде всего в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации. Например, в пункте 2 статьи 11 Устава Санкт-Петербурга определены предметы совместного ведения Российской Федерации и Санкт-Петербурга. Это обеспечение законности, правопорядка, безопасности, владение и распоряжение землей².

Органы государственной власти субъектов Федерации в пределах своей компетенции участвуют в рассмотрении предложений о дислокации соединений и воинских частей вооруженных сил, других войск, воинских формирований на территории субъектов Российской Федерации. Размещение воинских частей осуществляется в соответствии с задачами обороны.

На основании Указа Президента России «О военно-административном делении Российской Федерации» земли, на которых осуществляется дислокация соединений и воинских частей с учетом специальных задач, для решения которых они используются, по своему целевому назначению относятся к такой категории, как земли обороны и безопасности³. Во время военного положения органы исполнительной власти издадут правовые акты, обязательные для исполнения органами местного самоуправления, организациями и их должностными лицами, а также гражданами⁴.

На региональном уровне формируются не только законодательная база региональной политики в области обеспечения военной безопасности, но и механизмы ее реализации в виде создания системы органов в структуре администраций. Например, в Админист-

¹ Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

² Устав Санкт-Петербурга. Принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 14 января 1998 г.

³ Указ Президента Российской Федерации от 20 сентября 2010 г. № 1144 «О военно-административном делении Российской Федерации».

⁴ Федеральный конст. закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении».

рации губернатора Санкт-Петербурга функционирует Мобилизационное управление, которое разрабатывает нормативные акты, регламентирующие деятельность органов власти города и организаций в условиях мирного времени и военного положения; взаимодействует с территориальными органами военного управления и федеральными органами исполнительной власти; проводит тренировки и учения по переводу на работу в режиме военного положения; организует мероприятия по обеспечению призыва граждан и поставки техники по мобилизации, по вопросам обороны государства, обеспечения правопорядка, по подготовке специальных формирований, передаваемых в силовые министерства и ведомства¹.

К обеспечению военной безопасности мы относим и деятельность Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности². В задачах Комитета в сфере военной безопасности указано, что он обеспечивает взаимодействие исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга с органами военного управления и иными органами и организациями по вопросам обеспечения безопасности на территории Санкт-Петербурга. В Санкт-Петербурге находятся Главный штаб Военно-Морского флота Российской Федерации, командование Западного военного округа, Северо-Западный округ войск национальной гвардии Российской Федерации, Пограничное управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Служба охраны по Северо-Западному федеральному округу ФСО России и др.

Обеспечение военной безопасности отнесено и к полномочиям местного самоуправления. Эти полномочия реализуются в пределах подведомственной территории и в тесном взаимодействии с органами военного управления. Органы местного самоуправления обеспечивают на своей территории соблюдение и исполнение законодательных и других правовых актов в области обороны, решают вопросы социально-правовой защиты военнослужащих, лиц,

¹ Приказ Администрации Губернатора Санкт-Петербурга от 29 декабря 2003 г. № 61-пв «О Мобилизационном управлении Администрации Губернатора Санкт-Петербурга».

² Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 23 января 2008 г. № 46 «О мерах по совершенствованию системы гражданской обороны, защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций и обеспечения пожарной безопасности в Санкт-Петербурге».

уволенных с военной службы, членов их семей (к примеру, обеспечивают жильем, содействуют в трудоустройстве, устанавливают дополнительные льготы и т.д.)¹.

Свой вклад в обеспечение военной безопасности призвана вносить и судебная система, которая, согласно принципу разделения властей, рассматривается как институт, выступающий в качестве посредника между законодательной и исполнительной властями².

Высшими судебными органами, воплощающими в жизнь государственную власть в России, являются Конституционный и Верховный суды. Конституция Российской Федерации и Федеральный закон «Об обороне» закрепляют полномочия высших органов государственной власти государства в области обороны, но не наделяют высшие судебные органы страны полномочиями в области военной безопасности. Несомненно, это снижает их значение в обеспечении равновесия властей и в итоге не в полной мере соответствует принципам разделения властей.

Конституционному Суду России принадлежит особое место среди судебных органов Российской Федерации в разрешении проблем военной безопасности³. В структуре конституционного контроля в государстве Конституционный Суд располагается на высшей ступени иерархии, он не находится под надзором каких-либо других инстанций. Постановления его обязательны для всех других высших государственных структур. При проведении судебных разбирательств Конституционный Суд согласуется только с Конституцией страны. Властный механизм Конституционного Суда России заключается в судебном контроле за соответствием законов, нормативных актов главы государства, Федерального Собрания, Правительства России, в том числе и в вопросах обеспечения военной безопасности Конституции России⁴.

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

² Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

³ Федеральный конст. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 1992 г. № 1-П «О проверке конституционности Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 г.»; «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР»; Постановление Конституцион-

Специфика работы конституционного правосудия заключается в том, что основанием для обращения в Конституционный Суд России с личным или коллективным прошением обладают все жители государства, в отношении которых были совершены противозаконные действия, в том числе и граждане, состоящие на военной службе или уволенные с нее, а также их близкие, и те группы людей, которые способны оказать влияние на обеспечение военной безопасности.

Верховный Суд Российской Федерации на основании статьи 126 Конституции России выполняет функции высшего судебного органа по спорным вопросам в экономической сфере, гражданским, административным, уголовным делам, подсудным судам, а также иным делам.

На основании статьи 10 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» в состав Верховного Суда Российской Федерации входит Военная коллегия, которая является высшей судебной инстанцией над окружными (флотскими) военными судами¹. Также Военная коллегия выполняет функции апелляционной инстанции, может разбирать дела, выражающие несогласие с решениями окружных (флотских) судов, которые были приняты в первой инстанции и еще не вступили в силу. Помимо прочего, Военная коллегия занимается рассмотрением дел по протестам на решения военных судов, которые уже вступили в законную силу. С решениями и постановлениями по гражданским и уголовным делам можно ознакомиться в информационном бюллетене, который издается Военной коллегией. В нем также публикуются судебная практика, аналитическая и статистическая информация о работе военных судов и иные материалы.

К сожалению, современные экономические разногласия в управленческих кругах могут затрагивать и обороноспособность страны. Они могут оказывать негативное воздействие на все виды войск и воинских формирований, органы военного управления, оборонно-промышленные предприятия. Можно констатировать,

ного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 г. «О проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 21337 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”».

¹ Федеральный конст. закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации».

что Верховный Суд Российской Федерации при осуществлении своих полномочий оказывает первостепенное влияние на урегулирование вопросов именно на правовой основе, которые возникают в данной области.

Мы подробно рассмотрели структуру властного механизма обеспечения военной безопасности в части, конституированной российским законодательством. Но, как мы отмечали ранее, одной из важных составляющих обеспечения военной безопасности страны является участие в этой деятельности гражданского общества.

Возможность участия гражданского общества в политике обеспечения военной безопасности уже давно обсуждается учеными, политиками, военными экспертами, но на сегодняшний день единства мнений на этот счет не существует, что объясняется, с одной стороны, все еще недостаточной развитостью институтов гражданского общества в нашей стране, с другой — деликатностью самой темы. Кроме того, такая деятельность сталкивается с рядом препятствий, начиная с исторически сложившейся закрытости государственных структур и заканчивая ограничениями законодательства в этой сфере¹. В эпоху противостояния цивилизаций деятельность институтов гражданского общества властные структуры часто принимают за оппозиционные и даже деструктивные действия.

К ключевой функции гражданского общества во всех сферах деятельности традиционно относят гражданский контроль. Субъектами такого контроля являются граждане и общественные организации, а основными объектами — органы, участвующие в обеспечении военной безопасности.

¹ *Баранов С.В.* Гражданский контроль силовых структур // Научно-аналитический журнал «Обозреватель — Observer». — 2007. — № 8. — С. 51–55; *Гацко М.Ф.* Гражданский контроль над Вооруженными силами РФ // Научно-аналитический журнал «Обозреватель — Observer». — 2007. — № 1. — С. 14–21; *Давтян Д.В.* Гражданский контроль как механизм обратной связи в процессе взаимодействия власти и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 7-2. — С. 52–54; *Нисневич Ю.А.* Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции: проблемы реализации в России // Полис. — 2011. — № 1. — С. 165–176.

Стоит отметить, что в России неблагоприятные тенденции в политической, экономической, социальной и военной сферах не позволяют организовать эффективный контроль со стороны гражданского общества¹. В политической сфере такому контролю препятствует закрытость силовых структур. В экономической сфере имеются злоупотребления в использовании бюджетных средств, в том числе хищение военного имущества; довольно широко развита и коррупционная составляющая. В социальной сфере этому способствуют случаи нарушения прав и свобод граждан, их социальная незащищенность перед лицом всемогущих «силовики». В военной сфере наблюдается явное падение уровня развития военной науки.

Одной из основных причин слабого влияния гражданского общества на обеспечение военной безопасности следует признать то, что подавляющее большинство граждан России больше волнуют проблемы, связанные с реформой образования, пенсионной системы, ЖКХ². Что же касается вопросов военной политики, то тут российские граждане традиционно привыкли доверять государству. Их беспокоят в основном социальные вопросы, связанные с деятельностью военных ведомств, такие как обеспечение военнослужащих жильем, выплаты пострадавшим в «горячих точках», а также по-прежнему все, что связано с призывом на срочную военную службу.

Например, в конце декабря 2017 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения провел исследования о знании и оценках работы различных государственных органов и ведомств, в том числе тех, которые участвуют в обеспечении военной безопасности.

Инициативный всероссийский опрос был проведен методом телефонного интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом

¹ Гордиенко Д.В. Военно-экономическая безопасность государства (аналитический доклад) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.csef.ru/files/csef/articles/2242/2242.pdf> (дата обращения: 22.08.2017).

² Общество, власть и аналитика. Сборник статей и докладов (по материалам общественных слушаний Комиссии Общественной палаты Российской Федерации) по проблемам национальной безопасности и социально-экономическим условиям жизни военнослужащих, членов их семей и ветеранов / под общ. ред. А.Н. Каньшина. — М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2013. — С. 92.

1800 респондентов. Лучше всего граждане Российской Федерации знают и интересуются деятельностью Министерства обороны России (30%), МЧС России (27%), хуже всего — Росгвардией (11%), ФСО России (8%), СВР России (7%)¹.

Тем не менее в ряде органов военного управления некоторые меры гражданского контроля все же реализуются. Так, в Министерстве обороны для своевременного, полного и достоверного информирования органов государственной власти и общества о деятельности вооруженных сил предусмотрены регулярные встречи с представителями средств массовой информации, личным составом военнослужащих министерства и членов их семей.

Для учета общественного мнения создан Общественный совет при Министерстве обороны России призванный привлекать граждан и общественные объединения к формированию и реализации государственной политики в области обороны, выдвижению и поддержке гражданских инициатив в этой сфере, проведению общественной экспертизы проектов федеральных законов, разрабатываемых Министерством, осуществлению общественного контроля деятельности Министерства². Особое внимание уделяется вопросам правовой и социальной защиты военнослужащих, гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Первым председателем Общественного совета был избран кинорежиссер Никита Михалков, а его заместителем — главный редактор «Литературной газеты» писатель Юрий Поляков, прославившийся в перестроечные времена повестью о дедовщине «Сто дней до приказа». В настоящий момент Общественный совет возглавляет Павел Гусев, являющийся главным редактором газеты «Московский комсомолец» и президентом Союза журналистов Москвы.

В Общественный совет вошли более 50 человек, среди которых можно найти представителей политической, духовной, культурной и деловой элит России. В составе Общественного совета восемь

¹ Пресс-выпуск № 3543. Рейтинги силовых ведомств // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116614> (дата обращения: 30.12.2017).

² Приказ Министра обороны Российской Федерации от 6 ноября 2013 г. № 795 «Вопросы Общественного совета при Министерстве обороны Российской Федерации».

комиссий: по патриотическому воспитанию и сохранению исторического наследия; по культурно-шефской работе и межнациональным отношениям; по комплектованию войск военнослужащими по призыву и по контракту; по обеспечению правопорядка и воинской дисциплины; по военному строительству и научным исследованиям в сфере безопасности; по спортивно-массовой работе и сохранению здоровья военнослужащих; по информационному сопровождению деятельности вооруженных сил; по повышению общественного статуса и социальной защищенности военнослужащих и гражданского персонала.

Основополагающими видами деятельности Общественного совета являются пленарные заседания совета, заседания комиссий. Но решения, принятые Советом, безусловно, носят рекомендательный характер.

Аналогичная система контроля функционирует и в органах государственной безопасности. Для конструктивного взаимодействия между обществом и спецслужбой в 2007 г. создан Общественный совет при ФСБ России состоящий из 14 общественных деятелей. Приоритетными направлениями деятельности Совета являются: укрепление доверия граждан России к органам государственной безопасности, осуществление общественного контроля за работой Службы в части, касающейся соблюдения конституционных прав и свобод граждан России¹.

Совет ведет активную работу. Например, 3 апреля 2017 г. представители ФСБ России проинформировали членов Общественного совета о разработанном проекте федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Была отмечена важность создания правовой и организационной основы, направленной на предупреждение компьютерных инцидентов и атак на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации. Члены Совета пришли к решению оказать информационную поддержку законопроекту в период его рассмотрения Федеральным Собранием.

Органами Общественного совета при ФСБ являются постоянно действующие рабочие группы (по вопросам выработки рекомен-

¹ Приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 12 мая 2007. г. № 215 «Положение об Общественном совете при ФСБ России».

даций по проведению общественной экспертизы, по информационной политике, по рассмотрению обращений граждан). Важным направлением деятельности Общественного совета является проведение открытых мероприятий, призванных содействовать максимально широкому подключению институтов гражданского общества к решению острых проблем в сфере обеспечения военной безопасности. Совет выпускает журнал «ФСБ. ЗА и ПРОТИВ»¹, который является площадкой для свободного обсуждения различных тем обеспечения безопасности государства.

При Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий² тоже создан и функционирует Общественный совет, насчитывающий 30 деятелей культуры, образования и спорта. Формой реализации гражданского контроля здесь выступают различные комиссии: по проведению общественной экспертизы, по реализации мер правовой и социальной защиты личного состава МЧС России и членов их семей, по укреплению правопорядка и воинской дисциплины.

В настоящее время в трех из семи силовых министерств и ведомств, участвующих непосредственно в обеспечении военной безопасности, функционируют общественные советы. До сих пор не созданы они в ФСО, СВР, ФСВНГ, ГУСП. Можно предположить, что отсутствие в указанных структурах общественных советов связано с повышенной секретностью в их деятельности и альтернативой общественным советам выступают ветеранские общественные организации из числа бывших сотрудников этих подразделений.

Вполне резонно возникает вопрос об эффективности и целесообразности деятельности всех этих советов и комиссий, которые фактически не в состоянии реально влиять на ситуацию.

Общественной палатой Российской Федерации разработана методика получения объективной оценки эффективности деятельно-

¹ Журнал «ФСБ: За и против» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osfsb.ru/press-center/m/default.aspx> (дата обращения: 21.08.2017).

² Приказ Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 31 октября 2006 г. № 626 «Положение об Общественном совете».

сти Общественных советов¹. Это комплексная характеристика на основе математического метода и метода экспертных оценок, включающая в себя ряд различных аспектов (количественных и качественных). Так, к критериям оценки эффективности относятся: процедура формирования Общественного совета; формат заседаний; соответствие принципам открытости, гласности и отчетности; своевременность представления информации о работе данного совета в Общественную палату России и т.д. При этом указанная методика практически никак не учитывает результаты работы совета. Там нет, например, такого показателя, как количество предложений Совета, принятых к исполнению, или рассмотренных руководящими органами ведомства, и т.п.

На основе Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти были проведены исследования официальных сайтов органов власти, посвященные деятельности общественных советов². Интернет-ресурсы оценивались по ряду параметров, в том числе информация о персональном составе советов и их ротации; информация о деятельности, уровень реализации используемых механизмов вовлечения населения в принятие решений и т.д. Из 73 органов исполнительной власти 13-е место в рейтинге у МЧС России (открытость 35,79%), 22-е место — ФСБ России (20,67%), 27-е место — Министерство обороны России (17,53%)³.

Стоит согласиться с мнением экспертов⁴, что в большинстве своем Общественные советы исполняют больше декоративную функцию, нежели решают задачу обратной связи между обществом и властью. Засилье в советах и комиссиях актеров, спортсме-

¹ Методика определения рейтинговой оценки Общественной палатой Российской Федерации эффективности работы Общественных советов при федеральных органах исполнительной власти. Утверждена Советом Общественной палаты Российской Федерации 17 декабря 2010 г.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 января 2014 г. № 93-р «Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти».

³ Исследование официальных сайтов и разделов общественных советов при федеральных органах исполнительной власти [Электронный ресурс]. URL: <http://system.infometer.org/ru/monitoring/404/rating> (дата обращения: 09.11.2017).

⁴ Итоги круглого стола по перезапуску общественных советов при органах государственной власти [Электронный ресурс]. URL: <http://open.gov.ru/events/1549> (дата обращения: 06.07.2017).

нов, журналистов и прочих представителей пестрого и совершенно равнодушного к нуждам народа страны российского бомонда, а не деятелей науки и ведущих практиков ставит под сомнение деятельность и советов, и комиссий¹. К тому же решения, принимаемые Общественными советами, носят сугубо рекомендательный характер, и поэтому руководители соответствующих органов управления не всегда принимают во внимание данные рекомендации.

Главное же противоречие между государством и гражданским обществом по вопросу обеспечения военной безопасности заключается во все еще сохраняющемся между ними взаимном недоверии. Традиции политического администрирования, кулуарного принятия решений до сих пор сильны в нашей стране, а демократические традиции, напротив, еще слабы, недостаточно развиты. Интерес общества к наиболее актуальным, жизненно важным, но при этом наиболее закрытым вопросам зачастую воспринимается представителями власти как вмешательство «не в свои дела». Постоянный диалог между властью и обществом не налажен, а в большинстве случаев, к сожалению, носит формальный характер, хотя в последние годы наблюдается тенденция к оживлению такого общения между высшими чиновниками и народом.

Итак, в Российской Федерации на сегодняшний день не существует строго очерченной структуры институтов государственной власти, в обязанности которых входило бы решение задачи обеспечения военной безопасности страны. Решение данного вопроса целиком и полностью в организационном и законодательном плане лежит на Президенте Российской Федерации, что вполне соответствует современному состоянию обострения межцивилизационных противоречий.

К сожалению, политической реальностью являются разлаженность и несогласованность в действиях властных механизмов по обеспечению военной безопасности, отсутствие унифицированной системы органов, участвующих в обеспечении военной безопасности. Это делает затруднительным для Президента осуществление координирующих, организующих, методологических функций в этой сфере. Разнообразные советы и комиссии, созданные при всех

¹ Опрос общественного мнения об эффективности работы Общественных советов [Электронный ресурс]. URL: <http://open.gov.ru/upload/iblock/115/11500d3dcd5512b7c44f1bd11bc02d3a.pdf> (дата обращения: 06.07.2017).

ветвях власти, либо работают неэффективно, либо вообще носят декоративный характер.

Эта декоративность связана с неразвитостью институтов гражданского общества, которая негативно сказывается на деятельности по обеспечению военной безопасности. Не внушает оптимизма и отсутствие действенных механизмов взаимодействия гражданского общества с институтами государственной власти. Их создание, несомненно, позволило бы значительно повысить эффективность функционирования властного механизма, служащего для обеспечения военной безопасности государства. Таковое обеспечение в конечном итоге отвечает экзистенциальным интересам народа.

2.2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Право — древнейшая форма человеческой культуры и важнейшая форма общественного сознания, в основе которой лежит идея справедливости. Но наряду с этим писаное, кодифицированное и легализованное право является прежде всего совокупностью конкретных законов. В реальной политической и социокультурной жизни такие категории, как должное и сущее, равно как юридическое и фактическое, не всегда совпадают. Поэтому здесь, говоря о правовых основаниях обеспечения военной безопасности, мы будем иметь в виду конкретные законодательные акты, являющиеся результатом определенной политической воли властных структур, вне зависимости от степени их моральной оправданности и обоснованности. Но именно от действенности права как идеи справедливости и конкретных нормативных актов, выработанных в русле этой идеи, зависят концептуальные основы социокультурного и политического бытия, в том числе и обеспечение военной безопасности страны.

При систематическом исследовании функционирования властного механизма, призванного служить обеспечению военной безопасности Российской Федерации, целесообразно тщательно исследовать сам процесс выработки правовых основ обеспечения военной безопасности. От того, какие концептуальные документы, направленные на обеспечение военной безопасности государства, вырабатываются и как они реализуются, во многом зависит безо-

пасность граждан и самого государства. Важную роль играет и обоснованность этих документов, ибо даже самая своевременная мысль, будучи неверно, необоснованно и нелогично поданной, может представиться абсурдной.

Большое значение имеет и верифицируемость данных. При выработке концептуально-доктринальных документов очень важно пользоваться достоверной информацией, поскольку при принятии решений на основе ложных сведений вероятность допущения ошибки становится недопустимо большой.

В области военной безопасности можно выделить три типа решений. Первый тип — фундаментальные решения, которые принимаются конституционным порядком в переходные и ключевые моменты жизни государства. Такие решения затрагивают как внутрисполитические, так и международные государственные отношения. Второй тип — законодательные решения, которые оформляются в систему законодательных документов. Эти решения касаются статуса и прав должностных лиц и организаций, задействованных в реализации фундаментальных решений. Третий тип — административные решения, которые принимаются в отношении небольшой группы людей и направлены на обеспечение реализации законодательных решений.

Все вышеперечисленные типы решений принимаются в соответствии с определенными правилами по формальным или неформальным признакам, которыми руководствуются уполномоченные должностные лица. Можно назвать голосование большинства, единогласное одобрение, необходимое количество слушаний законодательного проекта и тому подобное.

При разработке проектов решений по вопросам обеспечения военной безопасности и их последующем согласовании иногда возникают трудности организационного свойства. Согласимся с исследователями, которые к таким трудностям относят следующие явления объективной политической реальности: дублирование решений различных организаций и ведомств, которые занимаются разработкой программ подготовки государства к предотвращению военной угрозы; отсутствие координации между субъектами, в чьи задачи входит решение вопроса обеспечения военной безопасности государства; дублирование задач, решаемых центральным ап-

паратом и органами, занимающимися обеспечением военной безопасности на местах¹.

Проанализируем концептуальные основы обеспечения военной безопасности государства в законодательных актах Российской Федерации. В Основном законе государства имеется одиннадцать установок по различным вопросам обеспечения безопасности²: это безопасность государства³, государственная безопасность⁴, общественная безопасность⁵, оборона и безопасность⁶, экологическая безопасность⁷, безопасность граждан⁸, безопасность людей⁹, а также безопасность труда¹⁰.

Важно отметить, что текст Конституции Российской Федерации не содержит прямых установок по вопросам обеспечения военной безопасности. Однако пункт «м» статьи 71 сообщает нам, что в ведении Российской Федерации находятся вопросы обеспечения обороны и безопасности. В связи с этим нам необходимо рассмотреть нормативно-правовые акты, в которых закреплено содержание понятия *военная безопасность*.

Впервые юридическое определение категории *военная безопасность* было обозначено в Военной доктрине Российской Федерации в 2010 г.¹¹ До этого времени данный термин употреблялся в ряде нормативно-правовых актов, в том числе в Военной доктрине Союзного государства¹², принятой в 2001 г., а также в Концепции

¹ Синюков С.В. Механизм правотворчества: дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2013.

² Конституция Российской Федерации: офиц. текст.

³ Там же, ч. 5 ст. 13; ч. 3 ст. 55; ч. 1 ст. 82.

⁴ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 114.

⁵ Там же, п. «б» ч. 1 ст. 72.

⁶ Там же, п. «м» ст. 71.

⁷ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 72.

⁸ Там же, ч. 1 ст. 56.

⁹ Там же, ч. 2 ст. 74; ч. 1 ст. 98.

¹⁰ Там же, ч. 3 ст. 37.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» (утратил силу).

¹² Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 26 декабря 2001 г. № 8 «О Военной доктрине Союзного государства».

военной безопасности стран — участников СНГ¹ в 1992 г. и др. законодательстве. Совершенно ясно, что за последние годы резко обострились внешнеполитические отношения России с такими бывшими республиками СССР, как Грузия, Украина, Латвия, Литва, Эстония. Названные государства обнаружили резкий крен в сторону западной цивилизации, поэтому вернуть их в орбиту Русского мира можно лишь с помощью военной силы, что само по себе недопустимо. А потому сама Концепция военной безопасности, которую из бывших союзных республик ратифицировали лишь Узбекистан и Таджикистан, для России юридически ничтожна. Отметим, что Соглашением между Российской Федерацией и Республикой Беларусь² в 1997 г. дается определение региональной военной безопасности.

При рассмотрении правового обеспечения военной безопасности Российской Федерации целесообразно процитировать выдержку из Доклада Совета Федерации «О состоянии законодательства в Российской Федерации». Так, по информации верхней палаты парламента, «в настоящее время в Российской Федерации создана правовая база, которая в основном позволяет решать задачи обеспечения военной безопасности. Однако законодательство в данной области еще не представляет собой единой целостной системы — в нем имеются пробелы, сохраняются отдельные противоречия, положения некоторых законов продолжают носить декларативный характер. Разнообразная неунифицированная терминология, применяемая в законодательных актах, зачастую затрудняет правоприменительную деятельность, а подчас приводит и к правовым коллизиям. В законодательстве не в полной мере находят отражение действенные механизмы реагирования на новые вызовы и угрозы военной безопасности Российской Федерации, недостаточно регламентирован процесс строительства и развития военной организации государства в целом, Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов»³.

¹ Соглашение о Концепции военной безопасности государств — участников Содружества Независимых Государств от 9 октября 1992 г.

² Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 165-ФЗ «Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о совместном обеспечении региональной безопасности в военной сфере».

³ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 19 марта 2008 г. № 86-СФ «О докладе Совета Федерации

Современное российское правотворчество, осуществлявшееся после распада Советского Союза, несло в себе ряд внутренних диалектических противоречий. С одной стороны, Россия позиционировала себя как правопреемник СССР, а с другой — мощи и силы, в том числе экономической, политической и военной, явно не хватало для статуса великой державы. Далее: с одной стороны, в Конституции Российской Федерации 1993 г. содержится ряд концептуальных положений, противоречащих объективной реальности страны, брошенной реформами 90-х гг. в капитализм первоначального накопления. Как пишет профессор П.А. Горохов, «принятый в 1993 г. Основной закон во многих отношениях оказался несовершенным, ибо декларировал, что Россия является правовым (статья 1) и социальным (статья 7) государством. Интересно, что авторы вскоре вышедших объемных Комментариев к Конституции Российской Федерации отмечают, что Россия лишь стремится к идеалу правового государства и статусу социального государства, но таковым пока не является. Объявив в Конституции о наличии в России правового государства как об элементе объективной реальности, составители Основного закона обнаружили собственный правовой нигилизм. Явное противоречие между сущим и должным, юридическим и фактическим — питательная среда для правового нигилизма в современной России. Декларативность Конституции современной России является питательной средой для государственно-правового нигилизма»¹.

В определенной мере со стороны государственных структур России наличествует правовой нигилизм, последствия которого сказываются на всем социальном и политическом бытии, в том числе и в сфере правового обеспечения военной безопасности.

С другой стороны, делаются обоснованные попытки решения проблемы правового обеспечения военной безопасности в едином концептуальном ключе. При этом основное направление правотворчества в области обеспечения военной безопасности направлено на реализацию рекомендаций Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации,

Федерального Собрания Российской Федерации 2007 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации»».

¹ *Горохов П.А.* Правовой нигилизм государственных структур России как проблема философии права // Человек: преступление и наказание. — 2017. — № 3. — С. 343.

положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Можно отметить, что вносимые изменения и дополнения в правовые акты способствуют таким социально-политическим явлениям, как совершенствование законодательства в рамках обеспечения военной безопасности государства, развитие военного законодательства, повышение социального уровня военнослужащих, укрепление международного сотрудничества в военно-технической сфере.

Основу военной политики Российской Федерации составляют Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и Военная доктрина Российской Федерации¹, являющиеся документами стратегического уровня. Велико государственно-правовое значение Федерального закона «О безопасности», который определяет основные принципы и содержание деятельности не только по обеспечению безопасности государства, но и «общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации»², Федеральный закон «Об обороне» в части, касающейся темы исследования³. Остальные документы являются производными от них и имеют, по сути, вспомогательный характер.

Время не стоит на месте, и новые политические реалии диктуют необходимость действенных реформ. Новая Стратегия пришла на смену существовавшей «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». В соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» Стратегия национальной безопасности должна обновляться каждые шесть лет.

Стратегия является основой для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Она основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

² Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

³ Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

Российской Федерации и социально-экономического развития страны. Таким образом, указано на первоочередность задачи восстановления экономики как базиса российского государства в период системного кризиса. В Стратегии национальной безопасности сама проблема военной безопасности совершенно справедливо увязывается с государственной и общественной безопасностью, повышением качества жизни российских граждан, экономическим ростом, развитием науки, образования, культуры и здравоохранения, экологией и рациональным природопользованием.

Политическая реальность изменяется ныне с невиданной ранее скоростью. Формирование и управление государственным стратегическим планированием чаще всего осуществляются в обстановке фактической неопределенности и бифуркационной нестабильности. Это приводит к тому, что многие действия, являющиеся в целом конструктивными, могут проявляться как в незапланированной последовательности или объеме, так и в не запланированное для них время. Так, например, дипломатическая нейтральность России, направленная на выстраивание консенсусной мировой политики и реализовывавшаяся во время названных миротворческими, а по сути — агрессивных акций западного блока в Сербии, Ираке, Ливии, или фактически санкционированного Западом государственного переворота в Украине, позволили геополитическим оппонентам Российской Федерации тактически опередить ее в вопросе защиты своих национальных вопросов и целей.

С целью конкретизации программной и функциональной деятельности субъектов государственного управления в условиях высокой политической турбулентности в Российской Федерации был принят Федеральный закон от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Данный законодательный документ на федеральном, субъектном и муниципальном уровнях определяет участников стратегического планирования, а также им закрепляется правовая база по формированию и функционированию комплексной системы стратегического планирования социально-экономической деятельности и развития государства¹.

В этом документе даны базовые определения относительно целей и задач, сформулированных данным законом, и их роли в

¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

формировании общей концепции, механизмов и инструментов сферы национальной безопасности. Таким образом, обозначено, что «целеполагание — определение направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации; прогнозирование — деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации...» (статья 3, пункты 4, 5). Также дан перечень относящихся к стратегическому планированию документов с учетом основных государственных приоритетов. Кроме того, прошло уже два года со дня принятия в России Стратегии национальной безопасности¹. За это время сформировались определенные выводы и мнения относительно ее функциональности.

Считаем, что данная Стратегия нуждается в дополнительной существенной корректировке, так как она разрабатывалась в период финансовых и политических санкций, введенных в отношении России из-за украинского кризиса. А поэтому многие моменты Стратегии не учитывают фактора дисбаланса поставленных в ней задач и ситуации социально-экономической турбулентности, в которую вошло наше государство. Для выстраивания эффективного «щита» в форме стабильно функционирующей и развивающейся системы национальной безопасности необходима крепкая финансово-экономическая база. А в условиях общего геополитического и геоэкономического противостояния этот фактор представляется некоей «ахиллесовой пятой». Дополнительным негативным фактором в этом плане также считается то обстоятельство, что экономическая проблематика является ключевой и для всех сфер, затрагивающих национальную безопасность, — от образования и науки до технического и финансового обеспечения армии и оборонно-промышленного комплекса страны. Не случайно именно с 2008 г., в эпоху глобального кризиса, вновь оживился интерес к классическому марксизму с его тезисом об экономике как базисе любой общественно-экономической формации.

Отметим, что усиление мобилизационной готовности, о которой говорится в Стратегии, невозможно по той простой причине,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

что частный сектор экономики не готов, не способен, да по большому счету и не обязан участвовать в планомерном формировании обороноспособности страны, так как это априори относится к функциональным обязанностям государства. А следовательно, с целью формирования эффективной обороноспособности и планомерного формирования и развития высокой и функциональной степени мобилизационной готовности необходима государственная ресурсная база. Таким образом, существует необходимость в запуске параллельной государственной модели экономики. Запуск подобной модели позволил бы решить не только вопрос наращивания оборонного потенциала государства, но дополнительно помог бы в преодолении проблем трудовой занятости и в снижении безработицы, вызванной преобладанием существующей в нашем государстве концепции рыночных конкурентных отношений. Тем самым может быть снята или хотя бы уменьшена внутригосударственная социально-гражданская напряженность, вызванная экономической дестабилизацией из-за общемирового финансового кризиса и экономических санкционных действий западных оппонентов России. В этом плане значительную помощь может оказать советский опыт госпланирования и госзаказов.

Именно с этой целью необходимы значительные корректировки такого доктринального документа, как «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года»¹, в которой первоначально была определена деятельность механизма поддержания геэкономического веса и престижа российской экономики с учетом вопросов стратегической государственной и национальной безопасности. Данная Концепция была предназначена для усиления влияния экономики России в мировом сообществе. Но именно сейчас развитые страны западной цивилизации, находясь в состоянии глубочайшего геополитического кризиса, ведут целенаправленную деятельность с целью дестабилизации российской экономической системы, тем самым ставя под угрозу национальную безопасность Российской Федерации. И, что примечательно, это происходит в тот момент, когда экономика главного геополитического оппонента России — США — сама находится в тупиковой кризисной ситуации, сформировавшейся во

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

многим именно из-за действий Соединенных Штатов, направленных на гегемонизацию не только политической, но и финансово-экономической сферы мирового сообщества.

Таким образом, данная Концепция нуждается в объективном переформатировании, с учетом того, что и экономическая, и политическая международная ситуация претерпела значительные институциональные, структурные и идеологические изменения.

Также следует учитывать важность такого фактора, как уровень развития и функционирования науки для обеспечения эффективности и потенциальных возможностей государства в формировании эффективной системы национальной безопасности¹. Это было отражено и закреплено в Указе Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»². Президентом В.В. Путиным степень важности проблематики данного вопроса была выдвинута в один ряд со Стратегией национальной безопасности, поскольку «вопрос носит принципиальный характер. Наличие собственных передовых технологий — это ключевой фактор суверенитета и безопасности государства, конкурентоспособности отечественных компаний»³. Таким образом, Стратегия научно-технического развития также была отнесена руководством страны к «документам стратегического планирования, разрабатываемым в рамках целеполагания на федеральном уровне»⁴.

Если коснуться национальной безопасности России глубже, то интересным было бы сравнение Стратегий национальной безопасности России и США как геополитических акторов, оказывающих

¹ *Дамаскин О.В.* Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности. — М.: Пограничная академия ФСБ России, 2016.

² Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

³ Стенограмма заседания Совета по науке и образованию // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51190> (дата обращения: 14.11.2017).

⁴ Перечень поручений Президента Российской Федерации от 11 февраля 2016 г. по итогам заседания Совета по науке и образованию // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/51302> (дата обращения: 14.11.2017).

значительное авторитетное и даже идеологическое влияние на современную и формирующуюся систему международной безопасности. Так, в своей Стратегии от 2015 г.¹ США были четко сформулированы главные тезисы своего взгляда на систему международных отношений, военную сферу и идеологическую составляющую современного общества. В Стратегии со всей откровенностью звучит нота превосходства американской нации над всеми остальными участниками международных отношений в любой из сфер жизнеобеспечения и жизнедеятельности современного мирового сообщества. Также открытым текстом заявлено, что США имеют концептуальное право в одностороннем порядке решать любые вопросы в геополитической, геоэкономической и военной сферах, учитывая только свои национальные интересы.

Сделано заявление и о формировании новой модели мирового порядка с если и не ключевой, то во всяком случае доминирующей ролью в новой системе международных отношений США. При этом как один из основных аргументов приводится фактор военного могущества Соединенных Штатов и готовности задействовать этот ресурс в любом необходимом случае и по отношению к любому оппоненту, который будет угрожать (или даже препятствовать) воплощению и продвижению национальных интересов США. Фактически данный документ больше похож не на стратегию развития государства, а на некую форму ультиматума международному сообществу, где сила заявлена как основополагающий атрибут современного государства, имеющий приоритет над международным правом, договоренностями и обычаями. Создается впечатление, что геополитическим гегемоном в очередной раз было заявлено о своих претензиях на монопольную функцию общемирового судьи и об исключительности своего геополитического и национального статуса.

Одновременно в последнем варианте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации также были более как четко сформулированы векторы и приоритеты деятельности и действий государства, так и обозначены конкретные потенциальные угрозы в виде определения геополитических оппонентов, проводящих аг-

¹ Joint Chiefs of Staff [Электронный ресурс]. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf (дата обращения: 16.11.2017).

рессивную наступательную политику в отношении России. Например, четко указано: «Проведение Российской Федерацией самостоятельной внешней и внутренней политики вызывает противодействие со стороны США и их союзников, стремящихся сохранить свое доминирование в мировых делах» (пункт 12).

Так же, как и в Стратегии США, определено, что существующее геополитическое противостояние осуществляется не только на военно-политическом или экономическом уровне, которые сейчас выступают скорее как инструменты борьбы на международной арене, а на уровне ценностей и систем общественного и духовного развития. Эта высказанная возможным противником России мысль еще раз подтверждает сам факт идущего полным ходом цивилизационного, социокультурного и идейного противостояния.

Кардинальные изменения абсолютно всех сфер современного сообщества обусловлены становлением постиндустриального информационного общества. Это, в свою очередь, вызвало трансформацию политических технологий управления массами, превратив информацию в основной товар и ключевой признак власти¹. Именно по этой причине в российском варианте Стратегии значительное внимание уделено информационно-психологической составляющей мировой борьбы, ее целям, механизмам и инструментам. В этом вопросе Стратегия перекликается с мнением многих современных ученых относительно того, что использование информационного пространства как одного из инструментов геополитической борьбы на современном этапе поставило вопрос о необходимости возможного вмешательства государственных властных механизмов в деятельность СМИ в тех случаях, когда речь идет об обеспечении национальной безопасности, с целью выработки государством необходимых мер противодействия².

При формировании стратегии государственного развития Российской Федерации значительная часть внимания направлена на

¹ *Самыгин С.И., Верещагина А.В., Белов М.Т.* Угрозы национальной идентичности в информационном пространстве современного социума и риски информационной безопасности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2015. — № 4. — С. 78–85.

² *Воронцов С.А., Штейнбух А.Г.* О необходимости совершенствования подходов к обеспечению национальной безопасности России в информационной сфере. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2015. — № 9 (64). — С. 100–108.

финансово-экономическую сферу как базовый ресурс формирования системы национальной безопасности. В связи с этим переставлен акцент с вектора интеграционного развития России в сторону повышения эффективности, автономности, независимости и устойчивости собственной финансово-экономической системы.

Хотелось бы остановиться на таком важном аспекте экономической сферы, который оказывает значительное влияние на ослабление финансово-экономического сектора нашего государства, а именно — вопрос эмиссии. Эмиссионный процесс в России находится в полной зависимости (а следовательно, и под тотальным контролем) от объема долларовой массы, которая входит в страну в результате импортно-экспортных операций. Данное положение было прописано в законодательстве Российской Федерации еще в начале 90-х гг. XX в. теми консультантами и на то время партнерами, которые на данном этапе выступают уже нашими геополитическими и геоэкономическими оппонентами. Таким образом, созданная ими система денежно-валютных отношений (как внутренних, так и внешних) до сих пор работает в бенефициарном режиме для наших оппонентов. Тем самым наносится непосредственный двойной ущерб экономике самой России. При ослаблении экономической и ресурсной базы России одновременно усиливаются экономическая и ресурсная составляющие тех акторов, которые испытывают и проявляют свои агрессивные настроения в отношении к России, в том числе и путем введенных в последние годы финансово-экономических и политических санкций, а по факту — экономической блокады нашего государства.

Можно охарактеризовать подобный существующий механизм функционирования финансово-экономического сектора нашего государства как прямую и непосредственную угрозу национальной безопасности России. К тому же последние действия политических оппонентов нашего государства на этом поприще носят четко обозначенный и целенаправленный деструктивный характер, ибо они направлены на подрыв как экономической составляющей страны, так и российской государственности в целом.

Поэтому, если говорить об экономической безопасности государства как составляющем элементе национальной безопасности, то проблематика зависимости от внешнего финансово-экономического управления (в том числе и Центрального банка России) является ключевой не только для сферы экономики или

финансов, но и для остальных сфер государства, участвующих в формировании системы национальной безопасности: от военно-оборонной и социальной до ресурсной, экологической и даже демографической. Не решив этой задачи, Россия будет постоянно находиться в состоянии острой нехватки средств, необходимых для собственного развития, при этом поддерживая и усиливая своих существующих и потенциальных оппонентов, нанося урон своим системам жизнеобеспечения и ресурсной базе государства. При этом необходимо четко осознавать тот факт, что данный механизм и инструментарий финансово-экономического функционирования нашего государства имеют не случайный характер, а были смоделированы в 90-е гг. именно для решения вышеперечисленных задач разрушения государственного и национального потенциала России. То есть была сконструирована архитектура государственности, направленная на системное государственное и национальное саморазрушение России. И этот факт уже настолько очевиден, что дальнейшее замедление с вопросом кардинального переустройства базовых государственных систем и национальных институтов можно расценивать уже не как халатность или не дальновидность, а как преступную деятельность, даже скорее — бездействие, вызывающее прямые, четко обозначенные и видимые угрозы и опасности национальной безопасности России.

Разумеется, самой значительной угрозой для национальной безопасности нашей страны является война. В исследовании вопросов военной безопасности обращает внимание на себя то обстоятельство, что война является не только материальным явлением, но и духовным феноменом, отражением духовного состояния общества. За военными действиями всегда стоит определенная картина мира, определенное мировоззрение, определяющее и само участие в войне, и формы этого участия¹. В этом плане нельзя не согласиться с мнением А.В. Коршунова относительно того, что «эффективность политики национальной безопасности возможна

¹ *Старостин А.М., Самыгин С.И., Верецагина А.В.* Эволюция войны и многообразие ее форм в условиях кризиса национальной идентичности и динамики угроз информационной безопасности современного общества // Социум и власть. — 2016. — № 5 (61). — С.49–54.

только при ее ориентировании на ценностные предпочтения и приоритеты общества»¹.

Относительно важности военной сферы в формировании и обеспечении эффективного функционирования национальной безопасности проведено много исследований и высказано много ценных мыслей. Нам же, со своей стороны, хотелось бы взглянуть на этот вопрос немного под другим — не под классическим и не под стандартным углом. Основные этапы формирования военной политики любого государства проходят под влиянием внешнеполитических факторов. До сих пор существовала простая формула эффективного способа сохранения военной безопасности: или быть самым сильным государством, или присоединиться к союзу сильных на паритетной основе.

У России на данном этапе формируется третий вариант развития этой устоявшейся формулы. Учитывая сложную кризисную экономическую и геополитическую ситуацию в мире в целом и в нашей стране в частности, Российская Федерация пока не может себе позволить выполнять функцию самого сильного актора на современном или формирующемся геополитическом пространстве. Но это обстоятельство — не основная причина, хотя и представляется важным фактором. Вследствие специфичности своего исторического развития, ментальности, особенностей формирования социального и политического устройства Россия выступает некой формой государства-цивилизации. Эта цивилизация, которую часто именуют Русский мир, объединила в себе многие народы и народности, притом не растворяя их в себе и не растворяясь в них сама.

Видимо, наша страна не может выполнять функцию всемирного диктатора, как это с успехом делают США, или вступать в более-менее долгосрочные союзы с чуждыми по менталитету державами, как это с успехом демонстрируют Великобритания или страны ЕС. Как ни парадоксально, но исторически сложилось так, что все подобные союзы России заканчивались либо прямым предательством союзников, либо несправедливым и незаслуженным нивелированием заслуг России, дружбу с которой использовали

¹ *Кориунов А.В.* Политика национальной безопасности как важнейший фактор обеспечения духовной безопасности России // Гуманитарий Юга России. — 2012. — № 2. — С. 210–217.

только в особо кризисных геополитических ситуациях. Но чаще всего Россия самостоятельно решала возникающий геополитический конфликт, как это было в Великой Отечественной войне вплоть до запоздалого открытия Второго фронта лишь в 1944 г.

Во всей истории международных отношений постоянно сквозила навязчивая идея недопущения России на Олимп ведущих мировых акторов. История продолжается, сценарий повторяется, но правила остаются прежними: любые попытки России доказать свое равенство и право на геополитический Олимп встречаются оппонентами «в штыхы», притом как в переносном, так и в прямом смысле этого слова. Именно поэтому союз Запада и России никогда не был осуществлен, не существует его и сейчас (с учетом фактически развязанной новой «холодной войны») и, вероятно, по вышеназванным причинам не может существовать априори.

Таким образом, у России должны оставаться два ее самых верных союзника, не подводивших ее в любой исторический период, — это ее армия и флот. К наполненным глубоким смыслом словам российского императора Александра III хотелось бы добавить только одно: еще одним самым главным союзником российского государства является ее народ. Именно народ есть самое главное достояние, и неисчерпаемый ресурс, и политический аргумент, способный противостоять как современным, так и будущим потенциальным угрозам. Именно народ России выступает главной основой и фундаментом национальной безопасности нашего государства.

В области обеспечения военной безопасности Российской Федерации важнейшим основополагающим правовым документом является Военная доктрина Российской Федерации. Обратимся к ее рассмотрению.

Впервые в российской истории Военная доктрина была разработана и принята 2 ноября 1993 г. Проследим ряд тенденций, оказавших свое влияние на формирование и развитие нескольких вариантов Военной доктрины нашего государства. Если в начале 90-х гг. XX в. произошли полный развал и деморализация военной сферы и силовых структур, а реальным весомым действующим щитом России в большей степени являлся только фактор наличия ядерного оружия, то на сегодня Российская Федерация сумела планомерно и методично модернизировать как вооруженные силы, способные выполнять поставленные задачи самыми современными

ми и разнообразными средствами, так и оборонный потенциал страны в целом. Например, в 2017 г. в войска поступило более 3400 единиц основных видов новейшего и модернизированного вооружения, в том числе: 16 боевых кораблей и судов, 190 современных самолетов и вертолетов, 800 танков и боевых бронированных машин, 170 зенитных ракетных систем и комплексов, 1950 автомобилей многоцелевого назначения¹. Но основа мировой стабильности по-прежнему базируется на силах ядерного сдерживания.

Одновременно с принятием последней редакции Военной доктрины в 2014 г. в Москве заступил на боевое дежурство новейший Национальный центр управления обороной, где при любой возникшей необходимости будет приниматься и проводиться мониторинг ключевых решений, опирающихся на постулаты Военной доктрины. Все эти мероприятия свидетельствуют о том, что Военная доктрина Российской Федерации учитывает появление модели сетецентрической войны, т.е. управление войсками в реальном времени. Это управление осуществляется с максимально четким пониманием стратегической и оперативной разведывательной и аналитической информации, для чего любой участник военных действий обязан быть не только вооружен в классическом понимании, но и обладать и владеть средствами наблюдения и передачи информации нового поколения. То есть на наших глазах формируется новое поколение отношения к ведению боевых действий. И поэтому важнейшей компонентой этой новой оборонной парадигмы является не чисто военная составляющая, а способность эффективного избегания открытого военного противостояния.

Также необходимо отметить появление в новой редакции Военной доктрины² такого понятия, как неядерное сдерживание, которое представляет собой систему взаимосвязанных военно-технических мер, направленных на предотвращение возможности агрессивного применения против Российской Федерации угроз, созданных неядерными средствами.

¹ Совещание о выполнении гособоронзаказа. Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56141> (дата обращения: 22.11.2017).

² Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

С этой целью до 2020 г. планируется увеличить долю нового интеллектуального оружия до 70%. Такую концентрацию финансовых и научных вложений можно объяснить тем, что в сжатые сроки необходимо провести мероприятия по полному перевооружению армии и флота, а также по модернизации оборонной промышленности. Связано это в большей степени не с гонкой вооружений, как это интерпретируется западными оппонентами (хотя следует все-таки брать во внимание и динамику развития НАТО), а с целью реальной необходимости модернизации основных систем оборонительного характера и ударных комплексов, которые уже выработали или вырабатывают свой технический ресурс и не соответствуют эффективному решению потенциальных современных военных угроз.

Следует учитывать и то обстоятельство, что в 90-х гг. XX в. был существенно разрушен оборонный потенциал государства, когда перспективное оружие выпускалось в единственном экземпляре только как образцы, а отрасли теряли кадры и производственную базу. В невиданном ранее масштабе происходила «утечка мозгов», полностью не остановленная и в настоящее время. При этом следует особое внимание уделить тому факту, что США в одностороннем порядке прекратили действие договора о противоракетной обороне, при этом одновременно проводя эскалацию подготовки программы ПРО, в том числе синхронно и в Европе, и на Аляске. То есть по периметру российских границ разрабатывается и динамично воплощается в жизнь теория обезоруживающего удара. В этот же ряд можно поставить и мероприятия по поводу военного освоения космоса и действия, направленные на разработку так называемого глобального неядерного удара — мгновенной массивной одновременной атаки высокоточного и высокоскоростного оружия, способной обеспечить тотальное уничтожение ядерного потенциала соперника.

Программой перевооружения до 2020 г. предусмотрена ориентация на реальные возможности Российской Федерации с целью недопущения перенапряжения экономики. И приоритетная цель этого процесса заключается в реализации возможности полноценной защиты всей территории России путем формирования в первую очередь сферы *интеллектуального оружия*, действующего дистанционно и выводящего военнотружущих вооруженных сил из зоны возможного поражения, превентивно действуя при возник-

кающем военном агрессивном действии. То есть нейтрализовать угрозу, не попадая при этом под риск ответного поражения. Рациональность — главный принцип последней редакции Военной доктрины¹. Упор ставится не на количество и объем вооружения, а на его качественно новый научный уровень, адекватный решению возникающих современных военных угроз и вызовов. С целью ускорения и эффективности проводимого процесса перевооружения Президентом России в 2014 г. было принято решение переподчинить под свой контроль Военно-промышленную комиссию, которая прежде была в ведении Правительства России.

Неоднозначность возникшей на современном этапе геополитической ситуации, угрожающей перейти из противостояния в политической плоскости в открытый военный конфликт, в основном базируется на механизме информационной войны, когда обе (или несколько) сторон конфронтации взаимно обвиняют друг друга в эскалации и при этом наращивают свой потенциал агрессии вместо попыток разрешить ситуацию иными методами, и каждая из сторон заявляет о том, что она всего лишь делает ответные шаги на формирование угроз. Другими словами, каждая из сторон начинает манипулировать разнообразными причинно-следственными связями. Это очень четко прослеживается на истории и фактах формирования, расширения и действиях такого агрессивно настроенного альянса, как блок НАТО, который, между прочим, по договоренности с нашими западными партнерами должен был утратить свой смысл и прекратить свое существование в обмен на прекращение функций организации Варшавского договора еще в 90-х гг. XX в.

Именно активизация деятельности блока НАТО является одной из наиболее прогрессирующих внешних угроз для безопасности Российской Федерации, и связано это прежде всего с тем обстоятельством, что из региональной структуры по обеспечению безопасности (каковым ранее представлялся НАТО), альянс постепенно в одностороннем порядке наделил или же уполномочил сам себя глобальными функциями по контролю над современным геополитическим пространством с помощью значительных военных ресурсов. И вся эта деятельность осуществляется не только вопреки

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

предыдущим договоренностям, но и в четком нарушении большинства норм и принципов международного права.

Предыдущая редакция Военной доктрины¹ была принята в тот период, когда еще отсутствовал опыт по гибридным конфликтам в Украине и Сирии. С учетом эскалации внешних и внутренних угроз, целенаправленно формируемых именно по периметру границ и зон интересов Российской Федерации, где в результате так называемых *цветных революций* (а по факту — государственных переворотов) к власти приходят режимы, проводящие агрессивную политику по отношению к Российской Федерации, представляющие опасность для национальной безопасности России и создающие искусственные очаги напряженности в приграничном пространстве Российской Федерации (так называемой «буферной зоне»).

Еще одной глобальной опасной реальностью стал терроризм. Уровень экстремистских организаций динамично растет, активно совершенствуются механизмы и инструменты своей целенаправленной деструктивной деятельности, в организации и функционировании которых активное участие принимают некоторые западные акторы, несмотря на неоднократные предупреждения и консультирование Российской Федерацией (в частности, это касается деятельности «Исламского государства» (*запрещенная в России организация*)). Этот тот случай, когда искусственно создается или целенаправленно замалчивается существование межнациональной или межконфессиональной розни (между- или внутрирегионального конфликта). Яркими примерами в этом случае являются конфликты в Югославии и Ираке.

Или, опять же, запускается технология *цветной революции*, что является применением одного из современных инструментов воплощения на современной геополитической арене *теории управляемого хаоса* с целью решения некоторыми западными акторами своих политических, экономических и ресурсных задач. При этом следует обратить внимание, что в Военной доктрине России нет прямых указаний, кто конкретно из существующих на сегодня стран является геополитическим противником или непосредственной угрозой. В доктрине прописаны именно существование, меха-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» (утратил силу).

низмы и инструменты потенциальных опасностей, которые могут стать реальными угрозами.

Обтекаемость и дипломатичность формулировок связана прежде всего с целью недопущения эскалации существующих или возможных политических противостояний. Основная задача международной политики — не создание конфликтов и конфронтаций, а объективная разработка механизмов и инструментов их решения и недопущения. Это становится особо актуальным, когда среди геополитических партнеров нет доверия и сообща выработанной стратегии взаимоотношений, а налицо завуалированность и маскировка своих позиций и целей. Таким образом, вариант Военной доктрины Российской Федерации как государственно-правовой документ честно и в полном объеме перечисляет список не только собственных национальных опасностей, но и в целом угроз, которые стоят на современном этапе перед мировым сообществом.

В этой связи стоит упомянуть двойственность доктрины хотя бы того же блока НАТО. Исходя из концепции безопасности этого альянса, непосредственное применение силового воздействия возможно даже в том случае, когда представители блока видят лишь вероятность или потенциальность угрозы. Причем такая угроза может быть найдена в любой точке мира, даже если сама потенциальная опасность возникла на другом континенте или может представлять теоретическую угрозу в дальнейшем. Другими словами, современное мировое сообщество вступило в фазу противостояния «всех против всех». И здесь хотелось бы отдельно отметить тот аспект, что, в отличие от НАТО, Россия пытается осуществлять все свои мероприятия по формированию национальной безопасности в пределах своих границ или приграничного пространства, не пытаясь расширять свои интересы и не стремясь реализовать свой военный потенциал в непосредственной близости к своим геополитическим оппонентам — ни в качестве превентивной, ни в качестве ответной меры.

Действующий вариант Военной доктрины¹ был сформирован в большей степени с учетом того обстоятельства, что объектом пристального внимания и противодействия по всем фронтам (политическому, экономическому и главное — идеологическому) со сто-

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

роны США и Великобритании является Россия. Такая политическая расстановка на сегодняшний день свидетельствует о многом. Россия очень долгий период представляет собой государство, пытающееся политически балансировать между двумя разными политическими векторами. С одной стороны, идет демонстрация автономных внешнеполитических решений, показывающих независимость страны и при этом полнейшую зависимость (а следовательно, и несостоятельность) в экономической стратегии. И это противоречие, родом из хаоса 90-х гг. XX в., до сих пор нивелирует большинство попыток Российской Федерации по созданию полноценной автономности и координации усилий по формированию государственности и эффективной системы национальной безопасности.

Что касается внешних угроз: если в прежней доктрине¹ шла речь о возможности расширения глобального присутствия блока НАТО, то сегодня речь идет о конкретной опасности его силового потенциала (географического присутствия в Польше, Румынии, Прибалтике, Украине). Реальность сегодняшнего момента заключается в том, что на примере целого ряда стран мы увидели, что бывает с государствами, которые не умеют защищать свои государственные интересы. Именно поэтому современная Военная доктрина России² направлена на защиту национальных интересов. Ибо национальные интересы есть у любой страны, включая таких имеющих политический вес современных акторов, как США, Великобритания, государства Евросоюза и Китай.

Важность постулатов современной Военной доктрины России доказывается кризисом геополитических отношений между современными государствами. Например, в марте 2014 г. бывший генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен на встрече глав МИД заявил о том, что из-за потенциальных угроз со стороны России блок усилил мониторинг с воздуха в трех прибалтийских странах и разместил свои воздушные и морские силы, оборудованные системой «Авакс», с целью улучшения мероприятий по

¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» (утратил силу).

² Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

наблюдению в Польше и Румынии и для усиления своего присутствия в регионе Черного моря.

А многие постулаты Военной доктрины Российской Федерации как раз и разработаны для нивелирования и предвидения опасностей и угроз в сопредельных с Россией странах (приграничный пояс «жизненных интересов»). В большей степени это страны бывшего Варшавского договора, Северный Кавказ, Тихоокеанский регион.

После распада Советского Союза сложился новый тип геополитической ситуации, когда обсуждался вопрос смысла двух противостоящих военных блоков (НАТО и Варшавского договора). Именно этот фактор в первую очередь оказал влияние на формулировки военных доктрин того периода. Так, например, в доктринах 1993¹ и 2000² гг. говорится об опасностях наращивания своего присутствия в зоне жизненных интересов России военных блоков или союзов, но только в редакции Военной доктрины 2010 г.³ появляется четкое обозначение конкретного блока (НАТО) как представляющего собой реальную военную угрозу национальной безопасности Российской Федерации на сегодняшний момент. Подчеркнем еще раз: существовал ряд соглашений и договоренностей о том, что после прекращения программы поддержки Варшавского договора Советским Союзом и блоком союзнических стран альянс НАТО тоже должен прекратить свое активное функционирование.

Но сегодня мы видим обратное: альянс динамично наращивает свой потенциал и присутствие абсолютно во всех точках земного шара и методично охватывает кольцом жизненное геополитическое пространство России. И чаще всего это достигается с помощью таких инструментов, как провоцирование *цветных революций* или искусственно созданных вооруженных конфликтов в виде классических военных столкновений или в форме *гибридной войны*.

Дестабилизация регионов жизненных интересов России проводится целенаправленно и стратегически. Именно по этой причине

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» (утратил силу).

² Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 г. № 706 «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации» (утратил силу).

³ Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» (утратил силу).

в Военных доктринах России 2010¹ и 2014² гг. уже четко обозначены векторы экзистенциальной опасности для государства, с четкой формулировкой и названием субъектов, которые эти угрозы создают или потенциально могут создать. Последние 25 лет Россия пыталась создать обстановку взаимного партнерства и доверия путем одностороннего разоружения и уменьшения степени своего присутствия в зонах своих жизненных интересов. Одновременно блок НАТО за эти же 25 лет фактически взял на себя роль мирового военного судьи, как продолжая наращивать свой военный и организационный потенциал, так и форматируя международное законодательство под свои функциональные стратегические цели и оперативные задачи.

Тем самым сформировалась потенциальная опасность конфронтации между нашим государством и западной цивилизацией. Отметим, что Россия всегда шла на уступки по поводу регулирования и балансирования международной системы безопасности, а блок НАТО не делал этого принципиально, формируя однополярную силовую систему с четким вектором продвижения на восток. Опасность этого продвижения состоит не в том, что очередная страна вступает или готовится вступить в блок, а в том, что это чаще всего делается неформально. Ведь продвижение происходит не только путем подписания соглашений о сотрудничестве, но и в реальном режиме с помощью создания на территории привлекаемых к альянсу государств военных баз. Происходит динамичная и целенаправленная передислокация военных группировок с целью наращивания военного и инфраструктурного потенциала в регионе жизненных интересов России. Идет постоянное накопление живой силы и техники по периметру границ Российской Федерации. Проводятся регулярные военные маневры и учения в приграничных территориях, и часто провокационного характера.

Следует также учитывать, что, несмотря на декларирование мирных намерений западными странами, весь период уже начавшегося XXI в. ознаменовался господством силовых методов решения вопросов в международных отношениях в современной геополитике.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» (утратил силу).

² Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

литике. Происходит противостояние в вопросе выбора нового мирового порядка. Поэтому военная политика России в целом и последняя Военная доктрина 2014 г.¹ в частности принимаются в условиях, когда такой весомый международный актор, как США, пытается любой ценой сохранить свою гегемонию на политической арене.

Согласно концепции Сэмюэля Хантингтона, мир находится в режиме активного и непримиримого противостояния, так как вошел в фазу столкновения цивилизаций². А задолго до Хантингтона Арнольдом Тойнби была выдвинута концепция, согласно которой развитие человечества имеет место только в случае взаимовлияния цивилизаций, где существенную роль сыграли постоянная агрессия Запада и ответные контрудары противостоявшего ему мира³.

На современном этапе это связано прежде всего с борьбой за геоэкономическое пространство между устоявшимися и новыми игроками (например, евразийская, китайская или индийская цивилизации). Соответственно, появилась острая необходимость изменения миропорядка, а любое глобальное изменение естественно вызывает резкую эскалацию конфликтов и противостояний. С целью уменьшения градуса накала в подобном противостоянии необходимо сформировать соответствующие сегодняшним реалиям правовые механизмы для переговорных процессов — наподобие Хельсинских соглашений 1975 г. Иначе по-прежнему будет в полной мере эксплуатироваться господство силы, когда, например, такая страна, как США, игнорирует функциональность международного права в целом и получение санкций ООН в частности и использует такой силовой инструмент, как блок НАТО, для решения своих геополитических интересов.

В этой связи хотелось бы упомянуть о становящейся все более и более популярной концепции «Диалог цивилизаций», идейным вдохновителем которой считается Мохаммад Хатами — Президент Исламской Республики Иран в 1997–2005 гг.⁴ Суть этой кон-

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003.

³ Тойнби А.Дж. Постыжение истории. — М.: Прогресс, 1996; Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. — М.: Прогресс, 1996.

⁴ Хатами М. Ислам: диалог и гражданское общество. — М.: РОССПЭН, 2001.

цепции состоит в том, что, учитывая стоящие перед современным человечеством глобальные проблемы, связанные с ресурсным вопросом, экологией, демографией и наличием ядерного и иного масштабного оружия, нынешний мир нуждается в формировании политики единства и сплоченности, совместных поддерживающих действиях всех наций и государств. Таким образом, необходимо покончить с любой формой конфронтации в форме военного противостояния и насилия в мировой политике. И в третьем тысячелетии следует принять эту концепцию мирного, взаимообогащающего и взаимодополняющего межцивилизационного диалога. Данной концепции в большей степени соответствуют Военные доктрины нашего государства 1993¹ и 2000² гг. с их направленностью в сторону прекращения гонки вооружений и стремлением к заключению мирных соглашений, а не к эскалации военных конфликтов.

Важнейшая инновация в последней редакции Военной доктрины 2014 г.³ заключается в том, что впервые упоминается угроза создания вокруг России пояса политических режимов, откровенно враждебно настроенных против Российской Федерации. Иными словами, заявлено об опасности подготовки государственных переворотов, подобных украинскому сценарию. Это означает, что концепция национальной безопасности государства переходит от концепции обороны как чисто классического военного противостояния к концепции информационного противостояния. Эта концепция состоит в том, что война уже идет, просто степень ее активизации и эскалации меняется в зависимости от оперативной геополитической и геоэкономической обстановки с постоянной сменой участвующих акторов. Характерным примером этого процесса являются все те же *цветные революции* или откровенно агрессивные наступательные действия блока НАТО, например в Ираке и Ливии.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» (утратил силу).

² Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 г. № 706 «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации» (утратил силу).

³ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

Решать проблемы международной безопасности в одиночку невозможно ни одной, даже самой мощной стране, ни сильному военно-политическому блоку. Поэтому в Военной доктрине России сделан эффективный и многозначительный посыл к международной общественности о том, что Россия, выступая прежде всего за формирование и поддержание общемировой архитектуры и региональных механизмов поддержания безопасности в соответствии с существующими принципами международного права и договорными обязательствами, в случае исчерпания возможностей иных невоенного характера мер все же оставляет за собой право на применение любых форм и инструментов защиты государственной безопасности или безопасности ее союзников вплоть до ответного применения ядерного оружия. Акцент в доктрине поставлен именно на ответное применение силы, что формирует имидж России как геополитического актора, который конкретными действиями и договоренностями выступает против любой эскалации конфликтов и противостояний, грозящих перейти в прямое военное столкновение.

Но при этом Россия заявила о твердости своих намерений по жесткому пресечению любой опасности, исходящей от внешних геополитических оппонентов в свой адрес. Важность формирования позитивного и сильного имиджа для современных геополитических акторов стоит на первом месте. Имидж — это синергетически нечто большее, чем просто мощный военный потенциал, как у США, или мощный религиозно-идеологический ресурс, как у Ватикана. Целое всегда больше, чем простая сумма частей. Речь идет о новом системном качестве. Современная геополитика фактически и представляет на сегодня не политическое или военное противостояние, а постоянную борьбу цивилизационных имиджей.

Возьмем, к примеру, статус ядерной державы. Только одно это позволяло США в 1945 г. строить тактические планы по военному нападению на СССР, и это при том условии, что Вторая мировая война, в которой сверхдержавы выступали союзниками, только что завершилась, да и ядерного потенциала на полномасштабную Третью мировую войну у США еще не было. Потенциала не было, а вот статус (имидж) и планы уже были. Поэтому и были без всякой военной необходимости совершенно зверски стерты с лица земли Хиросима и Нагасаки, гибель которых была призвана подчеркнуть статус США как сверхдержавы.

Это один из показателей того, что войны XX–XXI вв. можно назвать бесформатными. Они преобразуют свою форму ежеминутно, подчиняясь логике достижения конечной стратегической цели, а сами стратегические цели современных конфликтных противостояний меняются с такой же скоростью, как в былые времена цели тактические. Мир геополитических взаимоотношений принял форму полной обтекаемости, неоднозначности и двойственности стандартов. На сегодня сложился девиз: «лучшая стратегия — это постоянная тактика».

Следует учитывать тот аспект, что имидж, выступая публичным портретом объекта, существует независимо от предмета, который он материализует, потому как он представляет собой не факт реального мира, а всего лишь сформировавшееся представление об этом факте. Так, например, под имиджем страны часто понимается «комплекс объективных, взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, политических, географических, национальных, культурных и других имиджевых образов), сформированных в сознании широких масс общественности в процессе развития государственности конкретной страны как сложной динамической подсистемы мирового устройства»¹.

Государственный имидж формируется как на международном, так и на внутреннем уровнях — как представление и восприятие облика государства жителями самой страны. В идеале эти два имиджа должны быть максимально приближенными друг к другу и соответствовать реальности, так как в противном случае может сформироваться двойственность восприятия, вызывающая недоверие на международном уровне и нивелирование — на внутригосударственном.

В этом плане некоторые государства ведут политику двойных стандартов. Так, например, нагнетание конфликтной эскалации в международных отношениях XX и XXI столетий путем наращивания США своей военной мощи и военного присутствия во всех регионах мира со стороны мировой общественности называется почти уважительно: «миротворческая деятельность главного мирового полицейского». В это же время забота России о своей на-

¹ *Галумов Э.А.* Международный имидж современной России: политологический анализ: автореф. дис. ... докт. полит. наук. — М., 2004.

циональной безопасности преподносится как имидж агрессивной страны, провоцирующей мировых геополитических акторов на коалиционное объединение с целью всеобщего и всестороннего международного воздействия на самостоятельность внешней и внутренней политики Российской Федерации.

Такая же двойственность наблюдается и по вопросу полярности современной архитектуры международной безопасности. С одной стороны, большинство участников международных отношений спокойно относятся к концепции монополярного мира в форме абсолютной геополитической гегемонии США, с другой — сама идея возникновения биполярного мира в виде геополитической оси с полюсами «США» и «Россия» вызывает если не политическую истерию, то всеобъемлющую холодную агрессию против такого развития сценария в системе международных отношений.

Следовательно, для США сформирован имидж априори справедливого и объективного геополитического актора. Администрация США постоянно заявляет о приоритете своих национальных интересов по отношению к интересам других наций или государств и даже к общемировым интересам (и демонстрирует это на практике). В то же время для России усилиями широкой геополитической общественности сформирован и продолжает формироваться имидж «империи зла». И это при том, что до эскалации агрессивно-наступательного продвижения блока НАТО к границам России и целенаправленной эскалации конфликтов по ее периметру в виде *цветных революций* Россия не проводила никаких наступательных или провоцирующих геополитических действий. Любое действие, которое сейчас рассматривают как агрессию России, носит сугубо оборонительный характер уже по факту постоянного первого хода со стороны обвиняющего Запада.

Политика двойных стандартов диктует необходимость разработки концепции целенаправленного формирования имиджа России на внешнем и внутреннем уровнях как достойного, объективного и взвешенного мирового актора, способного действительно стать не осью геополитики, как это целенаправленно делают США, а балансирующим полюсом этой оси. Формирование такого имиджа должно проходить с обязательным декларированием на законодательном и государственном программных уровнях как во внутригосударственной плоскости, так и на внешнеполитическом поле. При этом следует четко обозначить базовые принципы и

критерии, отражающие и формирующие образ России, раскрывающие ее ценностные и целевые установки.

Сегодня мировому сообществу уже пора признать, что Россия является абсолютно самодостаточным геополитическим актором, способным не только следовать самостоятельным геополитическим курсом, но и интегрировать на этом курсе чаяния, политические интересы и совпадающие по ментальности стремления других внешнеполитических акторов, ценностные взгляды которых являются близкими для достаточно значительного геополитического сегмента. Здесь прежде всего речь идет о Евразийском политическом и внешнеполитическом пространстве.

Ответ на вопрос, зачем России имидж именно сильной военной державы, чрезвычайно прост. Концепция либерализации и демократизации мирового общества не просто изжила себя, а окончательно дискредитировала свою суть в большей степени именно из-за применения военного вмешательства во внутренние дела независимых государств. То есть, помимо политики двойных стандартов, проводимой Западом во всех сферах современных международных отношений (от геополитики до геоэкономики), последним «доводом» в геополитическом диалоге практически всегда выступает либо угроза, либо практическое применение силового потенциала.

Вот такой вырисовывается геополитический монолог западной демократии. И именно силовой способ навязывания дружбы и демократизации — путем разжигания революционных, гражданских или военных противостояний — окончательно отрезвил многих акторов международных отношений, которые ранее следовали путем тотальной демократизации по оси монополярности мирового уклада (кто добровольно, а кто — попав в разные геополитические и геоэкономические ловушки).

Именно в таких обстоятельствах России практически не остается ничего, кроме как взять на себя ответственность не только за собственную безопасность, но и за формирование механизмов региональной безопасности — прежде всего евразийской. И даже, судя по неумемной агрессивности многих геополитических акторов, России придется принять на себя роль балансирующего звена в общемировой архитектуре безопасности.

Именно для того, чтобы многие участники международных отношений смогли разобраться, где есть планомерно сформированный имидж страны-агрессора, а где — объективный статус реаль-

ного государства и геополитического актора и регионального лидера и необходима разработка общей концепции, стратегии, механизмов и инструментов продвижения этого имиджевого концепта на международном и внутригосударственном уровнях. Подчеркнем еще раз, что ведущая концептуальная и доктринальная роль в складывании такого концепта принадлежит правовым механизмам, регулирующим вопросы безопасности страны.

Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. «О безопасности» состоит из 20 статей¹. Его с полным основанием можно назвать «Законом о Совете Безопасности», потому что Совету Безопасности, вернее, его статусу, посвящена одна — самая большая из четырех имеющихся — глава закона, в которой достаточно подробно расписаны задачи, функции, состав, организация деятельности Совета Безопасности. Есть даже статья, специально посвященная Секретарю Совета Безопасности, его статусу, порядку назначения и наделения полномочиями.

Есть в этом законе и отдельная глава, в которой прописаны полномочия органов исполнительной власти в области обеспечения безопасности, и в первую очередь — Президента Российской Федерации, который, согласно данному закону, практически единолично решает весь комплекс вопросов, касающихся «обеспечения безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации».

Все остальные органы власти наделены полномочиями только по рассмотрению и принятию законов, утверждению указов Президента, участию в отдельных мероприятиях, связанных, например, с определением основных направлений государственной политики в области обеспечения безопасности, и главное — по обеспечению и осуществлению деятельности по выполнению задач в области обеспечения безопасности. Термин *гражданское общество* в законе не упоминается. Поэтому данный закон можно оценить как документ, прописывающий гарантии не столько безопасности страны, сколько чиновничьего и военного бюрократического аппарата.

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности».

Справедливости ради стоит отметить, что в статье 2 под названием «Основные принципы обеспечения безопасности» в 5-м — заключительном — пункте взаимодействие органов государственной власти с общественными объединениями продекларировано как принцип. А в пункте 4 статьи 4 «Государственная политика в области обеспечения безопасности» сказано, что «граждане и общественные объединения участвуют в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности». Правда, механизмы, формы и степень этого участия в области обеспечения военной безопасности нигде больше не прописаны.

Стоит предположить, что законодатель имел в виду участие гражданского общества в реализации основ военной политики в виде общественного контроля. Однако дальше в исследовании будет доказано, что правовых основ такого контроля не существует, хотя в 2014 г. был принят Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹.

Несмотря на то, что данный федеральный закон является «рамочным», самым большим методологическим упущением является то, что отсутствует юридическое определение категории *безопасность*. Таким образом, говоря о безопасности с правовой точки зрения, мы не имеем его официального трактования. Это может вызвать правовые коллизии. Этим же федеральным актом законодатель ликвидировал базовое определение безопасности, которое было в утратившем силу Законе Российской Федерации «О безопасности» и определялось «как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»².

Безопасность как экзистенциальный фактор неразрывно связана с проблемой обороны от возможного агрессора. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. «Об обороне» определяет основы и организацию обороны Российской Федерации, полномочия органов государственной власти Российской Федерации, функции органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций и их должностных лиц,

¹ Федеральный закон от 27 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

² Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (утратил силу).

права и обязанности граждан Российской Федерации в области обороны, силы и средства, привлекаемые для обороны, ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации в области обороны, а также другие нормы, касающиеся обороны¹. Данный закон призван регламентировать отношения, связанные с отражением агрессии. Кроме того, мощные вооруженные силы играют роль сдерживающего фактора. Но метод *сдерживания* не является единственным в деле обеспечения военной безопасности. Есть и другие методы обеспечения военной безопасности, о которых более подробно мы будем говорить в третьей главе нашего исследования.

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. В законе «Об обороне» в статье 2 «Организация обороны» говорится о том, что организация обороны включает разработку основных направлений военной политики и положений Военной доктрины Российской Федерации. Таким образом, проблема поставлена логически неверно. Ведь согласно логике, положения закона должны разрабатываться в соответствии с военной политикой государства, изложенной в военной доктрине, но никак не наоборот.

Что важно в законе «Об обороне» для нашей темы — так это то, что он практически полностью исключает возможность начала войны Российской Федерацией. Началу войны, согласно пункту 1 статьи 18 данного Закона, должно предшествовать объявление «состояния войны», которое вводится только в случае нападения на Российскую Федерацию или в случае необходимости выполнения Российской Федерацией международных договоров.

Таким образом, законом «Об обороне» не предусматривается возможность начала военных действий по инициативе Российской Федерации. Вместе с тем обсуждения требует практика применения мер *принуждения к миру*, в том числе и возможность нанесения превентивного удара. Естественно, механизм принятия решения о превентивном применении Вооруженных Сил Российской Федерации должен быть также строго прописан и полномочия по началу военных действий не должны принадлежать одному лицу, даже если это Президент Российской Федерации.

Проведенный анализ концептуальных и доктринальных оснований обеспечения военной безопасности Российской Федерации в

¹ Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

правовой сфере выявил, что в настоящее время в России принят ряд важнейших документов, определяющих стратегию и тактику решения проблемы военной безопасности и регламентирующих вопросы обороны страны от возможной агрессии. Разумеется, при разработке разнообразных проектов решений по вопросам обеспечения военной безопасности и их последующей реализации существуют значительные трудности организационного свойства. Это может привести к существенному снижению качества разрабатываемых документов, а порой и к прожектерству и просчетам методологического характера.

Тем не менее на сегодняшний день созданы важнейшие документы, составляющие основу военной политики Российской Федерации. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации, Федеральный закон «О безопасности» составляют концептуальную и доктринальную основу для дальнейшего совершенствования властного механизма обеспечения безопасности страны. Концептуальное формирование политики в области обеспечения военной безопасности Российской Федерации и ее реализацию обеспечивают федеральные и региональные органы государственной и исполнительной власти под руководством Президента. Для повышения эффективности деятельности властного механизма по обеспечению военной безопасности Российской Федерации следует и в дальнейшем совершенствовать качество разработки нормативных правовых актов, в том числе и доктринальных документов, регулирующих его деятельность.

ГЛАВА 3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЛАСТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРОЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

3.1. МОДЕРНИЗИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Любой механизм, в том числе и социальный, имеет свои временные границы. Стареет не только человек, но и общество, а также все общественные структуры, казавшиеся в определенный момент времени идеальными. Поэтому модернизация даже кажущихся совершенными и безукоризненными политических и общественных механизмов представляется актуальной задачей, особенно в современную эпоху глобализации. Именно насильственно навязанная миру глобализация по большей части породила современное цивилизационное противостояние и вынудила Россию принять в нем активнейшее участие хотя бы ради сохранения собственной государственной и социокультурной идентичности.

Для успешного цивилизационного противостояния необходимо совершенствование властных механизмов, прежде всего обеспечивающих военную безопасность нашей страны. Для понимания того, насколько эффективно работают властные механизмы и что необходимо сделать для совершенствования их работы, необходимо рассмотреть эти механизмы не только в практическом, но и в теоретическом плане.

С точки зрения функционального предназначения система обеспечения военной безопасности должна представлять собой механизм, призванный преобразовывать доминирующие в государстве концептуальные взгляды и политические установки в области обеспечения безопасности в военной сфере в скоординированную деятельность конкретных органов исполнительной власти, общественных объединений и граждан в соответствии с действующим законодательством и с учетом норм международного законодательства.

Очевидно, что необходимым средством обеспечения военной безопасности является принятие исчерпывающих мер для предотвращения вооруженных конфликтов, мирное урегулирование противоречий на ранних стадиях их возникновения и развития. Не

менее очевидно и то, что для гарантированного обеспечения военной безопасности страны требуется создание и функционирование системы обеспечения безопасности на строго научной основе, с учетом всех аспектов этой многофакторной, многопараметрической задачи.

Властный механизм не существует сам по себе. Его деятельность должна объективироваться в конкретных действиях, которые представляют собой различные формы социального управления. Схематично эту деятельность можно представить как совокупность двух взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов. Суть этих процессов: 1) выработка конкретных мер по обеспечению военной безопасности; 2) реализация принятых решений по ее обеспечению.

Вследствие актуальности столь животрепещущей темы, как военная безопасность страны, затрагивающей интересы большинства россиян, ориентированных в своей социальной ментальности патриотически, в средствах массовой информации и в научном сообществе уже не первый год обсуждаются различные варианты реформы институтов власти.

В самом общем плане под *реформой* понимается изменение в какой-либо сфере жизни, ее преобразование. Английское слово *reform* имеет латинское происхождение и буквально означает изменение формы. Но употребление данного термина оправдано и тогда, когда речь идет о коренном изменении содержания. Конечная цель любой реформы — это существенные изменения в механизме функционирования объекта.

Важно отметить, что понятие *реформа* не является синонимом таких родственных категорий, как *оптимизация*, *усовершенствование*, *модернизация*, хотя в средствах массовой информации, да и в обыденном словоупотреблении они часто уравниваются на понятийном уровне. Термин *модернизация* происходит от английского слова *modern*, что означает «современный, обновленный». Обычно под модернизацией понимают обновление объекта и приведение его в соответствие с современными требованиями и нормами. Также это может быть процесс полной или частичной реконструкции общественной системы с целью ускорения экономического и социокультурного развития. В новейшей истории модернизации подвергались — с большей или меньшей степенью успеха — общества с различным общественно-политическим укладом. Соци-

листический Китай, например, с 1989 г. весьма успешно осуществлял модернизацию экономики, которая привела к изменению геополитического статуса КНР и ее окончательному превращению в великую державу.

У истоков самого понятия *модернизация* стоят философские идеи эпохи Просвещения. Идеология просветителей питала собой не только европейский рационализм, но и веру в неодолимую силу исторического процесса как прогресса свободы. Воле наделенного разумом реформатора приписывались порой сакральные качества. Именно философия Просвещения лежала в основе большинства красивых социальных утопий, всеобъемлющих экономических доктрин, технико-технологических и социокультурных проектов XIX и XX вв. Эта философия до сих пор отчетливо проявляется и во многих современных теориях модернизации, хотя от эпохи Просвещения нас отделяет уже более трех столетий. Но при любой модернизации существует опасность разрушения государствообразующего каркаса и основ экономического строя. Так произошло в СССР во время перестройки 1985–1991 гг., которая осуществлялась без должного социально-экономического обоснования и привела к распаду Советского Союза.

Понятие *оптимизация* означает, в свою очередь, процесс максимизации выгодных характеристик, соотношений и минимизации расходов. Оптимизация предполагает достижения оптимума, т.е. наилучшего состояния системы. Процесс оптимизации более мягок по сравнению с модернизацией и предполагает не коренную перестройку устаревшего социально-экономического механизма, а лишь замену некоторых его износившихся частей.

История России знала немало реформ и колоритных исторических деятелей, их осуществлявших: от Петра I, Александра II, Петра Столыпина до А. Косыгина, М. Горбачева, Е. Гайдара; от отмены крепостного права до приватизации в 90-е гг. XX в. Новый этап реформ в России начался в 2000 г. Непоследовательность и непродуманность проводимых в это время преобразований, «серьезные просчеты при проведении экономических и социальных реформ, опасная дезинтеграция государственных институтов, системный экономический кризис, издержки приватизации в сочетании с политическими спекуляциями на естественном стремлении

людей к демократии»¹ порождали реальные угрозы национальной безопасности.

Доктор политических наук М.М. Кучерявый считает, что «общая стратегия политики модернизации национальной безопасности России на обозримый период будет определяться эффективностью решения глобальных проблем, таких как: предотвращение локальных и региональных конфликтов; борьба с международным терроризмом и транснациональной преступностью; недопущение распространения ядерного оружия, других видов оружия массового уничтожения и их технологий; принятие адекватных мер в связи с приближением НАТО к границам НАТО, развертыванием элементов ПРО и гонкой вооружений; разрешение финансово-экономических, экологических, энергетических кризисов и проблем миграции населения, беженцев»².

В конце 2015 г. на страницах одного федерального издания вышла статья, посвященная вопросам проведения административной реформы³. Мы не будем подробно анализировать содержание указанной статьи, но выделим для себя некоторые моменты. В статье говорится, что для экономии бюджетных расходов следует отказаться от федеральных органов исполнительной власти с объективно малой численностью сотрудников, предусмотрев укрупнение действующих министерств путем создания так называемых «больших» ведомств. В представленной структуре исполнительных органов власти наше внимание привлекло *Министерство безопасности Российской Федерации*. Сразу оговоримся, что наша цель — проанализировать лишь некоторые теоретические вопросы обеспечения военной безопасности, и мы ни в коей мере не претендуем на всеобъемлющий подход к проблеме. Решение этой задачи — прерогатива законодательного и исполнительного корпуса власти в теснейшем взаимодействии с научным сообществом.

¹ Радиков И.В. Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2007. — Т. 3. — № 1. — С. 67.

² Кучерявый М.М. К пониманию политики модернизации национальной безопасности // Управленческое консультирование. — 2015. — № 11 (83). — С. 22.

³ Путин предложит сократить правительство // РосБизнесКонсалтинг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/15/10/2015/561fdf359a794761d7a9ec5d> (дата обращения: 21.06.2017).

По мнению профессора И.В. Радикова, «удовлетворение потребности в безопасности в различные исторические эпохи определялось уровнем общего развития не только государства (общества), его экономической и культурной составляющих, но и самого человека, живущего в данной среде и воспринимающего ее в силу особенностей своего характера и окружения»¹. В процессе осуществления реформ институтов власти необходимо учитывать процесс развития самого общества и взаимовлияние силовых органов власти и общества.

Существует несколько аспектов указанной взаимосвязи, в том числе политический, экономический, социальный. В России всегда была необходима мощная и разветвленная структура силовой компоненты государственного механизма. Это было связано прежде всего с обширностью территории страны и невозможностью осуществлять всеобъемлющую безопасность государства небольшими силами. Поэтому у профессионалов различные либеральные проекты наподобие введения парламентской республики и сокращения силовых структур вызывают лишь горькую улыбку. Такой огромной и многонациональной страной, как Россия, можно управлять лишь авторитарными методами и из одного сильного центра. В любом другом случае возникнет ситуация, описанная еще великим Иваном Крыловым в бессмертной басне «Лебедь, Рак и Щука». Стоит предположить, что целью предлагаемой реформы силовых министерств и ведомств и создания Министерства безопасности России является реализация оптимального варианта поддержания и укрепления национальной безопасности страны. Разумеется, всеислие силовых структур имеет и свою отрицательную сторону: бесконтрольность и стремительное разращение военной и полицейской бюрократии.

Предпосылки реформирования министерств и ведомств, идея создания объединенного органа по обеспечению безопасности находят свое косвенное отражение в Стратегии национальной безопасности России². Как мы знаем, это — базовый документ, определяющий цели, задачи и меры, направленные на укрепление на-

¹ Радиков И.В. Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2010. — № 4. — С. 7.

² Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

циональной безопасности России. В понятие национальной безопасности Стратегия включает оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные российским законодательством, в том числе государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую и т.д. Обеспечивается национальная безопасность путем реализации политических, военных, организационных, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие возникшим угрозам.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации использует также термин *национальный интерес*, под которым понимается потребность личности, общества и государства в обеспечении их защищенности. К национальным интересам на долгосрочную перспективу относятся укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации. Обеспечивается же национальный интерес эффективностью функционирования целостной системы обороны страны, государственной и общественной безопасности¹.

Именно для совершенствования системы целостной безопасности страны проводится реформа силовых органов власти в сфере обороны. Она осуществляется в рамках совершенствования военной организации государства на основе сбалансированного развития компонентов военной организации, наращивания оборонного потенциала, оснащения военных формирований и органов современным вооружением, специальной техникой и т.д. В области государственной и общественной безопасности реформа силовых институтов власти направлена на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, совершенствование системы профилактики преступности, разработки и использования специальных мер, направленных на снижение криминализации. Основной упор делается на то, что усиливается роль государства в качестве гаранта безопасности личности, повышается доверие граждан к правоохранительной системе. Все это достигается в случае совершенствования структуры и деятельности федеральных органов исполнительной власти, комплексного развития правоохранительных органов и специальных служб, по-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

вышения социальной ответственности органов обеспечения безопасности.

В указанной нами статье представлена структура нового силового министерства¹. Сказано, что ведомство создается на базе существующей Федеральной службы безопасности России путем добавления функций в сфере связи и фельдъегерской деятельности, государственной охраны, внешней разведки, обустройства границы и специального строительства. В структуре объединенного Министерства безопасности России предполагается три агентства: Федеральное агентство связи и фельдъегерской деятельности, Федеральное агентство внешней разведки, Федеральное агентство охраны. Нам неизвестно, каким образом планируются возможные будущие изменения: объединением или поглощением структур.

В структуру федеральных органов исполнительной власти входят министерства, службы и агентства². Между ними имеется ряд отличий — как в правовом, так и в организационном плане. Одни министерства и ведомства находятся в прямой подчиненности Президенту России, другие подчиняются Председателю Правительства Российской Федерации. Федеральное министерство осуществляет функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в своей сфере деятельности; Федеральная служба осуществляет функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности; Федеральное агентство осуществляет функции по оказанию государственных услуг, правоприменительные функции.

Аббревиатура МБ (Министерство безопасности России) ассоциируется с КГБ (Комитет государственной безопасности СССР, существовавший с 1954 по 1991 г.). Основными функциями КГБ были как раз те, что планируются в новом министерстве. А именно: внешняя разведка, контрразведка, охрана государственной границы СССР, охрана руководителей государства, организация и обеспечение правительственной связи. Одной из задач КГБ было также обеспечение высших органов государственной власти ин-

¹ Путину предложат сократить правительство // РосБизнесКонсалтинг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/15/10/2015/561fdf359a794761d7a9ec5d> (дата обращения: 21.06.2017).

² Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти».

формацией, затрагивающей государственную безопасность и оборону страны.

В советское время в структуре органов государственного управления были министерства, комитеты, агентства. В основу деятельности министерств СССР был положен отраслевой принцип управления, Государственный комитет СССР осуществлял межотраслевое управление, а Государственное агентство было органом специального назначения. Существующие на сегодняшний день силовые организации в той или иной мере берут свое начало именно в КГБ СССР. К примеру, Первое главное управление КГБ передало свои функции СВР России, Второе главное управление КГБ отвечало за нынешние функции ФСБ России в области контрразведки, Восьмое главное управление КГБ передало свои функции Службе специальной связи и информации ФСО России, Главное управление пограничных войск КГБ — явный аналог Пограничной службы ФСБ России, Девятое управление КГБ трансформировалось по функциям в ФСО России, функции Пятнадцатого главного управления КГБ перешли к Спецстрою России (упразднено в декабре 2016 г.).

Проведем ретроспективный анализ истории создания действующих на сегодняшний день институтов власти в современной России. Вспомним, как были образованы ФСБ, ФСО, СВР, ГФС, Росграница, Спецстрой. Начнем с Федеральной службы безопасности России. 19 декабря 1991 г. на базе упраздняемых на тот момент Министерства внутренних дел СССР, Министерства внутренних дел РСФСР, Межреспубликанской службы безопасности и Агентства федеральной безопасности создается Министерство безопасности и внутренних дел РСФСР. Но уже в 1992 г. из структуры этого ведомства отдельно выводится Министерство безопасности России, которое в 1993 г. стало именоваться Федеральной службой контрразведки. Через два года, в апреле 1995 г. она стала называться Федеральной службой безопасности. В 2004 г. в ходе административной реформы ФСБ России придан статус федеральной службы.

Федеральная служба охраны Российской Федерации была создана путем объединения Главного управления охраны Российской Федерации со Службой безопасности Президента Российской Федерации в 1996 г. В 2004 г. в состав ФСО России включена Служба специальной связи и информации, являющаяся правопреемником

Федерального агентства правительственной связи и информации Российской Федерации.

Служба внешней разведки России ведет свою историю с 1992 г. Изначально она именовалась Федеральной службой внешней разведки России (в 1996 г. в течение непродолжительного времени также называлась Федеральной службой внешней разведки). В 2004 г., наряду с ФСБ и ФСО, ей также придан статус федеральной службы.

Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации образована на базе Минсвязи России. С 1992 по 1995 г. именовалась Федеральным управлением фельдъегерской связи при Минсвязи России, затем реорганизована в Государственную фельдъегерскую службу Российской Федерации. В 1996 г. была упразднена, однако через три недели решение было отменено — и была образована Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации Министерства связи Российской Федерации. В 1997 г. в результате реформы фельдъегерская служба стала называться Государственной фельдъегерской службой при Правительстве России. Последний раз изменения коснулись службы в 2000 г., когда она была преобразована в Государственную фельдъегерскую службу Российской Федерации.

Федеральное агентство по обустройству государственной границы Российской Федерации просуществовало 9 лет — с 2007 по 2016 г. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 февраля 2016 г. Росграница как федеральное ведомство была упразднена¹, а ее функции переданы Министерству транспорта России.

Интересно проследить историю реформирования Спецстроя России. Так, в 1997 г. были ликвидированы Федеральное управление специального строительства при Правительстве России, Федеральное специализированное управление по строительству в восточных районах России при Государственном комитете Российской Федерации по жилищной и строительной политике, Главное военное эксплуатационно-восстановительное управление Государственного комитета Российской Федерации по связи и информати-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 февраля 2016 г. № 40 «Об упразднении Федерального агентства по обустройству государственной границы Российской Федерации».

зации, Центральное управление военно-строительных частей при Министерстве Российской Федерации по атомной энергии и была образована Федеральная служба специального строительства России. Однако менее чем через год, в 1998 г., созданное ведомство было упразднено. В 1999 г. было образовано Федеральное управление специального строительства при Государственном комитете Российской Федерации по строительной, архитектурной и жилищной политике, которое спустя полгода оказалось в подчинении у Правительства России, а после этого преобразовано в Федеральную службу специального строительства при Правительстве России. В 2000 г. — новая реформа и новое преобразование: в Федеральную службу специального строительства, которая в 2004 г. переименована в Федеральное агентство специального строительства. 29 декабря 2016 г. Президент Российской Федерации подписал Указ № 727 «Об упразднении Федерального агентства специального строительства», согласно которому Спецстрой России прекратил свою самостоятельную деятельность и функции его перешли в ведение Министерства обороны России. 27 сентября 2017 г. Федеральное агентство специального строительства (Спецстрой России) как юридическое лицо было ликвидировано.

Для того чтобы понять, какие задачи будут стоять перед новым министерством, стоит ознакомиться с действующими задачами, стоящими перед ФСБ, ФСО, СВР, ГФС и Спецстроем России. Эти задачи сформированы в базовых правовых актах. Так, перед ФСБ России в сфере обеспечения безопасности поставлены 15 задач¹. Мы не будем их подробно разбирать. Если кратко: управление органами безопасности, организация их деятельности; информирование Президента России, органов власти об угрозах безопасности Российской Федерации; организация выявления, предупреждения и пресечения деятельности иностранных спецслужб, террористической деятельности, организованной преступности; ведение уголовных дел; защита информации и др. У ФСО России значительно меньше задач — их 8². Это связано с тем, что в зоне ответственности ФСО находится определенное количество «специальных лиц»,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2003 г. № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 7 августа 2004 г. № 1013 «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации».

именуемых объектами государственной охраны. И именно деятельность органов государственной охраны направлена на обеспечение безопасности Президента России, Председателя Правительства, глав палат Федерального Собрания, руководителей высших судебных органов государства. Также в задачу ФСО входит обеспечение организации и функционирования федеральных информационных систем, правительственной связи, обеспечение информационной безопасности, участие в борьбе с терроризмом. СВР России имеет в своем арсенале 3 основные задачи¹, главная из которых — обеспечение Президента, Правительства и Федерального Собрания Российской Федерации разведывательной информацией, необходимой для принятия решений, в том числе в политической, экономической, оборонной областях. ГФС России насчитывает 5 задач². Все задачи идентичны по своему характеру и состоят в обеспечении доставки отправок особой важности, совершенно секретной, служебной корреспонденции Президента России, органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Росграница до своего упразднения осуществляла функции по выработке и реализации государственной политики в сфере обустройства государственной границы, создания, развития, обеспечения деятельности пунктов пропуска через границу Российской Федерации³. Полномочия упраздненного Спецстроя переданы Министерству обороны России и состоят из 7 задач. Это в основном деятельность, связанная со строительством и реконструкцией объектов обеспечения обороны и безопасности государства, строительство и восстановление автомобильных дорог оборонного и общего пользования.

Проанализировав задачи силовых органов власти, закрепленных в правовых актах, можно выделить ряд управленческих и обеспечивающих функций. К управленческим функциям относятся: управление ресурсами и средствами; информирование органов власти; выявление, предупреждение и предотвращение угроз безопасности. К обеспечивающим функциям — строительство спец-

¹ Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке».

² Указ Президента Российской Федерации от 7 апреля 2014 г. № 213 «Вопросы государственной фельдъегерской службы Российской Федерации».

³ Указ Президента Российской Федерации от 11 октября 2007 г. № 1359 «О Федеральном агентстве по обустройству государственной границы Российской Федерации» (утратил силу).

объектов, организация правительственной связи и доставка специальной корреспонденции. Помимо прочего, существуют также идентичные задачи, но у каждого в своей, сугубо специфической сфере деятельности. Это борьба с терроризмом, обеспечение информационной безопасности, разведывательная деятельность, защита сведений, составляющих государственную тайну.

По нашему мнению, целью реформы силовых министерств в сфере безопасности является обеспечение значительного повышения эффективности и надежности безопасности государства при минимальных затратах с учетом требований обновленной Стратегии национальной безопасности России и других концептуальных документов в сфере обороны и безопасности государства. В ходе проведения реформы необходимо также провести глубинные преобразования в правовой, экономической, технической, научной сферах системы обеспечения безопасности России. Это в свою очередь приведет к изменению всех структур управления в сфере безопасности государства и принципов их деятельности, к совершенствованию организационно-кадровой структуры, а также к уточнению военно-технической политики обеспечения безопасности государства.

На наш взгляд, реформы силовых структур назрели давно и являются весьма своевременными. Прежде всего это связано с изменившейся внешнеполитической обстановкой, когда России приходится отвечать на недружественные и агрессивные действия как внутри страны, так и за рубежом. Концентрация силовых структур и их интеграция в одно целое могут привести к положительным результатам в деле обеспечения всеобъемлющей безопасности страны. Однако такое укрупнение должно быть проведено с максимальной степенью эффективности, дабы не породить очередную громадную и нежизнеспособную бюрократическую структуру, которую через какое-то время придется снова расчленять на более мелкие структурные единицы. Опыт государственного строительства в нашей стране показывает, что такая опасность есть.

Сама эффективность этой деятельности, т.е. реальные и осязаемые ее результаты, во многом зависит от того, как организовано и осуществляется взаимодействие институтов власти между собой и как они взаимодействуют с институтами *гражданского общества*.

Выскажем ряд мыслей о гражданском обществе в целом. Само понятие традиционно числится в сфере социально-философских и

политико-правовых концептов и по причине своей существенной значимости часто приобретает категориальный характер. В черновиках И. Канта можно найти любопытный фрагмент, озаглавленный «Характер человеческого рода». Философ ставит вопросы и сам же отвечает на них: «Какое природное назначение человека? Высшая культура. Какое состояние делает это возможным? Гражданское общество»¹. Следовательно, гражданское общество понимается как состояние, без которого невозможно достижение подлинной культурной стадии в человеческой истории.

Г.В.Ф. Гегель, для которого государство, как известно, обладало высшей ценностью («Государство — это шествие Бога в мире»²), отмечал в «Философии права»: «В гражданском обществе каждый для себя — цель, все остальное для него ничто»³.

В целом, за всю двухсотлетнюю историю активного употребления понятия *гражданское общество* чаще всего оно сопрягалось с такими формами организации общественной жизни, как государство и семья. Часто при его употреблении явно или скрыто подразумевались различные формы общественного сознания и сферы и уровни регуляции жизни общества: экономика, право, политика, мораль. Это соотношение рассматривалось по объему и по функциям гражданского общества, а также по его роли в жизни страны.

По своему объему гражданское общество или включает в себя все, кроме государства, понимаемого как аппарат управления (по Марксу), или даже не включает в себя семью (по Гегелю). Спектр мнений и точек зрения довольно широк и порой противоречив. Гражданское общество захватывает тот уровень политических и экономических отношений, который напрямую не регулируется государством. Чаще всего в современную эпоху гражданское общество противопоставляется властному государственному аппарату.

Считается, что уровень самостоятельности и независимости гражданского общества напрямую связан с уровнем благосостояния в стране: чем богаче в стране большинство граждан, тем более они, как части гражданского общества, независимы от государства. К. Маркс отмечал: «Выражение “гражданское общество” воз-

¹ Цит. по: Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. — М.: Мысль, 2001. — С. 148.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — С. 284.

³ Там же. С. 228.

никло в XVIII в., когда отношения собственности уже освободились из античной и средневековой общности. Гражданское общество как таковое развивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и прочей идеалистической надстройки»¹.

Уже здесь отметим существенное для нашей темы обстоятельство: опыт истории показывает, что богатые люди чаще всего в часы опасности для Отечества думают лишь о спасении собственных «кошелек и жизни». Тому можно найти массу примеров хотя бы в художественной литературе. Повторим еще раз: у капиталистов нет Отечества, если перефразировать известные слова В.И. Ленина о пролетариате из его реферата на тему «Пролетариат и война»².

Отметим, что в России сами ее грандиозные размеры не способствовали развитию и процветанию как демократических тенденций в управлении страной, так и гражданского общества. Можно выделить три типа отношений между органами управления и гражданским обществом: основанные на согласии; основанные на четком разделении полномочий; конфликтные.

С высокой степенью уверенности можно констатировать, что сегодня в России отношения между органами государственного управления и гражданским обществом носят преимущественно конфликтный характер³. Ни согласия, ни четкого разделения полномочий между ними, особенно в решении важных социальных вопросов, не наблюдается. Власть рассматривается чаще всего как довлеющий над всеми гражданами страны чужеродный организм, основной целью которого являются эксплуатация и обман населения страны. Распространению таких взглядов в немалой степени способствуют не только зарубежные агенты влияния в СМИ и Ин-

¹ Маркс К. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического понимания истории // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 1. — М.: Изд-во политической литературы, 1980. — С. 71.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 26. — М.: Политиздат, 1969. — С. 28.

³ Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России: сборник статей. — М.: Ключ-С, 2012.

тернете, но и многие непродуманные действия некоторых представителей властных структур.

Причин для такого положения существует много. Здесь же мы хотим отметить, что некомпетентные государственные органы и царящая в них коррупция не всегда являются причиной всех бед, как это иногда принято считать. Кроме слабости гражданского общества и взаимного недоверия существует и такое явление, как агрессивность отдельных представителей гражданского общества и целых групп по отношению к органам государственного управления, а также ставка на возможность всеобъемлющего контроля над органами власти.

Возможность участия гражданского общества в политике обеспечения военной безопасности уже давно обсуждается учеными, политиками, военными экспертами, но на сегодняшний день единства мнений на этот счет не существует, что объясняется, с одной стороны, как мы отметили выше, недостаточной развитостью институтов гражданского общества в нашей стране, а с другой — деликатностью самой темы. Кроме того, контроль граждан над органами, обеспечивающими военную безопасность, сталкивается с рядом препятствий, начиная с исторически сложившейся закрытости этих структур и заканчивая ограничениями, установленными законодательством в этой сфере¹. Тем не менее именно механизм гражданского контроля считается одним из важнейших условий обеспечения военной безопасности страны.

Главной целью гражданского контроля выступает совершенствование системы политического управления. В принципе, в этом равным образом заинтересованы как власть, так и гражданское общество. Власть при этом должна была бы предоставлять гражданскому обществу возможности и условия для осуществления такого контроля, прежде всего через информирование его о своей военной политике и реформах в военных и силовых ведомствах.

Гражданское общество, в свою очередь, должно не просто интересоваться такого рода информацией, но и проводить широкие обсуждения соответствующих проблем, вырабатывать консолиди-

¹ Гацко М.Ф. Гражданский контроль над Вооруженными силами РФ // Научно-аналитический журнал «Обозреватель — Observer». — 2007. — № 1. — С. 14–21; Нисневич Ю.А. Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции: проблемы реализации в России // Полис. — 2011. — № 1. — С. 165–176.

рованную общественную позицию по тем или иным вопросам, осознавая то, что гражданский контроль — это не только формальность, неудовлетворение праздного любопытства или предотвращение возможных нарушений и злоупотреблений, но и забота о повышении эффективности работы контролируемых организаций.

Исследователи выделяют несколько моделей гражданского контроля над сферой обеспечения военной безопасности¹. Так, российская модель гражданского контроля над органами военного управления имеет скорее этатический характер, который обусловлен всем путем исторического развития государства. Это выражено в жестком контроле со стороны государства за процессами создания и функционирования структур гражданского общества. Эффективность гражданского контроля над органами военного управления в России усугубляется также наличием Закона о государственной тайне², который устанавливает запрет на распространение информации, отнесенной к государственной тайне. Этим широко пользуются руководители соответствующих структур, наделенных правом отнесения сведений к категории «конфиденциальная информация», и включают в соответствующие перечни и ту информацию, распространение которой им не выгодно.

К предмету гражданского контроля в области обеспечения военной безопасности традиционно относят: правовую обоснованность решений органов военного управления с точки зрения соответствия нормам российского и международного законодательства; ход выполнения программ реформирования силовых министерств и ведомств; социальную обеспеченность военнослужащих, сотрудничество с другими государственными и международными организациями в сфере обороны и безопасности; соблюдение бюджетных расходов на нужды обороны и безопасности; соблюдение законности при рассмотрении органами военного управления обращений и жалоб военнослужащих и членов их семей.

¹ Петров Д.Е. Гражданский контроль над вооруженными силами: теория и практика западных государств // NB: Национальная безопасность. — 2013. — № 3 [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_770.html (дата обращения: 21.08.2017).

² Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»; Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне».

Понятно, что отсутствие должного контроля часто приводит к совершению правонарушений. По информации заместителя Председателя Следственного комитета Российской Федерации — руководителя Главного следственного управления генерал-полковника юстиции А.С. Сорочкина, — в первом полугодии 2017 г. по линии Следственного комитета поступило свыше 16,7 тыс. сообщений о преступлениях, зарегистрировано более 5 тыс. преступлений в силовых структурах России. По его словам, в целом по стране по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. криминогенная ситуация в силовых ведомствах улучшилась¹.

Так, лидерами по снижению уровня преступности стали части и организации МЧС России, где этот показатель сократился на 49%, ФСБ России — на 29,6% и ФСО России — на 29%. Сократилось количество зарегистрированных преступлений в ФСВНГ России на 8,9%, в Вооруженных Силах Российской Федерации — на 5,1%.

Продолжается рост преступлений коррупционной направленности. По итогам 2014 г. было зафиксировано снижение общего количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, а в 2015–2016 гг. их число увеличилось. Если в 2014 г. коррупционным было практически каждое 6-е зарегистрированное преступление, то в 2015–2016 гг. этот показатель составил практически каждое 5-е и 4-е учтенное преступление соответственно.

Доминирующими видами противоправных деяний в военной сфере являются преступления против собственности. К их числу относятся мошенничество, кража, присвоение или растрата, грабежи, вымогательство и разбой. Таких преступлений в первом полугодии 2017 г. было зарегистрировано 1425. Второе место занимают преступления против военной службы — их зарегистрировано 1280. Это прежде всего нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, порядка пребывания на военной службе, несения специальных видов военной службы, а также сбережения военного имущества. Далее в этом списке стоят преступления против государственной власти, интересов государст-

¹ Интервью с заместителем Председателя Следственного комитета — руководителем Главного военного следственного управления генерал-полковником юстиции Александром Сергеевичем Сорочкиным // Вестник военного права [Электронный ресурс]. URL: <http://vvp.milportal.ru/intervyu-s-zamestitelem-predsedatelya-sledstvennogo-komiteta> (дата обращения: 21.12.2017).

венной службы и службы в органах местного самоуправления, которые включают в себя превышение или злоупотребление должностными полномочиями, служебный подлог, получение или дачу взятки. Таких преступлений в первом полугодии выявлено 1195.

Представляется, что гражданский контроль в сфере обеспечения военной безопасности состоит из трех этапов: систематический мониторинг решений и действий должностных лиц, в полномочия которых входит ответственность за обеспечение военной безопасности; проведение общественной экспертизы по конкретным решениям и действиям органов военного управления; публичное представление результатов.

Первым этапом гражданского контроля должен быть систематический мониторинг действий и решений органов военного управления. Для осуществления контроля необходима полная и достоверная информация о деятельности должностных лиц, за исключением сведений, отнесенных к государственной тайне. То есть необходима открытость и прозрачность решений в действиях власти.

Осуществлять мониторинг действий органов государственной власти позволяет Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹. Так, доступ граждан к сведениям о деятельности органов, обеспечивающих военную безопасность, возможен через опубликование сведений в средствах массовой информации, размещение в сети Интернет, предоставление информации по запросу и т.д. На данном этапе гражданского контроля остается открытым вопрос о достоверности предоставляемой информации.

Определяющими в этой ситуации остаются следующие моменты: право министерств и ведомств своими подзаконными актами ограничивать доступ к информации, относить ее к категории «конфиденциальная информация»; отказ органов военного управления предоставлять информацию в связи с тем, что она непосредственно не затрагивает права и свободы граждан; предоставление ее не в полном объеме и т.д.

¹ Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

Вторым этапом гражданского контроля должна стать общественная экспертиза конкретных решений органов военного управления. Основанием для ее проведения должно стать выявление соответствия решений и действий органов военного управления нормам Конституции, федерального законодательства и подзаконным нормативным правовым актам.

При проведении общественной экспертизы важно учитывать следующие обстоятельства: 1) для ее проведения требуются специальные знания, навыки и умения; 2) в проверке должно принимать участие значительное количество экспертов; 3) проведение экспертизы подразумевает финансовые затраты, которые ложатся на плечи граждан, а не органов власти.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2012 г. были утверждены правила раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения. Для этих целей был разработан сайт regulation.gov.ru, на котором отображаются информация о подготовке проектов нормативных правовых актов и результаты их общественного обсуждения. Отметим некоторые моменты. Общественному обсуждению не подлежат проекты нормативных актов: содержащие сведения, отнесенные к государственной тайне, и сведения конфиденциального характера; в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами; обеспечивающие выполнение международных обязательств Российской Федерации в области нераспространения оружия массового поражения, средств его доставки, а также в области контроля за экспортом продукции военного и двойного назначения.

Органы военного управления, осуществляющие функции по выработке проекта нормативного правового акта, обязаны разместить на сайте regulation.gov.ru проект нормативного акта и результаты его общественного обсуждения. Срок общественного обсуждения законопроекта может составлять от 15 до 60 календарных дней со дня размещения на сайте. В целях получения всесторонних отзывов на проект нормативного правового акта органы военного управления уведомляют Общественную палату Российской Федерации, Экспертный совет при Правительстве Российской Федерации, Общественный совет при разработчике (в случае его на-

личия в органе военного управления), а также органы и организации, целью деятельности которых являются защита и представление интересов потенциальных участников общественных отношений, на которые направлено правовое регулирование проекта нормативного правового акта. Помимо прочего, разработчик документа имеет право уведомить иные организации, которые считает целесообразным привлечь к общественному обсуждению.

В случае поступления предложений и замечаний на проект нормативного правового акта (они могут поступать в электронной или письменной форме) разработчик не позднее 60 календарных дней со дня окончания срока общественного обсуждения размещает на официальном сайте сводку предложений, поступивших в рамках общественного обсуждения. По итогам общественного обсуждения принимается решение о редактировании указанного проекта документа или об отказе от его доработки.

Третий этап гражданского контроля состоит в публичном представлении результатов общественной экспертизы и мониторинга действий органов власти. Самые разные общественные организации, включая правозащитные, профсоюзные, ветеранские, женские, претендуют на особую роль в гражданском контроле над силовой составляющей государства и системой обеспечения военной безопасности. В России наибольшую известность в этом контексте приобрели Всероссийская общественная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, Комитет солдатских матерей России, Комитет ветеранов войн, Московская Хельсинская группа, Национальный антикоррупционный комитет, Российский Союз ветеранов Афганистана и многие другие.

Это, безусловно, свидетельствует о росте гражданской активности в нашем обществе, наличии в нем неудовлетворенности тем, как функционируют и управляются со стороны государственных органов соответствующие военные структуры. В то же время понятно, что никакая общественная организация не может монополизировать право на гражданский контроль в военных вопросах, ибо это быстро приведет к ее превращению в закрытую корпоративную структуру. Напротив, самый широкий и открытый общественный контроль может стать залогом позитивных изменений в этой сфере.

Самые разнообразные средства массовой информации могут сыграть в этих изменениях позитивную роль, ибо в работе механизма гражданского контроля именно СМИ выступают в качестве посредника между гражданским обществом и органами власти. По данным Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, на середину 2017 г. в реестре Роскомнадзора зарегистрировано всего 78 293 средства массовой информации, из которых 790 в первом квартале нынешнего года впервые получили лицензию. Годом ранее, в первом квартале 2016 г., их было 626, а в первом квартале 2015 г. — 666. В первом квартале 2017 г. было зарегистрировано 402 сетевых издания. Сравним: в первой четверти 2015 г. этот показатель составлял 201, а в первом квартале 2016 г. — 191¹.

В то же время число впервые зарегистрированных печатных изданий уменьшилось с 377 в начале 2016 г. до 270 в первой четверти 2017 г. Количество зарегистрированных сетевых СМИ, таким образом, превысило число печатных изданий. Подчеркнем, что россияне все чаще получают новости именно через Интернет. В 2017 г. Сеть используют для поиска новостных материалов 32% жителей нашей страны против 22% в 2015 г. Более того, Интернет является главным источником новостей для 65% россиян в возрасте от 18 до 24 лет и для 50% наших сограждан в возрасте 25–34 лет².

подавляющее большинство изданий в Российской Федерации принадлежат органам власти — вследствие этого на сегодняшний день отечественные СМИ не являются средством выражения гражданской позиции общества. Эту роль взяли на себя Интернет, социальные сети, блогосфера, от которых не приходится ждать ни объективности, ни ответственности за информацию. Чтобы СМИ могли выполнять функцию реального механизма гражданского контроля, необходимо значительное количество негосударствен-

¹ Перечень наименований зарегистрированных СМИ // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media> (дата обращения: 29.09.2017).

² Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. [Электронный ресурс]. URL: <http://rkn.gov.ru> (дата обращения: 25.08.2017).

ных СМИ, в том числе сетевых, способных предоставить возможности для выражения в обществе мнений.

В настоящее время в нашей стране реализуются определенные мероприятия, направленные на повышение эффективности гражданского контроля в отношении органов, обеспечивающих военную безопасность России. Граждане Российской Федерации имеют возможность участвовать в осуществлении гражданского контроля над органами военного управления через общественные организации, через парламентариев Федерального Собрания либо в иной форме, в порядке, предусмотренном законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹, а также согласно ведомственным нормативным актам. Как мы отметили выше, в ряде министерств и ведомств, обеспечивающих военную безопасность, созданы и функционируют общественные советы и ветеранские организации, которые осуществляют: консультации по специальным вопросам; помощь в разработке законодательства; наблюдение за исполнением решения властей; исполнение определенных государственных функций, которые были переданы общественным учреждениям.

Общественные советы устраивают слушания по актуальным вопросам в области обороны, приглашают представителей руководящего состава силовых структур, направляют запросы в органы военного управления. Важным направлением деятельности общественных советов является проведение открытых мероприятий, призванных содействовать максимально широкому подключению институтов гражданского общества к решению острых проблем в сфере обеспечения военной безопасности.

Но общественные советы в большинстве своем исполняют декоративную функцию. Состоящие в них в большинстве своем представители политической и культурной элиты не обладают необходимыми знаниями в обсуждаемых вопросах, не имеют опыта решения проблем, стоящих перед организациями, в советах при которых они состоят. К тому же решения, принимаемые общественными советами, носят сугубо рекомендательный характер, и потому руководители соответствующих органов государственного управления не всегда принимают их во внимание, а иногда эти решения до них просто не доходят.

¹ Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Значительной проблемой представляется и разобщенность самого гражданского общества, интересы которого разновекторны. Чтобы граждане не начали гражданскую войну, они должны быть заняты мирным взаимодействием внутри гражданского общества. Граждане должны иметь навыки решения конфликтов и отстаивания своих интересов мирным путем.

Нельзя не признать, что сегодня постепенно развивается и процесс институционализации гражданского контроля над обеспечением военной безопасности в России, производятся попытки формирования нормативно-правовой базы, закрепляющей механизмы этого контроля. Но, по нашему мнению, чтобы система гражданского контроля над органами военного управления функционировала эффективно, необходимо выполнять еще ряд задач, в том числе: обучать представителей «гражданских» органов власти и представителей силовых институтов основам военно-гражданских взаимоотношений, теоретическим аспектам регулируемого процесса, способам и методам выработки и достижения социально значимых целей; привлекать к обсуждению вопросов обеспечения военной безопасности компетентных экспертов, в первую очередь из числа научных работников, специализирующихся на данной проблематике; отказаться от чрезмерной секретности. Необходимо более активно привлекать гражданских специалистов для обсуждения вопросов теории и практики обеспечения военной безопасности, различных проектов нормативных правовых актов в этой сфере, использовать современные информационные технологии. Видимо, должен быть уклон не просто в сторону изучения общественного мнения, а в сторону научного исследования проблемы.

В то же время некоторые ученые, например, предлагают строить систему гражданского контроля на принципах «всеохватности, всеобщности, гласности, обязательности, многообразия форм и признания органов гражданского контроля законными представителями определенного круга лиц, выступающих в защиту общественных интересов»¹. Однако, если безоговорочно и одновременно внедрить в практику перечисленные принципы, гражданский контроль в России окажется недостижимой задачей, поскольку инсти-

¹ *Давтян Д.В.* Гражданский контроль как механизм обратной связи в процессе взаимодействия власти и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 7-2. — С. 52–54.

туты гражданского общества еще недостаточно развиты, а взаимопочтение между властью и обществом — явление скорее желаемое, чем действительное. В этом случае приходится опираться на кодифицированное право.

Правовой основой контроля над сферой обеспечения военной безопасности выступает Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹. Документ устанавливает правовые основы осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти. При анонсировании проекта данного закона в СМИ² отмечалось, что законодательным инициатором был непосредственно Президент России В.В. Путин. То есть это в полном смысле этого слова «президентский закон».

В рамках исследования нас интересует, как этот закон может повлиять на осуществление гражданского контроля в отношении обеспечения военной безопасности. Данный правовой акт устанавливает, что общественный контроль может осуществляться в форме общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы. Однако пункт 2 статьи 2 Закона фиксирует, что общественный контроль за деятельностью в области обеспечения обороны страны и безопасности государства регулируется иными федеральными законами. То есть в том числе и законом «О государственной тайне»³ и Указом Президента России «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне»⁴. У органов государственной власти есть правовые основания серьезно ограничивать деятельность представителей гражданского общества в сфере общественного контроля. Таким образом, возможно огульное и тотальное отнесение любых сведений к категории «государственная тайна».

¹ Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

² *Вандышева О.* Чиновников — под общественный контроль // Expert Online [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2014/03/13/chinovnikov-pod-obschestvennyj-kontrol/?ny> (дата обращения: 07.07.2017).

³ Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне».

Закон определяет, что государственная тайна — защищаемые государством сведения, в том числе в области его военной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации¹. Это 113 категорий сведений, в том числе сведения, раскрывающие расходы денежных средств на заказы, разработку, производство или ремонт вооружения, военной техники; сведения о подготовке кадров для сил и средств обеспечения военной безопасности; сведения о содержании или результатах научно-исследовательских работ; сведения о дислокации и деятельности режимных объектов и т.д.

Отсюда можно сделать вывод, что реальных правовых основ гражданского контроля над сферой деятельности органов обеспечения военной безопасности практически нет. Те законы, которые позволяют это делать в настоящее время², по большей части противоречат закону о государственной тайне. А это, в свою очередь, создает серьезную правовую коллизию. К сожалению, в настоящий момент господствует установка на силу как единственный серьезный аргумент, что, с одной стороны, естественно для ведущего войну государства. С другой стороны, гражданское общество тем самым отодвигается на второй план. Более того, оно зачастую презирается, что не способствует формированию здоровых социально-психологических отношений в обществе.

Одним из направлений деятельности в вопросах обеспечения военной безопасности является также *парламентский контроль*, т.е. система проверок, осуществляемых палатами, его комитетами и комиссиями, специализированными органами, созданными парламентом, отдельными депутатами Федерального Собрания Российской Федерации.

В идеале основными целями парламентского контроля являются в том числе укрепление законности и правопорядка, выявление

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне».

² Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»; Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

ключевых проблем в деятельности государственных органов Российской Федерации, повышение эффективности системы государственного управления и привлечение внимания соответствующих государственных органов и должностных лиц к выявленным в ходе осуществления парламентского контроля недостаткам в целях их устранения.

Контрольная деятельность российского парламента может проводиться в различных формах, таких как заслушивание докладов и отчетов руководителей и должностных лиц органов государственного управления, направление парламентариями депутатских запросов, проведение парламентских слушаний и расследований. При этом парламентский контроль должен базироваться на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, самостоятельности и независимости субъектов парламентского контроля, разделения властей, гласности, организационно-правовых гарантий их полного, правильного и своевременного осуществления.

По результатам парламентского контроля в той или иной форме могут быть приняты различные меры: предложить государственному органу и соответствующим должностным лицам принять меры по устранению выявленных нарушений законодательства Российской Федерации, а также по устранению причин и условий, способствовавших совершению выявленных нарушений; обратиться к лицам, имеющим в соответствии с законодательством право принимать решения об освобождении от должности лиц, деятельность которых носила неудовлетворительный характер; обратиться в органы прокуратуры Российской Федерации или Следственный комитет Российской Федерации.

Крайне важно, чтобы парламентский контроль был независим от контролируемых органов государственной исполнительной власти и лиц, ее осуществляющих. Это закреплено и в российском законодательстве, где действует Федеральный закон Российской Федерации от 7 мая 2013 г. «О парламентском контроле»¹; одним из его принципов является самостоятельность и независимость субъектов парламентского контроля.

Однако своеобразие ситуации в России состоит в том, что никаких специальных парламентских механизмов контроля органов

¹ Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле».

обеспечения военной безопасности, а также реальных правовых механизмов такого контроля нет. Это представляется серьезным упущением со стороны и власти, и гражданского общества. Ведь парламентский контроль необходим прежде всего самим органам военного управления. Этот контроль перекладывает часть ответственности за те мероприятия, которые получили одобрение законодателей. Тем более если военные действия были неудачными.

Кроме того, постоянный и регламентированный парламентский контроль лучше непрофессиональных дискуссий в средствах массовой информации¹. По всей видимости, ни руководители российских органов государственной власти, ни российские парламентарии не осознали необходимость создания подобных механизмов. Российские же институты гражданского общества решить такую задачу, во-первых, не в состоянии в силу их недостаточной развитости, а во-вторых, и не должны, так как это не совсем их прерогатива.

По нашему мнению, эффективным элементом в структуре механизма контроля над обеспечением военной безопасности может стать и учреждение специальной должности военного омбудсмана. Данная инициатива уже частично рассматривалась в научном сообществе².

В Российской Федерации конституирована должность Уполномоченного по правам человека. Институт омбудсмана, или иначе — государственного правозащитника, выступающего в роли своеобразного адвоката общества перед государством, возник как один из важных механизмов общественного контроля над тем, как государство соблюдает свои обязательства в сфере прав и свобод человека. В нашей стране существуют должности омбудсмана по разным вопросам: Уполномоченный при Президенте по защите прав предпринимателей, Уполномоченный при Президенте по правам ребенка, Уполномоченный по вопросам Интернета. В то же время институт омбудсмана не претендует на то, чтобы заменить собой традиционные органы и механизмы контроля. Основа его

¹ *Рыжак Н.И.* Контроль законодательной власти за деятельностью спецслужб (Теоретико-правовые вопросы исследования): дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998.

² *Князькин С.А.* Институт Уполномоченного по правам человека в международном и внутригосударственном механизме защиты прав человека: дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2000.

работы — критическое сотрудничество с органами власти различных уровней. Другой важной задачей уполномоченного по правам человека является правовое просвещение. Указанная должность в Российской Федерации учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Уполномоченный независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам, в пределах своей компетенции обладает рядом полномочий, в том числе беспрепятственно посещать воинские части, запрашивать необходимые документы и материалы, получать объяснения должностных лиц и т.д. Приходится констатировать, что в организационной структуре аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации военнослужащим уделено не слишком много внимания. Вопросами защиты прав военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов занимается всего один отдел, т.е. примерно 10 человек. В связи с этим возникает вопрос о критериях эффективности в деле защиты прав военнослужащих со стороны российского омбудсмена. Именно поэтому стоит учредить отдельную должность Уполномоченного по правам военнослужащих в Российской Федерации. Такие должности, например, имеются в Норвегии, Германии, Боснии и Герцеговине и др.

В обязанности военного омбудсмена могли бы входить следующие функции: реагирование на нарушение установленного порядка в отношении лиц, обеспечивающих военную безопасность; выработка рекомендаций, направленных на предотвращение противозаконных действий. Омбудсмен должен действительно реагировать на нарушения, рассматривать жалобы, объективно и независимо рассматривать их, а также контролировать действия правоохранительных органов. Выработка рекомендаций будет направлена на то, чтобы обеспечение военной безопасности проходило с соблюдением принципа главенства закона. Главным требованием к военному омбудсмену должна быть его независимость от органов военного управления, т.е. он должен быть гражданским лицом.

Гражданское лицо в роли военного омбудсмена удобно тем, что он более или менее свободен от давления военных кланов в принятии решений. Однако здесь могут возникнуть другие проблемы: он может быть коррумпирован или иметь низкий уровень специаль-

ной профессиональной подготовки. В целом, введение этой должности целесообразно лишь в случае назначения на нее патриота и профессионала. Это ни в коем случае не должна быть очередная синекюра для чиновников.

Нельзя забывать о том, что обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина призвана осуществлять Прокуратура Российской Федерации. В ее структуре есть специализированное подразделение — Военная прокуратура Российской Федерации, которая осуществляет надзор за исполнением законов в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах. Недавним новшеством стало то, что с 2017 г. все работники военной прокуратуры перешли из штата Министерства обороны России в постоянный кадровый состав Генеральной прокуратуры Российской Федерации и теперь полностью независимы от органов военного управления. Ранее складывалась парадоксальная ситуация: тогда сотрудники военной прокуратуры, которые по долгу своей деятельности должны были осуществлять надзор за исполнением законов, стояли на балансе Министерства обороны России (включая денежное содержание, жилищное обеспечение) и находились в определенной зависимости от решений Минобороны России.

Таким образом, можно констатировать, что в Российской Федерации созданы и функционируют властные механизмы обеспечения военной безопасности, которые имеют в своем составе практически все необходимые структурные элементы. Главная проблема, по нашему мнению, состоит в организации их взаимодействия и синхронизации их деятельности.

Несмотря на то, что одним из важнейших условий обеспечения военной безопасности любой страны является механизм гражданского контроля, российская модель гражданского контроля над органами военного управления зачастую является фикцией. К тому же она имеет ряд недостатков, вследствие чего вся ее эффективность близка к нулю. Чтобы система гражданского контроля над органами военного управления функционировала эффективно, необходимо обучать представителей гражданского общества теоретическим аспектам регулируемого процесса, способам и методам выработки и достижения социально значимых целей, привлекать к обсуждению вопросов обеспечения военной безопасности

компетентных экспертов. Эти эксперты прежде всего должны быть учеными, специализирующимися на данной проблематике.

Необходимо активнее использовать современные информационные технологии для обсуждения вопросов теории и практики обеспечения военной безопасности, проектов нормативных правовых актов в этой сфере. Видимо, целесообразно создать специализированную электронную площадку для обсуждения всего круга вопросов, связанных с военной безопасностью.

Подчеркнем еще раз, что обеспечение военной безопасности достигается прежде всего принятием мер по предотвращению вооруженных конфликтов, мирному урегулированию противоречий на стадии их возникновения. Поэтому гарантированное обеспечение военной безопасности страны возможно лишь при создании глобальной системы обеспечения безопасности на строго научной основе и укомплектованной высокопрофессиональными и преданными стране и делу кадрами.

3.2. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Во времена цивилизационного противостояния трансформация самой сущности войны приводит к изменению понимания военной безопасности. Совершенствование способов истребления себе подобных толкало людей на изучение разнообразных подходов к проблеме безопасности, в том числе и военной, ибо людей в человеческой истории чаще всего истребляли на войне — величайшей опасности для единичного и общего социального бытия.

Причем сами войны различные цивилизации понимают по-разному. Например, отношение к войне как к трагедии характерно по преимуществу для европейской цивилизации. Китайская цивилизация традиционно относится к войне как к вполне естественному и обыденному явлению политической реальности. Это видно даже из знаменитого трактата Сунь-Цзы «Искусство войны». Страшно представить, что будет с Россией, если полтора миллиарда китайцев — эта страшная и чуждая европейской культуре биомасса — начнет войну с нашей страной! Не менее страшна возможность гибели всей человеческой цивилизации из-за прихоти полубезумного лидера Северной Кореи, уже давно потерявшего все связи с социальной и геополитической реальностью.

В любом современном государстве, вне зависимости от формы правления и господствующего режима, властные механизмы обеспечения военной безопасности представляют собой подсистему властного механизма государственного управления. Деятельность этого механизма определяется военной политикой государства. Высшие органы государственной власти создают политические и экономические условия и предпосылки этой деятельности, задавая информационные, идеологические, технические и технологические направления развития военной политики. Следовательно, задача обеспечения безопасности страны, укрепления ее обороноспособности всегда решается на высшем уровне государственного управления.

Эти решения должны находить свое отражение в документах самого высокого административного уровня и самого высокого уровня обобщения, к каковым относятся доктрины, концепции и стратегии. Для этого необходимы соответствующая методология и научная база, опирающиеся на новейшие достижения социально-гуманитарных и общественных наук. И такие документы в Российской Федерации действительно имеются — на их основании разрабатываются и издаются законы, в соответствии с которыми в дальнейшем действует властный механизм обеспечения военной безопасности государства.

Исчерпывающий перечень документов, регламентирующих отношения в сфере обеспечения всех видов безопасности государства, можно найти на официальном сайте Совета безопасности Российской Федерации¹. При их изучении обращает на себя внимание, что все они введены в действие различным способом: одни введены указами Президента, другие утверждены Президентом и имеют регистрационный номер, третьи просто утверждены и не имеют никаких идентификационных признаков, кроме даты утверждения. Это обстоятельство свидетельствует прежде всего об отсутствии единого подхода к разработке документации такого уровня, а также о различной степени их проработки.

С позиции же данного исследования мы обратили внимание на отсутствие документа концептуально-доктринального уровня, по-

¹ Официальный сайт Совета безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/1> (дата обращения: 07.07.2017).

священного именно военной безопасности. Это обстоятельство может породить ряд проблем, ибо обеспечение военной безопасности государства является одной из основных задач руководства государства и лично Президента России. Конечно, львиная доля вопросов, касающихся обеспечения военной безопасности, нашла свое отражение в Военной доктрине Российской Федерации¹. Однако в ней недостаточно проработаны общие методологические основы решения проблемы военной безопасности, в частности: кого следует считать потенциальным противником; кто должен участвовать в деятельности по обеспечению безопасности и в какой степени; каков механизм выработки и принятия к реализации решений по предупреждению и пресечению военных угроз, ликвидации их последствий и др.

В обновленной редакции Военной доктрины также присутствует раздел «Военные опасности и военные угрозы Российской Федерации», приведены определения основных понятий, используемых в доктрине. Подобные разделы логичнее было бы разместить в Концепции, а задачи по развитию военной организации и строительству и развитию Вооруженных Сил, развитию оборонно-промышленного комплекса — в Стратегии.

Кроме того, обращают на себя внимание эклектичность этих документов и отсутствие структурной связности между ними. В одних сферах деятельности разработаны и приняты доктрины (Военная доктрина, Доктрина информационной безопасности), в других — стратегии (Стратегия национальной безопасности, Стратегия социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2020 года), в третьих — концепции (Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года).

По анализу внешних признаков создается впечатление, что либо отсутствует единое руководство процессом разработки документов концептуального и доктринального уровня, либо у этого руководства отсутствует четкое понимание статуса и соотношения этих документов, их назначения и внутренней логической связи между ними. Такое положение может являться в том числе следст-

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

вием недостаточной научной проработки понятий *концепция*, *доктрина*, *стратегия*, их соотношения и иерархии. При кажущейся простоте вопроса на него нет однозначного ответа. Во многом по этой причине разные по характеру документы — концепции, доктрины, стратегии — содержат схожие, а порой одинаковые разделы. Отсюда наблюдается своеобразная смысловая тавтология. В то же время положения о том, кто и что должен делать в ближайшей и отдаленной перспективе, чтобы обеспечить военную безопасность страны, нет ни в одном из принятых документов. Устранение подобных недостатков невозможно без уяснения и уточнения содержания понятий *концепция*, *доктрина*, *стратегия*.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона отмечает¹, что термин *концепция* есть синоним термина *понятие*. И.П. Антонов полагает, что научная категория *концепция* как базовый способ организации дисциплинарного знания представляет собой одну из разновидностей систем и обладает всеми присущими ей признаками. Она, по его мнению, формируется из взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов (общие принципы, универсальные для определенной теории, философские законы, категориальный аппарат, применяемый к исследуемому объекту, и структура сферы международных отношений, к которой применяются все утверждения предложенной теории). И.П. Антонов предлагает понимать под термином *концепция* «систему взглядов, выражающую определенный способ видения (“точку зрения”), понимания, трактовки каких-либо предметов, явлений, процессов и преследующую ведущую идею или (и) конструктивный принцип, реализующиеся в определенный замысел на практике»².

Термин *концепция* употребляется также для обозначения ведущего замысла, конструктивного принципа в научной, художественной, технической, политической и других видах деятельности³.

¹ Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Брокгауз%20и%20Ефрон> (дата обращения: 07.07.2017).

² Антонов И.П. Особенности и соотношение категорий «концепция» и «доктрина» в науке международного права [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=13&Itemid=40 (дата обращения: 07.07.2017).

³ Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2537 (дата обращения: 07.07.2017).

Если учесть, что *принцип* (от лат. *principium* — первоначало, основа) является центральным понятием, руководящей идеей, основанием системы и что под принципом понимают «закономерность, выраженную в виде определенного научного положения, закрепленного в большинстве своем системой права и применяемого в теоретической и практической деятельности»¹, то понятие *концепция* выступает не только основополагающим способом оформления, организации, развития научного знания, но и основополагающим способом организации и выражения взглядов руководства страны на ту или иную сферу жизнедеятельности общества. В том числе и в первую очередь — на вопросы обеспечения безопасности государства и обеспечение военной безопасности как ее составной и неотъемлемой части.

При общем согласии с подходом И.П. Антонова к трактовке понятия *концепция* мы считаем, что нельзя согласиться с тем, что «концепция связана с системой ценностей, определяемой социумом в конкретный исторический период»². На наш взгляд, концепция самым непосредственным образом связана с системой научного знания, которым располагает социум на данном отрезке истории, в отношении реконструируемого в концепции объекта или процесса. Преобладающая же в конкретный исторический период в социуме система ценностей, по нашему мнению, должна находить свое отражение в доктрине, которая охватывает гораздо более высокий, сущностный уровень явления.

Доктрина (лат. *doctrina* — учение) — это систематизированное политическое, идеологическое или философское учение, совокупность принципов. В Российской Федерации доктрина в качестве источника российского права официально не признается, однако фактически им является. В научной литературе по поводу признания за юридической доктриной статуса источника права нередко высказываются полностью противоположные точки зрения, и еди-

¹ *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления: курс лекций. — М.: Изд-во юридической литературы, 1997. — С. 188.

² *Антонов И.П.* Особенности и соотношение категорий «концепция» и «доктрина» в науке международного права [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=13&Itemid=40 (дата обращения: 07.07.2017).

ного мнения по данному вопросу в российской науке нет¹. Это объясняется значительным многообразием в понимании самого понятия *доктрина*, которому порой приписывается негативное значение комплекса навязываемых силовыми методами идеологических воззрений.

В российской политической науке *военная доктрина* трактуется как «научно обоснованная и официально принятая на достаточно длительный период времени система руководящих установок, определяющих применение средств военного насилия в политических целях, характер военных задач и способы их решения, направленность военного строительства. Устанавливает сущность, цели и характер возможных войн, военно-политические, стратегические, технические, экономические, правовые и другие важнейшие аспекты военной политики, касающиеся подготовки государства к войне или к отражению агрессии»². Такая — слишком широкая — трактовка понятия доктрина неизбежно приводит к пересечению объемов понятий *доктрина* и *концепция*.

Видимо, современная эпоха характеризуется тем, что цивилизационные особенности находят свое отражение на доктринальном уровне, в том числе и в тех аспектах, которые относятся к вопросам безопасности государства и конкретным механизмам, призванным ее обеспечивать.

С нашей точки зрения, главной особенностью доктрины в политологическом контексте является ее идеологическая и политическая направленность. Вследствие этого и в целях исключения смысловой тавтологии с концепцией в доктрине должны быть выражены политические цели, поставленные руководством страны перед обществом, и конкретные задачи по их достижению, а также принципы, которых следует придерживаться при осуществлении деятельности по достижению поставленных целей. А вот кто, что и в какой последовательности должен делать, чтобы этих целей достичь, следует изложить в стратегии.

Стратегия (от греческого *στρατηγία* — «искусство полководца»), военное искусство) — это план ведения игры при любом воз-

¹ Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. — Барнаул, 2007.

² Политическая наука: Словарь-справочник [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology> (дата обращения: 08.07.2017).

можном ходе другого игрока (других игроков)¹. Это набор правил, согласно которым предпринимаемые действия должны зависеть от обстоятельств, включая естественные события и действия других людей. Другими словами, стратегия — интегрированная модель действий. В классическом понимании стратегия есть предельно общий, без ухода в излишнюю конкретику, план военной деятельности, который охватывает длительный период времени. В общепотребительном значении термин *стратегия* стал обозначать способ достижения некоей сложной цели, а позднее вылился в понимание путей достижения цели при любой деятельности человека.

Таким образом, иерархия документов высшего уровня планирования, по нашему мнению, должна выглядеть следующим образом:

КОНЦЕПЦИЯ → ДОКТРИНА → СТРАТЕГИЯ

В самом фундаменте такой проблемы, как комплексное обеспечение военной безопасности, должна лежать концепция.

Концепция должна содержать следующие разделы:

- предметная область (научная трактовка проблемы);
- трактовка понятий (термины и определения);
- объекты и субъекты (участники процесса);
- общие задачи;
- общие методы.

Предметом дискуссии здесь может быть вопрос о том, должна это быть *Концепция национальной безопасности* или *Концепция государственной безопасности*. Существующие на данный момент времени документы не устанавливают какого-либо различия между этими понятиями, что является грубейшей методологической ошибкой. В документе под названием *Концепция национальной безопасности* речь должна идти о нации и ее безопасности, а в документе под названием *Концепция государственной безопасности* — о безопасности государства.

Понятия *нация* и *государство* далеко не тождественные. Идеология — это не страна и не народ. Интересы правящей элиты могут не совпадать с интересами народных масс, что неоднократно подтверждалось событиями российской истории. В российской

¹ Политология. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology> (дата обращения: 08.07.2017).

философской мысли нацию чаще всего трактуют как «историческую общность людей, складывающуюся в ходе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, некоторых особенностей культуры и характера»¹. То есть объектом, безопасностью которого необходимо обеспечить, в понятии *национальная безопасность* является общность людей, обладающая следующими отличительными (идентификационными) признаками: общность территории; общность экономических связей; общий язык; общая культура; некоторые (свойственные всем) особенности характера.

Под термином *государство* принято понимать организацию оседлого населения, занимающего определенную территорию и подчиняющегося одной и той же власти. Таким образом, в понятие *государство* входят три элемента: население (народ); территория; власть².

При отсутствии хотя бы одного из этих признаков объект перестает быть самим собой, т.е. теряет самоидентичность. Поэтому при решении вопроса обеспечения его безопасности необходимо решать и вопрос сохранения его идентифицирующих свойств. Другими словами, в содержание понятия *обеспечение национальной безопасности* должна входить защита: проживания общности людей на определенной территории; экономического пространства; языка; культуры; общих черт характера. В содержание же понятия *обеспечение государственной безопасности* входит защита: территории; населения; власти.

Таким образом, в содержательном плане понятия *обеспечение национальной безопасности* и *обеспечение государственной безопасности* соприкасаются, но почти не пересекаются. Так, например, эмиграция россиян на Запад (brain drain) может рассматриваться как угроза национальной безопасности, ибо уезжает наиболее яркая часть научной, культурной, спортивной элиты, являющейся носителем и производителем культуры, цветом нации. Но такая «утечка мозгов» отнюдь не является угрозой безопасности для современной российской государственности. Скорее даже на-

¹ Философская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 08.07.2017).

² Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Брокгауз%20и%20Ефрон> (дата обращения: 08.07.2017).

оборот, ведет к укреплению государства, так как уезжают прежде всего люди, недовольные существующим положением дел в государстве и потому представляющие определенную угрозу для власти. Ущерб для генофонда страны скажется через несколько десятилетий, но уже будет поздно.

С другой стороны, например, возможность нарушения территориальной целостности представляет угрозу государству, но не является угрозой нации. Отъем части территории может даже послужить толчком в развитии или, как минимум, в сплочении нации. Как мы наблюдаем это сейчас по протестным акциям на Украине по поводу присоединения Крыма к России.

Необходимо также учитывать, что одни и те же термины в разных тезаурусах трактуются по-разному. Так, если в традиции русской философской мысли *нация* связывается с территорией, то в американской социологии к американской нации принято относить любого человека, разделяющего американские ценности¹.

Нация — понятие, объединяющее людей, живущих на общей территории и связанных единым социально-экономическим пространством, но не всегда кровными и культурными узами, в отличие от народа и народности. Американская нация включает представителей самых разных этнических культур, которые, оставаясь немцами, голландцами, русскими или китайцами, признают себя американцами. Именно вследствие такого подхода Концепция национальной безопасности США будет носить экстравертивный, т.е. экспансионистский характер, а Концепция национальной безопасности России — интровертивный, т.е. оборонительный характер.

Эти вопросы не являются предметом данного исследования, и мы не будем на них останавливаться. Они требуют внимательного и детального рассмотрения и исследования. Мы же еще раз констатируем, что при разработке концепции необходимо учитывать различие понятий *национальная безопасность* и *государственная безопасность*.

Учитывая, что концепция должна выражать именно научную трактовку проблемы, при разработке новой концепции необходимо также отказаться от не совсем правильной, с точки зрения ме-

¹ *Максаковский В.П.* Географическая картина мира. Книга 2. Региональная характеристика мира. — М.: Дрофа, 2009.

тодологии науки, точки зрения на безопасность лишь как на состояние защищенности¹. Необходимо уточнить состав объектов и субъектов военной безопасности, а также их роль в процессе ее обеспечения.

Нужно отказаться и от архаичного представления о том, что главную роль в обеспечении военной безопасности играют вооруженные силы. Ни Швейцария, ни Австрия, ни страны Бенилюкса не имеют сколь-нибудь значимых вооруженных сил, но уровень их военной безопасности и они сами, и страны-соседи, без сомнения, оценивают как очень высокий. Коста-Рика — единственная страна в мире, которая вообще не имеет собственной армии. В то же время Советский Союз, имея мощнейшую в мире и боеспособнейшую армию, потерпел сокрушительное поражение, по сути, в Третьей мировой информационно-психологической войне².

Видимо, именно инициированная М.С. Горбачевым перестройка может рассматриваться как завершающий этап «холодной войны», в которой Советский Союз был побежден не на полях сражений, но усилиями «пятой колонны». Недаром патриотически ориентированные ученые рассматривают перестройку как «революцию сверху», явившуюся составным элементом «проводившейся Западом против СССР “холодной войны”, в которой наша страна потерпела поражение. Перестройка завершилась глубокими изменениями политической системы, общественно-экономического уклада, национальных отношений, всего образа жизни и культуры народов СССР и породила изменение геополитической реальности»³.

Видимо, необходимо создание такой целостной концепции национальной безопасности России, в которой базисным мировоззренческим концептом стала бы идея патриотизма. Мы уже писали

¹ *Атаманов Г.А.* Методология безопасности // Фонд содействия научным исследованиям проблем безопасности «Наука-XXI». 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://naukaxxi.ru/materials/302> (дата обращения: 09.07.2017).

² *Лисичкин В.А.* Третья мировая информационно-психологическая война [Электронный ресурс]. URL: <http://probib.narod.ru/social/liaic/lisic1.html> (дата обращения: 09.07.2017).

³ *Горохов П.А., Батеженко В.В.* Феномен перестройки четверть века спустя // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2010. — № 7. — С. 51.

выше об идее Президента Российской Федерации объявить патриотизм национальной идеей нашей страны, высказанной в феврале 2016 г. Действительно, эта идея, как показывает опыт истории, всегда объединяла россиян в самые сложные периоды истории Отечества. Это хорошо понимал И.В. Сталин, обратившийся 7 ноября 1941 г. к стране в тот момент, когда судьба столицы висела на волоске. Не о марксизме-ленинизме и идеологических концепциях говорил тогда вождь, но вспомнил о великих русских героях, полководцах и мужественном русском народе. С газетных шапок с годы войны исчезла формула-призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а на ее место встал клич «Смерть немецким оккупантам!». Сама война доказала неправоту марксизма в национальном вопросе, ибо именно патриотизм, чувство национальной гордости, а не отношение к средствам производства важны в годы тяжелых испытаний. Немецкий пролетарий весьма охотно воевал за Гитлера, поэтому русский мужик бил немецкого захватчика — вне зависимости от того, являлся ли он гамбургским докером, тюрингским лавочником или прусским помещиком.

Национальное и культурное чаще всего превалирует над социальным и классовым во времена вражеского нашествия. Не случайно многие ярые противники идеологии большевизма, такие как А.Ф. Керенский и А.И. Деникин, с негодованием отвергли предложения национал-социалистов биться с большевизмом на стороне немецких захватчиков. Впрочем, о подобном чувстве русского патриотизма писал еще Л.Н. Толстой в III и IV томах эпопеи «Война и мир», когда описывал патриотический порыв, охвативший все сословия тогдашнего русского общества.

Патриотизм генетически связан с вопросами военной безопасности, ибо находится в онтологическом фундаменте этого явления. В эпоху цивилизационного противостояния требуют переосмысления и последующего конституирования и общие задачи обеспечения военной безопасности. Нужно четко определить, чего же все-таки хочет власть и чего желает народ: создать (воссоздать) великую державу или повысить уровень жизни населения, сохранить любой ценой в неприкосновенности территорию или сохранить дружественные и взаимовыгодные отношения с соседями, чтобы на Россию никто не посмел напасть, но сама Россия могла наносить превентивные удары по территории потенциального агрессора и т.д. и т.п.

Сегодня в российской науке наиболее действенным, а порой и единственным методом обеспечения военной безопасности считается *сдерживание*. При этом практически все исследователи¹ связывают сдерживание с созданием мощной армии, имеющей ядерное оружие, и концепцией взаимно-гарантированного уничтожения, которая обеспечивает поддержание мира на основе неизбежности тотального возмездия противника в случае нанесения по нему первого удара.

Такая трактовка неизбежно приводит к гонке вооружений и, как следствие, к увеличению риска вооруженного конфликта, а также к хроническому дефициту бюджета из-за необходимости постоянного увеличения военных расходов. При этом почему-то забывают, что метод сдерживания может быть реализован и такими способами, как создание или вступление в уже существующие международные военно-политические блоки, заключение двухсторонних сепаратных договоров (по типу пакта Молотова–Риббентропа), участие в международных экономических союзах и организациях (ВТО, ТС и пр.).

Сдерживанию потенциального агрессора способствуют и наличие сильных морально-волевых качеств населения, его сплоченность, свободолюбие, организованность и т.п. Если потенциальный агрессор будет знать, что население государства, против которого он планирует развязать войну, никогда и никому не покорялось, что оно будет отстаивать свою независимость до последнего солдата (а солдатом в этой стране может стать каждый), то это его наверняка остановит. И именно поэтому в современных условиях на первое место выходят так называемые *информационные войны*, главная задача которых состоит в «перепрограммировании» сознания населения страны — потенциальной жертвы, создание внутри страны очагов напряженности, растаскивание на мелкие разрозненные группы по профессиональным, конфессиональным, имущественным и т.п. признакам.

Иногда в качестве метода обеспечения военной безопасности упоминается такой, как *принуждение*² — метод обеспечения воен-

¹ Гребеник В.В. Обеспечение взаимосвязи экономической и военной безопасности России в формирующейся парадигме теории безопасности ядерных государств: дис. ... докт. экон. наук. — М., 2013.

² Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Сборник научных статей [Электронный ресурс]. 2004. URL: http://makeyev.org/pub/sys/2004/russia_war_security.html (дата обращения: 10.07.2017).

ной безопасности, предпринимаемый для предотвращения межгосударственного вооруженного конфликта. Подавляющее большинство исследователей проблем военной безопасности здесь также рассматривают только вариант силового разрешения вопроса — превентивные удары по территории потенциального противника. Правовым основанием силового принуждения к миру считается решение Совета безопасности ООН¹. Российская Федерация применяла такой метод в 2008 г. в отношении Грузии по решению Президента Российской Федерации Д.А. Медведева. Очень широко этот метод использует Израиль².

Но данный метод может быть реализован и без использования вооруженных сил. Например, путем применения экономических санкций, а также в результате информационно-психологического или информационно-технического воздействия. Причем делаться это может как легальными, так и нелегальными способами.

К легальным способам можно отнести такие, как крупный совместный бизнес с влиятельными корпорациями страны — потенциального оппонента (совместные предприятия, международные экономические и торговые организации и союзы, совместное участие в крупных экономических проектах и пр.), а также давление через международные политические институты (ООН, ОБСЕ, БРИКС и др.). Лучших результатов можно добиться, применяя при этом и нелегальные способы воздействия. Например, шантаж высокопоставленных влиятельных чиновников и политиков стран — потенциальных противников — с целью принуждения их к отказу от агрессивных замыслов и агрессивной риторики; устранение с политической сцены агрессивно настроенных по отношению к нашей стране политиков; создание очагов напряженности (вплоть до вооруженных конфликтов) на территории потенциального противника.

Очень хорошие результаты здесь может дать хорошо продуманная и хорошо проведенная соответствующими спецслужбами операция по дезинформированию руководства страны-оппонента

¹ Операции ООН по поддержанию мира [Электронный ресурс]. URL: http://pbpu.unlb.org/pbps/Library/Capstone_Doctrine_ENG.pdf (дата обращения: 10.07.2017).

² *Сабит Х.Х.* Характер современных локальных войн и вооруженных конфликтов в условиях многополярного мира: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2003.

относительно военного потенциала и готовности страны к возможной в отношении нее агрессии. Одна из самых удачных операций подобного рода — грандиозная дезинформация, проведенная немецкой разведкой перед нападением на Францию. Именно эта акция способствовала сокрушительному разгрому сильной и боеспособной французской армии и взятию нацистами Парижа 22 июня 1940 г.

Но в современных условиях — глобализации и тотальной информатизации, — по нашему мнению, на первое место выходит метод, который с полным основанием можно назвать *убеждением*. Этот метод известен давно, им умело пользовались талантливые дипломаты и харизматичные политики. Реализовывался он путем информационного воздействия на должностных лиц страны — потенциального агрессора, уполномоченных или участвующих в принятии решения о начале войны, — с целью изменения их мнения в отношении силового решения вопроса. Но современные информационные технологии позволяют сегодня решать эту задачу иначе: не только посредством осуществления воздействия на руководство страны, но и на ее население, создавая необходимую для благоприятного разрешения вопроса атмосферу в обществе и оказывая таким образом на руководство страны-оппонента опосредованное воздействие.

Решаться такая задача может как легальными средствами (выступления в ООН и в других международных организациях и форумах; пропаганда с целью создания положительного образа страны в глазах населения страны-оппонента (ТВ, Интернет, кино, СМИ); расширение культурного обмена (театр, эстрада, выставки, научные форумы и т.д.); критика и осуждение агрессивной политики в отношении кого бы то ни было; призывы к разрешению конфликтов мирными способами в рамках международного права; расширение межличностных контактов с лояльными по отношению к нашей стране гражданами других государств), так и нелегальными (вербовка агентов в среде чиновников высшего эшелона власти стран-оппонентов, дезинформация правительств и населения стран-оппонентов и др.).

Выбор объекта — нация или государство, — а также методов и способов решения задачи обеспечения его военной безопасности осуществляется субъектом этой деятельности в зависимости от

имеющихся в его распоряжении ресурсов и в соответствии со сложившейся ситуацией.

На основании разработанной и конституированной согласно предложенному алгоритму Концепции обеспечения военной безопасности Президент России должен разработать и утвердить соответствующую Доктрину.

Военная доктрина — стержень военной политики государства. Она разрабатывается высшими органами политического и военного руководства. Идеи и установки Военной доктрины определяют общее направление военно-политической деятельности государства на данном конкретном отрезке исторического развития. Доктрина не должна повторять концепцию, она должна содержать ответы на конкретные вопросы: что, зачем и каким образом руководство страны планирует осуществлять деятельность по достижению главной цели — обеспечения военной безопасности того, что оно считает объектом безопасности. В Доктрине также должны быть изложены и основные принципы, которыми должен будет руководствоваться властный механизм обеспечения военной безопасности страны в своей деятельности.

Ныне действующая Военная доктрина Российской Федерации¹ к основным принципам обеспечения военной безопасности относит: сочетание твердого централизованного руководства военной организацией государства с гражданским контролем над ее деятельностью; эффективность прогнозирования, своевременность вскрытия и классификации военных угроз, адекватность реагирования на них; достаточность сил, средств и ресурсов, необходимых для обеспечения военной безопасности, их рациональное использование; соответствие уровня готовности, подготовки и обеспечения военной организации государства потребностям военной безопасности; ненанесение ущерба международной безопасности и национальной безопасности других стран.

Можно ли считать все перечисленное принципами? Думается, что нет. Ведь принцип есть основополагающее начало, руководящая идея. Этим требованиям отвечают (да и то с большой натяжкой) только первый и последний пункты. Более того, то, что с нашей точки зрения можно отнести к принципам, не выполняется.

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

Так, например, Указом Президента Российской Федерации от 8 сентября 2014 г. «О некоторых вопросах государственного управления и контроля в сфере государственного оборонного заказа вооружения, военной, специальной техники и материальных средств» упразднены Федеральное агентство по поставкам вооружения, военной, специальной техники и материальных средств и Федеральная служба по оборонному заказу¹. А уже 10 сентября 2014 г. Президент подписал Указ «О Военно-промышленной комиссии Российской Федерации»². Указ, как в нем сказано, был подписан в целях реализации государственной политики в сфере оборонно-промышленного комплекса, военно-технического обеспечения обороны страны, безопасности государства и правоохранительной деятельности.

Другим Указом Президент утвердил состав Военно-промышленной комиссии и коллегии Военно-промышленной комиссии — постоянно действующего органа при Президенте России для решения текущих вопросов. Сделано это было без какого-либо участия гражданского общества и даже Федерального Собрания. При этом никто не обращался за советом ни к отдельным ученым, ни к научным коллективам. По крайней мере, информации по этому поводу не было ни в средствах массовой информации, ни на официальных сайтах Государственной Думы и Совета Федерации, Правительства, Президента Российской Федерации. По всей видимости, проект решения в очередной раз был подготовлен кулуарно и на интуитивном уровне понимания проблемы, а это означает, что такое понимание не обязательно верно.

Недопущению подобных недостатков могла бы способствовать корректно разработанная Стратегия военной безопасности Российской Федерации. На наш взгляд, в данной Стратегии следовало бы раскрыть следующий комплекс вопросов: представление о стратегическом положении страны, существующих военных угрозах, включая оценку опасности возникновения военных конфликтов, представление о современной войне, ее законах, принципах и способах ведения; потенциальных противников, их военные цели и

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/46576> (дата обращения: 10.07.2017).

² Указ Президента Российской Федерации от 10 сентября 2014 г. № 627 «О Военно-промышленной комиссии Российской Федерации».

возможности, а также характер возможных военных действий; определение своих геополитических и национальных интересов, военных целей и возможностей; определение союзников и вовлечение их в процесс реализации общих и промежуточных целей; направления деятельности органов государственной власти по реализации целей, сформулированных в доктрине; локальные цели, достижение которых определяется как промежуточные этапы достижения общей цели.

Разумеется, ни один, даже самый совершенный документ не может предвидеть и предусмотреть все перипетии реальной геополитики и социального бытия, поэтому может и должен рассматриваться лишь как возможный футурологический конспект. Жизнь богаче наших представлений о ней, а будущее — совокупность возможных множественных путей развития. Но само это возможное развитие генетически связано с настоящим, что делает возможным социальное предвидение и прогнозирование, в том числе в сфере обеспечения военной безопасности.

Основная цель Стратегии обеспечения военной безопасности заключается в исключении возможности начала войны любого вида против нашего государства и его союзников. При осуществлении агрессии основная задача состоит в гарантированной защите целостности, суверенитета и других жизненно важных интересов государства и его союзников. Государство должно быть готовым к сдерживанию нападения любого потенциального агрессора независимо от вида агрессии и должно иметь для этого все необходимые силы и средства.

В Стратегии военной безопасности необходимо указать и конкретных противников, поскольку сведение этой категории к рискам, угрозам, вызовам и опасностям приводит к концептуальному тупику, лишаящему смысла всякую деятельность. Без четкого определения источников опасности и конкретизации их возможностей по ведению военных действий нельзя сформулировать ответ на вопросы: «Что делать?»; «Какую необходимо иметь армию?»; «Какое должна иметь вооружение?»; «С кем и против кого объединяться?» и т.д. и т.п. Так, например, для борьбы с террористами и терроризмом нет необходимости иметь ядерное оружие, атомные подводные лодки, авианосцы, вертолетоносцы и стратегические бомбардировщики. Другими словами, выбор объекта безопасности и определение источника опасности определяют всю

дальнейшую деятельность властного механизма обеспечения военной безопасности.

Но самое главное, что должно быть изложено в Стратегии, — это пути обеспечения разумного и бесконфликтного сосуществования нашего государства в условиях глобализирующегося однополярного мира. Стратегия должна учитывать все основные теоретические положения о войне. В ней должны быть прописаны программные положения о структуре и путях совершенствования военной экономики государства, основные направления модернизации армии, строительства эффективной национальной обороны страны, поддержания высокой боевой готовности армии и высокопатриотического духа населения страны.

Считаем, что и общепринятая теория обеспечения военной безопасности, отвечающая современным условиям, тем более доведенная до уровня практических руководящих документов, в настоящее время методологически не корректна. Кроме того, российская наука исследует, а российское законодательство конституирует вопросы обеспечения военной безопасности исключительно в аспекте внешних угроз.

Деятельность властного механизма обеспечения военной безопасности должна носить комплексный характер и подчиняться единой цели — предотвращению военной агрессии в отношении России. Меры по обеспечению военной безопасности должны осуществляться незамедлительно вслед за изменениями международной обстановки и обстановки внутри страны. Органом, координирующим всю деятельность по обеспечению военной безопасности государства, должен быть Совет Безопасности Российской Федерации.

Но, как показывает проведенный нами анализ, в реальной действительности этого не происходит. Более того, нормативные правовые акты, разработчиком которых был Совет Безопасности, документы доктринально-концептуального уровня, выходящие «из-под пера» Совета Безопасности, вызывают серьезные вопросы у научного сообщества. Это говорит о необходимости реформирования самого властного механизма обеспечения военной безопасности, которое не может быть результативным без привлечения научной общественности, подлинных профессионалов.

Теоретическая разработка вопросов функционирования властного механизма обеспечения военной безопасности, его значения

как инструмента достижения управленческой цели, условий и способов его применения в управленческой практике в современной России является составной частью самого этого механизма. То есть механизму поручено реформировать самого себя. К чему приводят подобные «реформы» в современной России (и не только), известно хорошо. Думается, что здесь главным недостатком, не позволяющим сменить тренд с негативного на позитивный, является разрыв между теорией и практикой, между наукой и аппаратом управления. В современной России сложилась парадоксальная ситуация — не практики опираются на теоретический фундамент, разработанный наукой, а наука выступает апологетом разработанных не очень методологически грамотными юристами и вступивших в силу законодательных актов.

Изменить создавшуюся ситуацию можно было бы, поручив разработку теоретических основ комплексной безопасности ученым, профессионально занимающимся этой проблематикой, в том числе и военной безопасностью. Геополитическая ситуация изменяется стремительно, поэтому необходимо продумать пути адекватного улучшения структуры властного механизма обеспечения военной безопасности, проектов нормативных правовых документов, регламентирующих отношения в этой сфере. Это может быть сделано на конкурсной основе через систему грантов научными коллективами (или отдельными учеными) под общим руководством Научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации.

Совершенствование законодательной базы должно быть направлено прежде всего на решение таких вопросов, как: существенное повышение качества законов и нормативных правовых актов России, в первую очередь касающихся обеспечения военной безопасности; создание механизмов гарантированного финансирования предписанных законодательством работ по обеспечению военной безопасности России; формирование разумной и демократичной модели процесса разработки и принятия законов в области военной безопасности, а также усиление требований к содержанию законов и нормативных правовых актов, касающихся военной безопасности.

Необходимо законодательным путем стараться предотвратить возможности проявления как правового нигилизма, так и правового фетишизма. Право не должно рассматриваться как панацея для

решения всех без исключения социальных проблем, не должно служить тормозом для действенного и своевременного решения задач реальной политической жизни. С другой стороны, нигилистическое отрицание права как со стороны государственных властных структур, так и со стороны народных масс, имеющее место в современной России, в эпоху цивилизационного противостояния должно быть сведено к минимуму. Правовой нигилизм сам по себе ослабляет патриотизм как базисную составляющую российской ментальности, а потому должен рассматриваться как опасность для властного механизма, призванного обеспечивать военную безопасность страны.

При создании новой парадигмы военной безопасности нужно отдавать себе отчет в следующем: выход из ситуации цивилизационного противостояния возможен только путем совместной деятельности большого числа властных структур ведущих мировых держав и международных организаций. Альтернатива мирного решения и сглаживания цивилизационных противоречий — война, но она может привести к гибели всей человеческой цивилизации. Поэтому Запад так активно проводил и проводит информационную войну против Русского мира, надеясь уничтожить Россию так же, как был уничтожен Советский Союз: с помощью политических агентов влияния, «пятой колонны» и деятельности антипатриотической информационной среды.

Таким образом, совершенно очевидно, что деятельность властного механизма обеспечения военной безопасности определяется глубинной военной политикой государства, которую формируют высшие органы государственной власти. Действующая сегодня парадигма военной безопасности, обоснованная и конституированная российским законодательством, методологически не совсем состоятельна и требует немедленного и глубокого переосмысления объединенными усилиями философов, политологов, социологов.

Хотя в Российской Федерации разработаны и введены в действие правовые документы, в соответствии с которыми должен действовать властный механизм обеспечения военной безопасности государства, в этих разработанных и принятых законодателем документах порой отсутствуют системность и структурная связность. Наличествуют также досадные и недопустимые для документов такого уровня эклектика и тавтология. На наш взгляд,

это — следствие недостаточной методологической проработки категориального и понятийного аппарата проблемы военной безопасности в целом.

В эпоху цивилизационного противостояния глубокому теоретическому анализу должны быть подвергнуты все аспекты проблемы — не только внешние источники угроз, но и внутренние. Должны быть осмыслены не только легальные методы решения задачи обеспечения военной безопасности, но и нелегальные, не только военные, но и экономические, в числе которых — санкции, широко применяемые в настоящее время как в отношении России, так и Россией в отношении ведущих стран Запада. На наш взгляд, разработку новой парадигмы обеспечения военной безопасности необходимо начинать с переосмысления философско-методологических оснований и поручить это на конкурсной основе профессиональным научным коллективам. Организацию этого процесса, видимо, целесообразно возложить на Совет Безопасности Российской Федерации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложность, динамизм и непредсказуемость современных внешнеполитических отношений, высокий уровень международной напряженности и специфика современной военной и политической обстановки обусловили актуальность нашего обращения к исследованию властных механизмов обеспечения военной безопасности в Российской Федерации. В своем понимании проблемы военной безопасности нашей страны мы исходили из сложившейся социокультурной и геополитической ситуации противостояния цивилизаций в современном мире. Поэтому военную безопасность России мы определили как диалектическое состояние отношений между нашей страной и ее возможными противниками, обусловленное комплексом политических, экономических, военных и других противоречий, сглаживание или полное разрешение которых призвано исключить возможность Третьей мировой войны.

Властный механизм сам по себе является инструментом, с помощью которого субъект власти способствует достижению необходимой цели. В этой работе мы рассматривали властный механизм как совокупность определенных государственных институтов, призванных обеспечивать военную безопасность как экзистенциальное качество социального бытия, а деятельность институтов по обеспечению военной безопасности должна быть направлена прежде всего на нивелирование внешних и внутренних угроз начала военных действий, и в первую очередь — глобальных, могущих привести к мировому пожару. Функционирование властного механизма должно осуществляться при четко сформулированных целях, задачах и принципах обеспечения военной безопасности, с использованием особых процедур и всех имеющихся в распоряжении власти необходимых ресурсов.

К ресурсам, с помощью которых обеспечивается военная безопасность государства, относятся прежде всего экономические, демографические, силовые, интеллектуальные и информационные. Роль интеллектуальных ресурсов, к сожалению, до сих пор недооценивается в нашей стране, поэтому данная ситуация требует скорейшего исправления. Без привлечения ученых — теоретиков и практиков — невозможно добиться высокой эффективности деятельности властного механизма обеспечения военной безопасности государства.

В исследовании отмечена традиционная роль высшей государственной власти в обеспечении должного уровня военной безопасности и создании соответствующих механизмов.

Для любого политика действенный способ удержаться на Олимпе власти заключается в том, чтобы успешно решать наиболее актуальные проблемы и через это закреплять свое положение во власти. Это прекрасно понимает Президент Российской Федерации, как гарант Конституции и как важнейший элемент властного механизма обеспечения безопасности страны. Учитывая тенденции последних лет, можно с большой степенью уверенности предположить, что и во времена цивилизационного конфликта неизбежно дальнейшее усиление авторитарных методов в управлении страной.

Недавно «Левада-центр» обнародовал данные многолетних социологических опросов, которые свидетельствуют о растущем стремлении россиян к пресловутой «сильной руке»¹. В ноябре 2017 г. 40% россиян были убеждены, что «нашему народу постоянно нужна “сильная рука”». Еще 38% опрошенных выбрали пункт «бывают такие ситуации (например, сейчас), когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках». Если сложить эти проценты, то становится ясно, что 78% граждан мечтают о «сильной руке». Лишь 17% респондентов были убеждены, что ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть в стране была отдана одному человеку.

Все это позволяет прогнозировать, что в нашей стране будет и далее возрастать роль первого лица в государстве и, соответственно, снижаться значение выборных органов власти, прежде всего Государственной Думы как рупора гражданского общества.

Властный механизм является частью системы государственного управления. В состав этой разветвленной системы включены не только институты государственной власти и гражданского общества, но и каналы коммуникации между ними, в том числе информационные. Эти коммуникационные каналы конструируются и формируются в соответствии с принимаемыми нормативными правовыми актами государственного и регионального уровня.

¹ Левада-центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/12/11/17232> (дата обращения: 12.12.2017).

К сожалению, политической реальностью являются существующие разлаженность и несогласованность в действиях элементов властного механизма обеспечения военной безопасности, а также отсутствие унифицированной системы органов, участвующих в обеспечении военной безопасности страны. Разнообразные советы и комиссии, созданные при всех ветвях власти, либо работают неэффективно, либо вообще носят декоративный характер. Эта декоративность связана в первую очередь с неразвитостью институтов гражданского общества, которая негативно сказывается на всей деятельности по обеспечению военной безопасности.

Не внушает оптимизма и отсутствие действенных механизмов взаимодействия гражданского общества с институтами государственной власти. Их создание, на наш взгляд, позволило бы значительно повысить эффективность функционирования властного механизма, призванного обеспечивать военную безопасность нашей страны.

Если гражданское общество будет выражать патриотические интересы, а главными их защитниками сегодня становятся именно государство как аппарат управления и Президент как гарант Конституции и самого существования государства, тогда интересы гражданского общества и Президента будут совпадать, вследствие чего властный механизм обеспечения военной безопасности России будет находить широкую поддержку у патриотически настроенного гражданского общества.

В российской правовой сфере в настоящее время принят ряд важнейших документов, определяющих стратегию и тактику решения проблемы военной безопасности и регламентирующих вопросы обороны страны от возможной агрессии. Разработаны важнейшие документы, составляющие основу военной политики Российской Федерации. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Военная доктрина Российской Федерации и Федеральный закон «О безопасности» составляют концептуальную и доктринальную основу деятельности и дальнейшего совершенствования властного механизма обеспечения безопасности страны. Концептуальное формирование политики в области обеспечения военной безопасности Российской Федерации и ее реализацию обеспечивают федеральные и региональные органы государственной и исполнительной власти под руководством Президента. При этом действующая сегодня парадигма военной безо-

пасности, обоснованная и конституированная российским законодательством, во многом методологически несостоятельна и требует немедленного и глубокого переосмысления объединенными усилиями философов, политологов, социологов. На наш взгляд, для повышения эффективности деятельности властного механизма обеспечения военной безопасности Российской Федерации следует и в дальнейшем совершенствовать качество разработки нормативных правовых актов, в первую очередь документов доктринально-концептуального уровня.

На современном этапе исторического развития, когда российское общество оказалось в сложной международной ситуации, обусловленной событиями на Украине и в Сирии, прояснение вопросов, связанных с обеспечением военной безопасности, оказывается не просто актуальной научной проблемой, а жизненно важной задачей. Посильный вклад в решение этой сложной и многогранной задачи вносит данное исследование.

Теоретическая значимость данной монографии, на наш взгляд, заключается в углубленном анализе структуры властного механизма обеспечения военной безопасности страны, выявлении субъектов власти применительно к сфере военной безопасности, уточнении определений основных понятий теории безопасности. В содержание исследования включены результаты различных научных разработок, раскрыта роль институтов государственной власти и институтов гражданского общества в решении задачи обеспечения военной безопасности государства. Совокупность методологических наработок монографии пополняет базу для исследования прикладных проблем политологии в сфере обеспечения военной безопасности государства.

Практическая значимость монографии видится нам в следующих возможных путях применения полученных автором результатов: при разработке концептуальных документов, проектов законодательных и иных нормативно-правовых актов по проблемам военной безопасности, направленных на повышение эффективности ее обеспечения; для совершенствования государственного управления в военной сфере, оптимизации взаимодействия политических субъектов властного механизма обеспечения военной безопасности. Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе учреждений высшего образования по подготовке государственных и муниципальных служащих, должностных

лиц органов военного управления, правоохранительных органов и специальных служб, а также политологов, социологов; для работы по проблемам военной безопасности в координационных, совещательных и экспертно-аналитических структурах при органах государственной власти.

Тема укрепления, модернизации и совершенствования властного механизма по обеспечению военной безопасности будет актуальной для России всегда, ибо наша страна вновь окружена кольцом недружественных государств, проводящих агрессивную по отношению к Российской Федерации политику. Ныне цивилизационное противостояние находится на крайне высоком уровне, и сможет ли властный механизм обеспечения военной безопасности России найти и реализовать действенные способы урегулирования сложнейшей современной ситуации, покажет будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Альгин А.П.* Риск: сущность, функции, детерминация, разновидности, методы оценки (социально-философский анализ): дис. ... докт. филос. наук: 09.00.01 / Альгин Анатолий Петрович. — М., 1990. — 401 с.
2. *Амин С.* Вирус либерализма: перманентная война и глобализация мира. — М.: Европа, 2007. — 161 с.
3. Антология мировой философии: в 4-х т. Т. 3. — М.: Мысль, 1970. — 776 с.
4. *Арбатов А.Г.* Уравнение безопасности. — М.: РОДП «Яблоко», 2010. — 296 с.
5. *Аристотель.* Политика Аристотеля. — СПб.: тип. М.А. Александрова, 1911. — 466 с.
6. *Атаманов Г.А.* Азбука безопасности. Определения понятий «опасность» и «безопасность» // Защита информации. Инсайд. — 2012. — № 5. — С. 8–14.
7. *Атаманов Г.А.* Азбука безопасности. Исходные понятия теории безопасности и их определения // Защита информации. Инсайд. — 2012. — № 4. — С. 16–21.
8. *Атаманов Г.А.* Диалектика безопасности // Национальная безопасность России в перспективах современного развития. — Саратов: Научная книга, 2005. — С. 21–27.
9. *Атаманов Г.А.* Информационная безопасность в современном российском обществе (социально-философский аспект): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Атаманов Геннадий Альбертович. — Волгоград, 2006. — 168 с.
10. *Атаманчук Г.В.* Теория государственного управления: курс лекций. — М.: Изд-во юридической литературы, 1997. — 400 с.
11. *Балашов А.И.* Военный потенциал и экономические ограничения российской армии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2015. — № 34 (319). — С. 46–55.
12. *Балашов А.И.* Российская армия: смена модели // Мир России: Социология, этнология. — 2014. — Т. 23. — № 4. — С. 148–177.
13. *Баранов С.В.* Гражданский контроль силовых структур // Научно-аналитический журнал «Обозреватель — Observer». — 2007. — № 8. — С. 51–55.
14. Безопасность. Информационный сборник. — 1994. — № 6. — С. 108–114.
15. *Белов П.Г.* Системные основы обеспечения национальной безопасности России // Безопасность. Информационный сборник. — 1994. — № 6. — С. 88–92.
16. *Бельков О.А.* О концепции военной безопасности // Безопасность. Информационный сборник. — 1993. — № 4. — С. 11–14.

17. *Бельков О.А.* Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность. Информационный сборник. — 1994. — № 3 (19). — С. 91–94.
18. *Бест Д.* Война и право после 1945 г. — М.: Мысль, 2010. — 676 с.
19. *Бжезинский З.К.* Великая шахматная доска. — М.: Международные отношения, 2010. — 256 с.
20. *Богданов С.А.* Эволюция форм и способов ведения вооруженной борьбы в сетевых условиях // Военная мысль. — 2011. — № 2. — С. 49–58.
21. Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. — 1456 с.
22. *Бочарников И.В.* Национально-государственная политика России в дореволюционный период // Человеческий капитал. — 2017. — № 1 (97). — С. 6–10.
23. *Бочарников И.В.* Неядерное сдерживание как фактор обеспечения безопасности и суверенитета России в современных условиях // Тренды и управление. — 2015. — № 2. — С. 120–128.
24. *Бочарников И.В.* Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне как высшее проявление патриотизма и служения Отечеству // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2015. — № 2. — С. 72–86.
25. *Бочарников И.В.* Правый экстремизм в современном европейском пространстве // Дипломатическая служба. — 2017. — № 4. — С. 69–78.
26. *Бочарников И.В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. — М.: Экон-информ, 2013. — 144 с.
27. *Бочарников И.В.* Социальные механизмы управления устойчивым развитием российской системы образования // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. — 2013. — № 1 (13). — С. 71–75.
28. *Васильев А.А.* Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Васильев Антон Александрович. — Барнаул, 2007. — 192 с.
29. *Вебер М.* Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
30. Военная энциклопедия / председатель главной редакционной комиссии С.Б. Иванов и др. — М.: Воениздат, 2002. Т. 6. — 639 с.
31. *Воронцов С.А., Штейнбух А.Г.* О необходимости совершенствования подходов к обеспечению национальной безопасности России в информационной сфере // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2015. — № 9 (64). — С. 100–108.
32. *Галузов Э.А.* Международный имидж современной России: политологический анализ: автореф. дис. ... докт. полит. наук: 23.00.04 / Галузов Эраст Александрович. — М., 2004. — 52 с.

33. *Гацко М.Ф.* Гражданский контроль над Вооруженными Силами РФ // Научно-аналитический журнал «Обозреватель — Observer». — 2007. — № 1. — С. 14–21.
34. *Гацко М.Ф.* Правовое обеспечение военной безопасности России (теоретико-правовое исследование). — М.: изд-во МГУ, 2006. — 343 с.
35. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
36. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии: В 2-х т. Т. 2. — М.: Мысль, 1977. — 573 с.
37. Геополитика. Хрестоматия / сост. Б.А. Исаев. — СПб.: Питер, 2007. — 512 с.
38. *Геродот.* История (в 9 книгах). — Л.: Наука, 1972.
39. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. в 2-х т. Т. 2. — М.: Мысль, 1991. — 731 с.
40. *Голдгейр Д.М.* Цель и средства. Политика США в отношении России после «холодной войны». — М.: Международные отношения, 2009. — 519 с.
41. *Гончаров В.И.* Современный этап обеспечения военной безопасности в Европе: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Гончаров Виталий Игоревич. — М., 2013. — 211 с.
42. *Горохов П.А.* Правовой нигилизм государственных структур России как проблема философии права // Человек: преступление и наказание. — 2017. — № 3. — С. 340–346.
43. *Горохов П.А., Батеженко В.В.* Феномен перестройки четверть века спустя // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2010. — № 7. — С. 51–56.
44. Гражданское общество и проблемы безопасности России (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. — 1995. — № 2. — С. 18–36.
45. *Грамии А.* Тюремные тетради. В 3-х ч. Ч. 1. — М.: Изд-во политической литературы, 1991. — 564 с.
46. *Гребеник В.В.* Обеспечение взаимосвязи экономической и военной безопасности России в формирующейся парадигме теории безопасности ядерных государств: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / Гребеник Виктор Васильевич. — М., 2013. — 408 с.
47. *Гулыга А.В.* Немецкая классическая философия. — М.: Мысль, 2001. — 332 с.
48. *Гусева О.Г.* Эволюция взглядов военных мыслителей России на войну как общественное явление: последняя четверть XIX — первая четверть XX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Гусева Ольга Геннадьевна. — М., 2003. — 210 с.
49. *Давтян Д.В.* Гражданский контроль как механизм обратной связи в процессе взаимодействия власти и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 7–2. — С. 52–54.

50. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание: в 4-х т. — М.: Рипол Классик, 2006. — 2750 с.
51. *Дамаскин О.В.* Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности. — М.: Пограничная академия ФСБ России, 2016. — 432 с.
52. *Добренёв В.И.* Война и безопасность России в XXI веке. — М.: Академический Проект, 2011. — 217 с.
53. *Золотарёв В.А.* Военная безопасность Государства Российского. — М.: Кучково Поле, 2001. — 540 с.
54. *Казаков Н.Д.* Синергетика и безопасность. Поиск нетрадиционного диалога // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. — 1994. — С. 246–247.
55. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 6 кн. / в 12 авторских томах Н.М. Карамзина, по 2 тома в одной книге / Книга 2. Тома 3–4. — М.: Книжный сад, 1993. — 336 с.
56. *Кларк Р.А.* Третья мировая война: какой она будет? Высокие технологии на службе милитаризма. — СПб.: Питер, 2011. — 337 с.
57. *Кларк У.К.* Как победить в современной войне. — М.: Альпина бизнес букс, 2004. — 240 с.
58. *Клаузевиц К.* О войне. — М.: Госвоениздат, 1933. — 692 с.
59. *Князькин С.А.* Институт Уполномоченного по правам человека в международном и внутригосударственном механизме защиты прав человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Князькин Сергей Александрович. — Казань, 2000. — 206 с.
60. *Ковалёв А.А.* Анализ вариантов формирования системы международной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — Т. 13. — № 12. — С. 2349–2362.
61. *Ковалёв А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Ковалёв Андрей Андреевич. — СПб., 2015. — 196 с.
62. *Ковалёв А.А.* Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в Государственную Думу VII созыва // Управленческое консультирование. — 2016. — № 11. — С. 39–49.
63. *Ковалёв А.А.* Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций // Управленческое консультирование. — 2017. — № 9. — С. 18–28.
64. *Ковалёв А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы. — СПб.: Коновалов А.М., 2016. — 193 с.
65. *Ковалёв А.А.* Некоторые вопросы обеспечения безопасности при проведении в жизнь реформы силовых институтов власти // Управленческое консультирование. — 2016. — № 10. — С. 126–134.

66. *Ковалёв А.А.* Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности // Управленческое консультирование. — 2016. — № 9. — С. 52–59.
67. *Ковалёв А.А., Балаилов А.И.* Роль советской элиты в обеспечении безопасности государства: историко-политический аспект // Управленческое консультирование. — 2017. — № 7. — С. 20–24.
68. *Ковалёв А.А., Кудайкин Е.И.* Взаимосвязь национальной безопасности и стратегии государственного развития России // Управленческое консультирование. — 2017. — № 4. — С. 39–46.
69. *Ковалёв А.А., Мрочко В.Л.* Геополитический имидж военного статуса России // Власть. — 2017. — № 2. — С. 64–68.
70. *Коваленко М.П.* Стратегия обеспечения национальной безопасности современной России: механизмы противодействия вызовам и угрозам: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Коваленко Михаил Павлович. — Ростов н/Д., 2008. — 177 с.
71. *Кокошин А.А.* Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 260 с.
72. *Кориунов А.В.* Политика национальной безопасности как важнейший фактор обеспечения духовной безопасности России // Гуманитарий Юга России. — 2012. — № 2. — С. 210–217.
73. *Косов Ю.В.* Информационная безопасность и международное право // Управленческое консультирование. — 2016. — № 3 (87). — С. 209–211.
74. *Косов Ю.В., Вовенда Ю.В.* Геополитические концепции информационного противоборства в российской общественной мысли // Управленческое консультирование. — 2015. — № 10 (82). — С. 95–100.
75. *Косов Ю.В., Левкин И.М.* Проблемы информационного обеспечения политического управления в обществе знаний // Управленческое консультирование. — 2017. — № 9 (105). — С. 105–116.
76. *Косов Ю.В., Торопыгин А.В.* Три конференции мира: традиции и современность // Управленческое консультирование. — 2007. — № 3 (27). — С. 214–221.
77. *Косов Ю.В., Фокина В.В.* Политическая регионалистика. — СПб.: Питер, 2009. — 192 с.
78. *Кревельд М.В.* Трансформация войны. — М.: Альпина бизнес букс, 2005. — 344 с.
79. *Кривошеев С.А.* Сетевая война. Религиозный фактор. — Троицк: Тровант, 2013. — 210 с.
80. *Кудайкин А.В.* Военная служба в Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 574 с.
81. Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России: сб. статей. — М.: Ключ-С, 2012. — 352 с.

82. Кун Т. Структура научных революций. — М.: АСТ, 2009. — 310 с.
83. Кучерявый М.М. К пониманию политики модернизации национальной безопасности // Управленческое консультирование. — 2015. — № 11 (83). — С. 19–32.
84. Кучерявый М.М. Национальная безопасность в современных международных отношениях: информационно-политические аспекты. — СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХИГС, 2014. — 224 с.
85. Кучерявый М.М. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в аспекте глобальных политических процессов современного мира // Власть. — 2014. — № 2. — С. 105–109.
86. Кучерявый М.М. Роль информационной составляющей в системе политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2014. — № 164. — С. 155–163.
87. Лазарев И.А. Теория безопасности, ее состояние и перспективы развития // Современные проблемы национально-государственной и международной безопасности. — 1992. — С. 10–16.
88. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. — М.: Политиздат, 1969. — 591 с.
89. Лесков М.А. О роли и значении социального моделирования в разработке концепции безопасности России // Безопасность. — 1993. — № 11–12. — С. 38–43.
90. Лиддел Гарт Б. Г. Стратегия непрямых действий. — М., СПб: АСТ; Terra Фантастика, 2003. — 656 с.
91. Лихтин А.А., Ковалёв А.А. Теоретические аспекты понятия «информационная политика» и особенности ее реализации в современной российской общественно-политической реальности // Управленческое консультирование. — 2017. — № 1 (97). — С. 29–36.
92. Логинов А.В. Ресурсы власти как подсистемный институт: анализ с позиций теории политического цикла и системной теории органического типа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 6 (32) в 2-х ч. Ч. I. — С. 107–110.
93. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 8. — М.; Л., 1954. — 592 с.
94. Луман Н. Общество как социальная система. — М.: Логос, 2004. — 232 с.
95. Люткене Г.В. Современные концепции войны: философско-политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Люткене Галина Викторовна. — М., 2011. — 175 с.
96. Люттвак Э.Н. Стратегия. Логика войны и мира. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. — 392 с.
97. Максаковский В.П. Географическая картина мира. Книга 2. Региональная характеристика мира. — М.: Дрофа, 2009. — 480 с.

98. *Манилов В.Л.* Угрозы национальной безопасности России // Военная мысль. — 1996. — № 1. — С. 7–18.
99. *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического понимания истории // Избранные произведения в 3-х т. Т. 1. — М.: Изд-во политической литературы, 1980. — С. 2–43.
100. *Месснер Е.Э.* Всемирная мятежевойна. — М.: Кучково Поле, 2004. — 512 с.
101. *Мизес Л.* Всомогущее правительство. Тотальное государство и тотальная война. — Челябинск: Социум, 2006. — 466 с.
102. *Минделл А.* Сидя в огне. Преобразование больших групп через конфликт и разнообразие. — М.: АСТ, 2004. — 336 с.
103. *Молчановский В.Ф.* Безопасность — атрибут социальной системы // Социально-политические аспекты обеспечения государственной безопасности в современных условиях: сб. статей. — 1994. — С. 104–111.
104. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. В 2-х т. — М.: Госполитиздат, 1955. — 799 с.
105. *Морозова Е.А.* Ресурсы политической власти: институциональный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Морозова Елизавета Александровна. — Ростов н/Д., 2010. — 19 с.
106. *Най Д.С.* Будущее власти. — М.: АСТ, 2014. — 448 с.
107. *Нехай Р.Ш.* Система обеспечения военной безопасности региона Российской Федерации: проблема функционирования и совершенствования: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Нехай Руслан Шамсудинович. — СПб., 2006. — 202 с.
108. *Нисневич Ю.А.* Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции: проблемы реализации в России // Полис. — 2011. — № 1. — С. 165–176.
109. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. 3. — М.: Мысль, 2010. — 692 с.
110. Общество, власть и аналитика. Сборник статей и докладов (по материалам общественных слушаний Комиссии Общественной палаты Российской Федерации) по проблемам национальной безопасности и социально-экономическим условиям жизни военнослужащих, членов их семей и ветеранов / под общ. ред. А.Н. Каньшина. — М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2013. — 166 с.
111. *Овчинников Н.Ф.* Структура // Философская энциклопедия. Т. 5. — М.: Советская энциклопедия, 1970. — 742 с.
112. Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е.А. Олейникова. — М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез»», 1997. — 288 с.
113. *Павленко С.З.* Философия безопасности страны: поиск новых подходов // Социально-политические аспекты обеспечения государственной безопасности в современных условиях: сб. статей. — 1994. — С. 133–134.

114. *Певень Л.В.* Демократический гражданский контроль над вооруженными силами: теория и практика гражданско-военных отношений. — М.: изд-во РАГС, 2008. — 234 с.
115. *Пестель П.И.* О русской армии // Российский военный сборник.— М.: Гуманитарная академия Вооруженных Сил Российской Федерации, 1992. — 184 с.
116. *Платон.* Диалоги. — М.: Мысль, 1986. — 607 с.
117. *Платон.* Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2. / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1993. — 528 с.
118. *Поликарпов В.С.* Философия безопасности. — СПб.; Ростов н/Д.; Таганрог: изд-во ТРТУ, 2001. — 108 с.
119. *Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С.* Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. — 2007. — № 6. — С. 4–27.
120. *Прохожнев А.А.* Национальная безопасность: к единому пониманию сути и терминов // Безопасность. Информационный сборник. — 1995. — № 9. — С. 11–17.
121. *Радиков И.В.* Архитектура безопасности в системе международных отношений: эволюция и перспективы обновления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2010. — Т. 6. — № 4. — С. 229–248.
122. *Радиков И.В.* Безопасность как ценностный императив мировой политики // Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П.А. Цыганкова. — М.: изд-во МГУ, 2012. — С. 51–59.
123. *Радиков И.В.* Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2010. — № 4. — С. 5–11.
124. *Радиков И.В.* Военная безопасность общества и государства: политологический анализ: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.01 / Радиков Иван Владимирович. — СПб., 2000. — 408 с.
125. *Радиков И.В.* Война в XXI веке и новая семантика Военной доктрины России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 5–1 (55). — С. 150–153.
126. *Радиков И.В.* Дисперсия современной архитектуры безопасности в АТР: глобальные тенденции и региональные особенности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2011. — № 2 (30). — С. 10–19.
127. *Радиков И.В.* Нарастание военно-политической напряженности в условиях глобальной слабости международных институтов и «вырождения» войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. — 2015. — № 3. — С. 27–39.
128. *Радиков И.В.* Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2007. — Т. 3. — № 1. — С. 64–82.

129. *Радиков И.В.* Нетерпимость и ксенофобия как угроза стабильности и безопасности России // Общество. Среда. Развитие. — 2011. — № 1 (18). — С. 90–94.
130. *Радиков И.В.* Новая сущность войны в XXI веке и ее отражение в военной доктрине Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. — 2015. — № 2. — С. 39–51.
131. *Радиков И.В.* О трансформации военной политики постсоветской России. Ч. 1 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2009. — Т. 5. — № 1. — С. 56–71.
132. *Радиков И.В.* О трансформации военной политики постсоветской России. Ч. 2 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2009. — Т. 5. — № 2. — С. 163–178.
133. *Радиков И.В.* Ослабление государственности как угроза национальной безопасности и международному правопорядку // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2013. — Т. 9. — № 4. — С. 19–31.
134. *Радиков И.В.* Политический страх как фактор современной политики // Власть. — 2017. — Т. 25. — № 4. — С. 43–49.
135. *Радиков И.В.* Политическое доверие для власти: ресурс развития или проблема? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2016. — № 4 (71). — С. 130–134.
136. *Радиков И.В.* Ресурсы и потенциал российского влияния на систему международной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. — 2013. — № 3. — С. 66–73.
137. *Радиков И.В.* Ценностный подход в процессе формирования общей повестки дня международной безопасности // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2012. — № 3. — С. 41–45.
138. *Рогозин О.К.* Международная безопасность и обороноспособность государств (понятия, определения, термины). — М.: ТОО «Интерстамо», 1998. — 485 с.
139. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / под общ. ред. И.В. Бочарникова. — М.: Экон-Информ, 2016. — 306 с.
140. Российская армия и гражданский контроль: материалы международного «круглого стола». — М.: АНО «ЦОПИ», 2010. — 143 с.
141. Россия–2014: безопасность и развитие. Аналитический проект / под общ. ред. И.В. Бочарникова. — М.: Экон-Информ, 2014. — 327 с.
142. *Рыбалкин Н.Н.* Природа безопасности: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11 / Рыбалкин Николай Николаевич. — М., 2003. — 407 с.
143. *Рыжак Н.И.* Контроль законодательной власти за деятельностью спецслужб: Теоретико-правовые вопросы исследования:

- дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Рыжак Николай Иванович. — М., 1998. — 152 с.
144. *Рыжов Ю.А.* Стратегия безопасности страны // Армия и общество: сб. статей. — М.: Прогресс, 1990. — С. 380–391.
145. *Сабит Х.Х.* Характер современных локальных войн и вооруженных конфликтов в условиях многополярного мира: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Сабит Хасан Хабиб. — М., 2003. — 290 с.
146. *Савин Л.В.* Сетевая война. Введение в концепцию. — М.: Евразийское движение, 2011. — 130 с.
147. *Самыгин С.И., Верещагина А.В., Белов М.Т.* Угрозы национальной идентичности в информационном пространстве современного социума и риски информационной безопасности // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2015. — № 4. — С. 78–85.
148. *Сергеев Г.М.* Об отечественных и зарубежных подходах к проблеме национальной безопасности // Проблемы безопасности и устойчивости социально-политического развития российского общества. — 1994. — С. 65–71.
149. *Серебрянников В.В.* Предотвращение войн: теория и практика // Военная мысль. — 2008. — № 12. — С. 2–13.
150. *Серебрянников В.В.* Социология армии. — М.: ИСПИ РАН, 1996. — 446 с.
151. *Синюков С.В.* Механизм правотворчества: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Синюков Сергей Владимирович. — Саратов, 2013. — 241 с.
152. *Слипченко В.И.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. — М.: Вече, 2002. — 381 с.
153. Словарь и культура речи: к 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Индрик, 2011. — 557 с.
154. Словарь стандартных терминов и обозначений. — М.: Государственное изд-во стандартов, 1936. — 195 с.
155. *Соболев Г.С.* Механизм разработки стратегии национальной безопасности: международный опыт и традиции: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Соболев Григорий Степанович. — М., 2000. — 149 с.
156. *Старостин А.М., Самыгин С.И., Верещагина А.В.* Эволюция войны и многообразие ее форм в условиях кризиса национальной идентичности и динамики угроз информационной безопасности современного общества // Социум и власть. — 2016. — № 5 (61). — С. 49–54.
157. *Тепечин В.И.* Социология национальной безопасности как «новая» парадигма социального знания // Безопасность. Информационный сборник. — 1995. — № 3–4. — С. 89–95.
158. *Ткаченко С.В.* Информационная война против России. — СПб.: Питер, 2011. — 218 с.
159. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. — М.: Прогресс, 1996. — 608 с.

160. *Тойнби А.Дж.* Цивилизация перед судом истории. — М.: Прогресс, 1996. — 480 с.
161. *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Война и антивоенная. — М.: Транзиткнига, 2005. — 412 с.
162. *Трошев Д.Б.* Парламентские расследования как форма контроля федерального собрания Российской Федерации за деятельностью федеральных органов государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Трошев Денис Борисович. — М., 2008. — 181 с.
163. *Труханов В.А.* Система национальной безопасности, влияние социального фактора: на примере казачества: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / Труханов Виктор Александрович. — Саратов, 2003. — 439 с.
164. *Уэсселер Р.* Война как услуга. — М.: Столица-принт, 2007. — 320 с.
165. *Феофанов К.А.* Безопасность цивилизационного развития России в условиях глобализации: Политологический анализ: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / Феофанов Константин Анатольевич. — М., 2005. — 333 с.
166. *Фролов А.Н.* Эффективность национальной безопасности на региональном уровне: критерии и механизмы политического обеспечения: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Фролов Андрей Николаевич. — Ростов н/Д., 2006. — 144 с.
167. *Хавинсон В.Х., Бенберин В.В., Михайлова О.Н., Сидоренко А.В.* Старение в странах с развивающейся экономикой: вызовы и возможности // Управленческое консультирование. — 2015. — № 11(83). — С. 50–58.
168. *Халипов В.Ф.* Энциклопедия власти. — М.: Академический Проект; Культура, 2005. — 1056 с.
169. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003. — 603 с.
170. *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. — М.: Культурная революция, 2006. — 508 с.
171. *Харрис Ш.* Кибервойн@. Пятый театр военных действий. — М.: Альпина нон-фикшн, 2016. — 392 с.
172. *Хатами М.* Ислам, диалог и гражданское общество. — М.: РОС-СПЭН, 2001. — 242 с.
173. *Ходаковский Е.А.* Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе геодивизионных взаимодействий Запада и Востока: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02 / Ходаковский Евгений Андреевич. — М., 2010. — 355 с.
174. *Хозяиственный риск и методы его измерения.* — М.: Экономика, 1979. — 184 с.
175. *Хомский Н.* Прибыль важнее людей: неолиберализм и мировой порядок. — М.: Праксис, 2002. — 248 с.
176. *Хофмайстер Х.* Воля к войне, или бессилие политики. — СПб.: ИЦ Гуманитарная академия, 2006. — 290 с.

177. *Цезарь Г.Ю.* Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне. — М.: АСТ; Ладомир, 2007. — 752 с.
178. *Цишковский Е.А.* Парламентское представительство и профессиональная компетентность законодателя // Юридическая техника. — 2014. — № 8. — С. 481–487.
179. *Цыганков П.А.* Российская наука международных отношений: новые направления. — М.: изд-во ПЕР СЭ, 2005. — 416 с.
180. *Чельцов Б.Ф.* Сетевую войну можно выиграть только сетевыми средствами // Военная мысль. — 2008. — № 9. — С. 2–10.
181. *Шабанова З.М.* Специализированные уполномоченные по правам человека в России и зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Шабанова Зурида Муссовна. — М., 2004. — 189 с.
182. *Шамахов В.А., Балашов А.И.* Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. — 2016. — № 1 (85). — С. 22–30.
183. *Шамахов В.А., Балашов А.И.* Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы государственного управления // Управленческое консультирование. — 2016. — № 12 (96). — С. 6–15.
184. *Шамахов В.А., Косов Ю.В.* Обращение к истокам теории стратегии // Управленческое консультирование. — 2017. — № 9 (105). — С. 204–211.
185. *Шамахов В.А., Косов Ю.В.* Экономическая безопасность России: новый взгляд // Управленческое консультирование. — 2017. — № 6 (102). — С. 195–201.
186. *Шарихин А.Е.* Безопасность как философская категория // Безопасность. Информационный сборник. — 1994. — № 6. — С. 112–117.
187. *Шарп Д.* От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. — М.: Новое издательство, 2011. — 84 с.
188. *Шмит К.* Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. — М.: Праксис, 2007. — 301 с.
189. *Шпуга Е.С.* Политическое лидерство как механизм интеграции общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Шпуга Екатерина Сергеевна. — М., 2014. — 26 с.
190. *Штоль В.В.* Армия «Нового мирового порядка». — М.: изд-во ОГИ, 2010. — 384 с.
191. *Шульц В.Л.* Информационное противоборство в условиях активного противоборства: модели и методы. — М.: Наука, 2011. — 186 с.
192. Эволюция форм, методов и инструментов противоборства в современных конфликтах / под общ. ред. И.В. Бочарникова. — М.: Экон-Информ, 2015. — 218 с.
193. *Эразм Роттердамский.* Воспитание христианского государя; Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного; Похвальное слово глупости. — М.: Мысль, 2001. — 365 с.

194. *Этциони А.* От империи к сообществу. Новый подход к международным отношениям. — М.: Ладомир, 2004. — 384 с.
195. *Andreski S.* Military Organization and Society. 2nd edition. — Berkeley: University of California Press, 1971. — 238 p.
196. *Aron R.* Peace and war: a theory of international relations. — N.Y.: Transaction Publisher, 2003. — 820 p.
197. *Brown H.* Thinking about national security: defense and foreign policy in a dangerous world. — Boulder, Colorado: Westview press, 1983. — 280 p.
198. *Buzan B.* People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post— Cold War Era. 2nd edition. — Colchester: European Consortium for Political Research Press, 2008. — 311 p.
199. *Copeland D.C.* The origins of major war. — Ithaca: Cornell University Press, 2000. — 336 p.
200. *Cox R.W.* Gramsci, hegemony and international relation: an essay in method // Millennium, — 1983. — № 12. — P. 162–175.
201. *Dougherty E.M.* Human reliability analysis — where shouldst thou turn? // Reliability Engineering and System Safety. — 1990. — № 29. — P. 283–299.
202. *Doyle M.K.* Liberal Legacies and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs. — 1983. — № 3. — P. 205–235.
203. *Edmunds T.* Civil-Military Relations in Post-Communist Europe: Reviewing the Transition. — L.: Routledge, 2013. — 192 p.
204. *Feaver P.D.* Armed Servants: Agency, Oversight, and Civil-Military Relations. — Harvard: Harvard University Press, 2003. — 400 p.
205. *Gilpin R.* War and change in world politics. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — 288 p.
206. *Guldenmund F.W.* The nature of safety culture: a review of theory and research // Safety Science. — 2000. — № 34. — P. 215–257.
207. *Hoffmann S.* The Uses and Limits of International Law // International Politics. — 1973. — № 2. — P. 114–119.
208. *Huntington S.* The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-military Relations. — Harvard: Belknap Press of Harvard University Press, 1957. — 534 p.
209. *Isaacson W.* Kissinger: A Biography. — N.Y.: Simon & Schuster, 2005. — 896 p.
210. *Mack C.S.* When political parties die: a cross-national analysis of disalignment and realignment. — Westport: Praeger, 2010. — 323 p.
211. *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality. — Washington, DC: National Defense University Press, 1996. — 286 p.
212. *Mearsheimer J.J.* Back to the Future: Instability in Europe after the Cold War // International Security. — 1990. — № 1. — P. 5–56.
213. *Miller L.H.* Global Order. Values and Power in International Politics. — Boulder, Colorado: Westview Press, 1985. — 228 p.

214. *Modelski G.* Globalization as Evolutionary Process. Modeling Global Change. — L.: Routledge, 2008. — 464 p.
215. *Morgenthau H.J.* Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace. — N.Y., 1973. — 617 p.
216. *Nielsen S.* American Civil-Military Relations: The Soldier and the State in a New. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009. — 432 p.
217. *Nye J.S.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. — N.Y.: Public Affairs, 2005. — 191 p.
218. *Ray J.L.* The Democratic Path to Peace // *Journal of Democracy*. — 1997. — № 8. — P. 49–64.
219. *Reason J.* Managing the Risks of Organizational Accidents. — Manchester: University of Manchester, 1997. — 266 p.
220. *Ritter G.* Die Dämonie der Macht. — Berlin, 1947. — 453 S.
221. *Russett B.* Grasping the democratic peace: principles for a post-cold war world. — New Jersey: Princeton University Press, 1994. — 184 p.
222. *Schweller R.L.* Unanswered Threats: Political Constraints on the Balance of Power. — New Jersey: Princeton University Press, 2008. — 200 p.
223. *Singer P.W.* Wired for War: The Robotics Revolution and Conflict in the 21st Century. — N.Y.: The Penguin press, 2009. — 988 p.
224. *Spykman N.J.* America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. — N.Y.: Transaction Publishers, 1942. — 498 p.
225. *Stuermer M.* Putin and the rise of Russia. — L.: Phoenix, 2009. — 253 p.
226. *Terriff T.* Security Studies Today. — Cambridge: Polity Press, 1999. — 240 p.
227. *Thompson L.B.* Low Intensity Conflict: The Pattern of Warfare in the Modern World. — N.Y.: Rowman & Littlefield, 1989. — 227 p.
228. *Wallerstein I.* Frantz Fanon: Reason and Violence // *Berkeley Journal of Sociology*. — 1970. — № 15. — P. 222–231.
229. *Walt S.M.* International relations: one world, many theories // *Foreign Policy*. — 1998. — № 110. — P. 29–35.
230. *Waltz K.N.* Theory of International Politics. — Boston: Addison-Wesley Pub. Co., 1979. — 256 p.
231. *Wohlforth W.C.* World Out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy. — New Jersey: Princeton University Press, 2008. — 248 p.
232. *Wolfers A.* Discord and Collaboration: Essays on International Politics. — Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. — 312 p.
233. *Zakaria F.R.* From Wealth to Power: The Unusual Origins of America's World Role. — New Jersey: Princeton University Press, 1999. — 216 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	15
1.1. Цивилизационное противостояние в XXI в. и новые вызовы для военной безопасности	15
1.2. Социально-онтологические аспекты властных механизмов обеспечения военной безопасности	55
ГЛАВА 2. ВЛАСТНЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	85
2.1. Организационная структура властных механизмов обеспечения военной безопасности.....	85
2.2. Концептуальные и доктринальные основания обеспечения военной безопасности Российской Федерации в правовой сфере	152
ГЛАВА 3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЛАСТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРОЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	186
3.1. Модернизирование управленческой деятельности в сфере обеспечения военной безопасности	186
3.2. Перспективы рационализации политико-правовой базы обеспечения военной безопасности России	215
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	236
БИБЛИОГРАФИЯ	241